

Дарья Донцова

Черный список
деда Мазая

Сاختавне вест Анастэнт Евлампия Романова

Я, Евлампия Романова, наконец-то нашла работу по душе и теперь улаживаю щекотливые дела в агентстве «Нет проблем». Но и вне службы скучать не приходится! Старинная приятельница Жека назначила срочную встречу и пожаловалась: в последнее время она кидается на людей без всяких причин. А вскоре я узнала – она ударила ножом сына Севу, а сама выбросилась из окна! Но Жека боготворила своего отпрыска и никак не могла его убить! Пообщавшись с одной из пассий Севы, я узнала – почти все члены их компании, зависавшей в ночном клубе, переселились в мир иной. Что за маньяк истребляет тусовщиков? На основной работе задачка не менее сложная: как уговорить писательницу Валентину Нечитайло сменить имидж секс-бомбы, если эта не первой свежести мадам согласна носить только мини-юбки, прозрачные блузки и красные ботфорты?

- [Дарья Донцова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

Дарья Донцова Черный список деда Мазая

Глава 1

Если тайком подсунуть в карман пиджака папы презерватив, то мама надолго забудет о ваших школьных проблемах.

– Ты мерзавец! – яростно произнесла семипудовая блондинка в ярко-красном платье и отвесила затрещину своему тринадцатилетнему сыну.

– Вера Сергеевна, – с укоризной сказала я, – мы с вами договорились: никакого рукоприкладства.

– Оставь его, Верушка, – попросил мужчина, сидевший в кресле, – сейчас я провожу Лампу, и спокойно побеседуем с парнем.

– А я что? Я ничего! Просто пошутил, – занял мальчишка, – нам на уроке говорили: детей бить нельзя. В Америке за это родителей в тюрьму сажают.

Вера Сергеевна схватила сыночка за ухо, с силой сдернула наглеца со стула и потащила вон из комнаты с воплем:

– Мы в России живем! Тут тебе от всех достанется! Сначала я уши оборву, потом отец дурь выбьет, затем бабушка голову открутит. Поганец!

– Думаю, вам нужно вмешаться, – сказала я главе семейства, когда мать с сыном исчезли в коридоре. – Игорь Андреевич, очень прошу вас не применять к Сереже методов физического воздействия.

Хозяин квартиры встал.

– Уважаемая Лампа, огромное вам спасибо. Вы за несколько часов разобрались с проблемой, из-за которой я чуть не потерял семью. Верушка – женщина импульсивная, очень ревнивая, мне трудно описать, какая война у нас разгорелась, когда супруга обнаружила в моем офисном костюме нескрытую упаковку с тем злосчастливым презервативом. Три недели ада. Я понимал: пакетик подбросила злая рука, а раз пиджак рабочий, я решил, что постарался кто-то из коллег.

– Вы ведь уходили из дома в костюме и возвращались в нем, – мягко сказала я, – следовало учесть все возможности.

– Я подумать не мог, что Сергей способен устроить такую пакость родителям! – запоздало вскипел Игорь. – Гаденьш!

Мне захотелось сказать главе семьи, что умная жена, прожив с мужем пятнадцать лет, не станет закатывать сцены ревности, она либо посмеется и спросит: «Кто из коллег тебя так любит?», либо сделает вид, что ничего не находила, подойдет к зеркалу, беспристрастно оценит себя, сядет на диету, запишется в спортзал, изменит цвет волос, превратится из бегемотоподобной «майонезной» блондинки в стройную элегантную даму и отобьет мужа у соперницы. Но у Крючковых получилось иначе. Вера орала на супруга почти месяц, довела его до гипертонического криза, обвинила во всех смертных грехах и даже сейчас, убедившись, что злосчастный презерватив отцу подсунил балбес Сережа, злобно косится на Игоря. Вере Сергеевне не помешало бы посоветоваться с психологом. Но я не имею права давать подобные советы. Поэтому вслух произнесла:

– У Сережи большие проблемы в школе, он оставлен на второй год. Вера почти целый месяц с середины мая постоянно ругала сына. Каждое утро, когда он выходил к завтраку, она визжала: «Явился, балбес, урод, кретин! У всех дети как дети, а у меня горе!»

Боюсь, я бы тоже не выдержала такого прессинга и оказала сопротивление. Сережа хотел получить передышку, вот и подумал: пакетик с презервативом в папином кармане – лучший способ перевести стрелки на отца. Сергей нормальный мальчишка. Мне кажется, если ему не хочется учиться, скорее всего, это вина не его, а педагогов.

– Вас проводить до машины? – бесцеремонно перебил меня Игорь.

– Спасибо, лучше идите, спасайте сына, – улыбнулась я и быстро направилась к выходу.

– Теперь всем буду рекламировать «Ноупро», – пообещал Игорь, выпроваживая меня на лестницу.

Я вызвала лифт и поехала на первый этаж. «Ноупро» – это сокращение от «ноу проблем», что в переводе на русский означает «нет проблем». Фирма занимается улаживанием самых разных деликатных ситуаций. К сожалению, не все дела быстро решаются, с проблемой Игоря я разбиралась со вчерашнего вечера и почти сразу поняла, кто автор затеи.

Я села в машину, позвонила и сказала:

– Ваня, полный порядок. Клиент доволен, хочу устроить себе передышку, поеду попить кофе.

– Отлично, – ответил начальник, – если ты понадобишься, я звякну.

Я медленно покатила по дороге, выскивая какое-нибудь уютное заведение с капучино и пирожными.

Наверное, следует объяснить, как я, Лампа Романова, очутилась на службе в упомянутом «Ноупро».

Родителям, которые с двух лет приковывают своего несчастного ребенка к музыкальному инструменту в надежде вырастить гения, а потом сидеть в концертном зале и гордо поглядывать на тех, чьи дети скромные врачи и инженеры, следует помнить, что из миллиона бедняг, играющих гаммы, получается всего один Денис Мацуев. Что происходит с остальными? Хорошо, если их мамы вовремя понимают: Моцарта из дитяти не выросло. Такие подавляют свои амбиции и позволяют отпрыску выбрать профессию исходя из его собственных желаний. Но со мной, увы, получилось иначе^[1]. Мамочка, оперная певица, мечтала видеть меня на сцене, но Господь не отсыпал ее дочери таланта, не дал ей ни усидчивости, ни целеустремленности. Консерваторию я окончила, чтобы угодить любимой матушке, некоторое время просидела в оркестре, тоскливо нащипывая арфу, вышла замуж, а потом, потеряв статус семейной дамы, попыталась найти себя. Если честно, то больше всего мне по душе работа сыщика, но соответствующего образования я не получила. И хотя у меня есть талант к расследованиям, бывшую арфистку не спешили взять в «Пинкертон»^[2]. Зато меня постоянно приглашает в штат своей фирмы второй муж. У Макса детективное агентство, но я не хочу работать у супруга, неизбежно начнутся конфликты, я лишь изредка соглашаюсь ему помогать.

Несколько месяцев назад моя жизнь резко изменилась. И, как водится, неожиданно. Я сидела в кафе при большом торговом центре. Столики были все заняты, поэтому, когда ко мне приблизился мужчина с подносом и вежливо сказал: «Извините за бестактность, но больше приземлитесь негде», я вежливо ответила: «Конечно, устраивайтесь».

Незнакомец сел и мигом представился:

– Меня зовут Виктор.

Я решила, что он это сделал из элементарной вежливости, и назвалась:

– Лампа.

Далее последовала вполне ожидаемая стандартная реакция:

– Да ну? А как вас зовут по паспорту?

Через пять минут я пожалела, что разрешила этому человеку подсесть за мой столик. Виктор стал откровенно приставать ко мне, используя весь набор тупых шуток, начиная с фразы: «Лампа, а вашей матери случайно зять не нужен?»

Я рассердилась:

– К сожалению, моя мама давно скончалась.

Полагаете, этот идиот смутился? Вовсе нет, он воскликнул:

– Тогда, может, ваш отец ищет замечательного зятя?

Это было уже слишком! Я окинула дурака взглядом и поняла: он не уйдет. Будет сидеть напротив, гнусно смеяться, а все мои отповеди вроде «оставьте меня в покое» сочтет за женское кокетство и утроит старания. Конечно, я сама могла встать и покинуть кафе, но на тарелочке лежала недоодежная, очень вкусная творожная запеканка, в чашке был недопитый кофе, а пересесть оказалось некуда, все места оккупированы. Мне совершенно не хотелось лишиться вполне заслуженного полдника, поэтому пришлось применить хитрость.

Я отложила вилку и проникновенно сказала:

– Витя, я одинока.

– Отлично, – обрадовался он, – давай поженимся, ну хотя бы один раз.

Я позволила себе идиотскую выходку, под своей тупой остротой и провокацией

Я подождала, пока идилл перестанет готовить над своей гупой остротой, и продолжила.

– Давно мечтаю завести роман с интересным человеком. Но вот беда, едва узнав поближе о моих талантах, парни убегают прочь. Понимаешь, Витя, я практикую ясновидение.

Новый взрыв радостного ржания временно заставил меня умолкнуть, но я упорная, поэтому, когда Витя успокоился, как ни в чем не бывало произнесла:

– Стоит мне сесть около человека, как я моментально считываю информацию. Хочешь, расскажу про тебя?

– Валяй! – обрадовался Виктор.

Я откашлялась.

– Ты зарабатываешь немного. Любишь футбол, а из напитков – пиво. В кино предпочитаешь блокбастеры, всегда покупаешь на сеанс большое ведро попкорна. Тебе нравятся мужские эротические журналы, дорогие часы, шикарные машины и красивые девушки-фотомодели. Но в реальной жизни ты взял кредит на скромную иномарку и не имеешь постоянной любовницы. Теперешние две приятельницы упрекают тебя в жадности: ни норковых шуб, ни бриллиантовых колец ты им не даришь, отдыхать на Карибы не зовешь. В «Одноклассниках» ты выставил фото дома и джипа, но это не твой особняк с внедорожником. Основной упрек твоей мамы: «Когда мой сын наконец остепенится, заведет семью и родит мне внука?» Ты терпеть не можешь дачу, огород и всеми силами пытаешься отвертеться от поездок на «фазенду». Да, еще у твоих родственников есть кошка, рыжая, персидской породы. После посещения туалета ты не опускаешь сиденье унитаза и считаешь, что жениться нужно лишь для того, чтобы лишний раз убедиться: жениться не следует. Хочешь еще? Про выпускной вечер в школе, темный кабинет в конце коридора и девочку...

Договорить я не успела, Виктор вскочил, схватил свою борсетку и убежал. Я стала спокойно есть запеканку. Один – ноль в мою пользу.

– Кто вас научил так ловко отшивать назойливых кавалеров? – спросил сбоку приятный голос.

Я повернула голову, увидела за соседним столиком курносого веснушчатого рыжего парня и ответила:

– Сама додумалась. Если бы Витя был способен логически мыслить, он мог бы сообразить, что ему обрисовали среднестатистического российского мужчину. Ничего экстраординарного.

– Вы рисковали, упомянув про его мать, – возразил незнакомец. – Она могла уже умереть.

– Обратите внимание, я сказала: «основной упрек твоей мамы». А уж когда она ему это говорила, не уточняла, – улынулась я.

– Витя мог оказаться сиротой, – не успокаивался сосед.

Я отложила вилку.

– У него на часах браслет из широких пластин, на одной есть гравировка «От мамы» и стоит недавнее число. Вероятно, это подарок на день рождения.

– У вас отличное зрение! – восхитился собеседник.

– А мозги еще лучше, – добавила я.

– Но как вы догадались про кошку? – полюбопытствовал парень.

– У Вити весь пиджак в рыжей шерсти, – снисходительно пояснила я. – Холостые мужчины редко заводят животных, волосы не собачьи, а самая распространенная в России порода домашних кошек персидская. Простая логическая цепочка. Объяснить вам про сиденье унитаза? Думаю, вы его тоже не опускаете. А теперь я хотела бы поесть спокойно.

– Вы где работаете? – поинтересовался через пару минут парень.

– Исполняю разовые поручения, – отмахнулась я.

Сосед протянул мне визитку.

– Я Иван Маслов, владелец фирмы «Ноупро», мне нужны такие люди, как вы. Если надумаете, звоните.

Я пробежала глазами текст.

– Уже надумала. Согласна.

Иван прищурился.

– Вот так сразу? Не посоветовавшись ни с кем?

Я пожала плечами:

– Мне нравится ваш девиз: «Для нас нет проблем».

Маслов взял свою чашку и пересел за мой столик.

– Лампа, похоже, мы нашли друг друга.

Отлично понимаю, что вы сейчас обо мне думаете. Ну разве можно вот так, очертя голову, соглашаться работать у человека, чье имя вы узнали менее минуты назад? Конечно, нельзя. Надо приехать домой, найти в Интернете информацию о «Ноупро», внимательно изучить ее, обсудить предложение с мужем, подругами. Почему я спонтанно приняла решение? Не спрашивайте, не знаю. Просто услышала, как внутренний голос вкрадчиво шепнул: «Лампуша, не упустить свой шанс».

И вот уже несколько месяцев исправно приходя в офис, я ни на секунду не пожалела. Работа оказалась именно такой, о какой я мечтала: интересной и хорошо оплачиваемой. Коллеги вежливы и профессионально подкованы, начальник, несмотря на молодость и простецкую внешность, обладает острым умом и никогда не придирается к сотрудникам. Моя жизнь из хорошей превратилась в прекрасную. А мелкие шероховатости вроде встреч со свекровью Капой похожи на капли горчицы, которыми приправлен большой сочный стейк. Ну согласитесь, без острой добавки мясо может показаться пресным, а для полного осознания своего счастья необходимы небольшие неувязки.

Глава 2

Чем меньше думаешь о диете, тем лучше сохраняешь фигуру. Поэтому я без малейших угрызений совести слопала два пирожных и запила их большим бокалом латте, потянувшись к кошельку, но тут зазвонил телефон. На экране высветилась фамилия «Ковалева», и я радостно сказала в трубку:

– Привет, Жека.

Мою бывшую коллегу по оркестру зовут Евгения Ивановна. С раннего детства ее все называют Жека.

– Здравствуй, Лампуша, – донеслось в ответ.

Я спросила:

– Как дела? Миша в порядке?

Но Жека, наплевав на светские условности, быстро сказала:

– Все плохо. Мне очень нужна твоя помощь. Ты где? Можно к тебе приехать?

Ковалева – единственная из моих бывших коллег-музыкантов, с кем я поддерживаю отношения. В оркестре к арфистке Романовой относились с легким пренебрежением, а Жека была звездой, блистательной скрипачкой, любимицей нашего дирижера Натана Гольдена. Но, несмотря на статус

примы, Жека всегда находила минутку, чтобы сказать мне несколько ласковых слов. Мне тогда Жека казалась зрелой, умудренной жизнью женщиной, у нее уже был сын Сева, вот только не помню, в какой класс он ходил. Потом между Ковалевой и Гольденом пробежала тучная черная кошка, Натан перестал хвалить Жеку, и та через некоторое время уволилась. Среди оркестрантов фонтаном забили сплетни. Я предпочитала не поддерживать досужие разговоры, а после концертов-репетиций быстренько сматывалась домой. Обыватель считает, что люди, исполняющие классическую музыку, интеллигентны, умны, это не поп-певцы, которые с удовольствием говорят на весь свет гадости про коллег, и не рокеры, наливающиеся перед выступлением коньяком по самые брови. Дорогие мои, поверьте: пиликающие на скрипках и виолончелях музыканты – отнюдь не святые, они обожают обсуждать окружающих, употребляют крепкие напитки, не чураются ненормативной лексики и вообще отнюдь не ангелы с крыльями. В соседней с родительской квартире проживал дирижер Н. Основным развлечением его было избивание жены-балерины. Ну и чем тогда Н отличается от среднестатистического Васи, который, отбарабанив смену и приняв на грудь «ёрш», мутузит супругу? Впрочем, простите, я ошиблась. Вася просто отвечает своей бабе затрещины, а Н раздавал оплеухи под звуки Первого концерта Петра Ильича Чайковского. Интеллигента всегда можно узнать по любви к классике.

Так вот, в нашем оркестре кости перемывали всем, а уж Жеку обсосали до спинного мозга. Как-то раз флейтистка Ляля Гордина, сказав: «Ну точно она с Натаном спала, хотела развести его с семьей и не смогла», неожиданно повернулась ко мне и громко спросила:

– Романова! Хватит сидеть с кислой мордой! Выскажись по сути обсуждаемой проблемы.

Я никак не ожидала, что кого-то заинтересует мое мнение, растерялась и по глупости ответила честно:

– Это не наше дело. Некрасиво судачить за спиной человека. Когда Жека здесь работала, ты, Ляля, первой бежала обнять ее при встрече, потому что надеялась на ее протекцию. А сейчас швыряешь в Ковалеву комья грязи. Жека хороший человек и талантливый музыкант, надеюсь увидеть ее первой скрипкой Нью-Йоркского симфонического оркестра.

Повисла тишина, потом пианистка Юлия Ребятова, неконфликтная спокойная женщина, вдруг возмутилась:

– Люди! Великий немой заговорил! Романова, моралистка ты наша! Ну-ка вспомни, почему ты у нас ставку занимаешь? Не стыдно сидеть с твоими аховыми способностями в таком коллективе, а? О тебе мамаша побеспокоилась, а Лялька сама пробивается.

Кстати, на следующий день Ребятова подошла ко мне и смущенно сказала:

– Прости, не знаю, что на меня нашло, нахамила тебе вчера на пустом месте.

Я заверила Юлю, что совершенно не обижена, и мы до самого моего увольнения из оркестра сохранили хорошие отношения. Но в момент скандала я, успев горько пожалеть о сказанных от неожиданности словах, быстро удрала домой. С той поры я с коллегами находилась в состоянии холодной войны. Но потом мне неожиданно позвонила Жека и пригласила на свой день рождения. Я пришла на праздник и с огромным изумлением узнала, что она старше меня всего на десять лет, а наличие сына-подростка объясняется просто: Ковалева родила мальчика в юном возрасте. Более того, оказалось, что мы в детстве посещали одну и ту же музыкальную школу, которая давно считается кузницей кадров для консерватории. Туда хотят пристроить своих деток родители, мечтающие, чтобы их чада стали победителями разных международных конкурсов. Попасть в эту более чем престижную «музыкалку», откуда ребята выходят почти готовыми профессионалами, можно лишь в двух случаях: если вы очень талантливы или ваши предки имеют прямое отношение к миру искусства. Ковалеву приняли по первой причине, меня по второй, мы учились в разное время из-за разницы в возрасте, но у нас было много общих воспоминаний о педагогах.

С той поры мы находимся с Жекой в приятельских отношениях, раза три-четыре в месяц непременно созваниваемся. Правда, последняя наша беседа состоялась в конце июня, но тогда у Ковалевой был веселый голос. И вот неожиданное заявление: «Все плохо».

– Пожалуйста, никуда не уходи, я сейчас приеду, – взмолилась Жека.

– Сию в кафе, здесь очень шумно, много народа, давай сама к тебе прикачу, – предложила я.

– Ой, только не домой! – испугалась она. – Ни в коем случае. Знаешь ресторан «Горацио»? Мы там Мишин юбилей отмечали.

– На бульварах? Конечно. Уже иду к машине, – пообещала я.

Жека, забыв попрощаться, бросила трубку. Меня охватило еще большее беспокойство. Ковалева человек воспитанный, не сказать «до свидания» не в ее стиле. Надо позвонить Ване и оговорить пару свободных часов.

Как и все дорогие харчевни, «Горацио» оживает после семи вечера. Днем тут практически нет народа. Впрочем, отсутствие обедающей публики не удивительно. Бизнес-ланч в трактире стоит две тысячи рублей, простому служащему такой расход не по карману.

Когда я вошла в зал, Жека уже сидела за столиком возле неработающего камина. Местные завсегдатаи недолюбливают этот уголок: человека, который уютно устроился в слишком глубоком кресле с утрированно высокой спинкой, совершенно не видно издали. А какой смысл заходить в одно из самых пафосных мест Москвы, если во время ужина никто не увидит ни твое новое платье, ни сумочку из последней коллекции, ни украшения? Поесть можно и дома, в «Горацио» выгуливают подарки и заграничные приобретения.

– Мне нужна твоя помощь, – комкая салфетку, начала Ковалева и тут же замолчала, потому что к нашему столику подскочил официант и деловито спросил:

– Дамы желают пообедать?

– Принеси что-нибудь, – нервно приказала Жека, – для двоих.

– Пожалуйста, только без руколы, – попросила я.

«Горацио» один из известнейших московских ресторанов. У его хозяина в столице более тридцати заведений разной ценовой политики. Насколько мне известно, Андрей Бовиков стал ресторатором случайно. В середине девяностых он поехал в Италию, был поражен тамошней кухней, огромным количеством закусокных всех мастей и понял: в Москве-то негде прилично пообедать, некуда сходить вечером с девушкой. Свое первое меню Андрей, повар по образованию, подсмотрел то ли в Неаполе, то ли в Риме, то ли в Милане. В особенности он был впечатлен заморской травой руколой. В Москве тогда салаты из зелени были не в чести, да и россияне слышали лишь про «Оливье», «Мимозу» и селедку под шубой. Рукола с белыми грибами и вялеными помидорами произвела эффект разорвавшейся бомбы. К Бовикову народ пошел шеренгами. Сейчас, благодаря тому же Андрею, средиземноморской кухней в столице России никого не удивишь, и многие поняли: рукола на самом деле горькая жесткая трава, есть зелень и повкусней. Но для Бовикова она как первая любовь, которой ресторатор хранит верность. Резные листочки добавлены у Андрея практически во все, их нет лишь в манной каше. Хотя не знаю, манку у Бовикова пока не подают. Но если он включит ее в меню, то с большой долей вероятности позиция будет обозначена: «рукола на молоке».

– Лампа, я больше не могу, – с отчаянием сказала Жека, – все, мне пришел конец. Край! Утром вышла к машине, вижу, идет цыганка. Знаешь, такая таборная, в цветастых юбках. Остановилась и вдруг говорит: «Устрани свою проблему, или она тебя убьет. Вижу смерть над твоей головой. Деньги давай, если не дашь, точно несчастье случится». И смылась! А я осталась стоять с раскрытым ртом. Мне так жутко! Цыганка смерть пообещала! Я боюсь!

Ну кто бы мог подумать, что умная, образованная Евгения воспримет всерьез дурацкую встречу с мошенницей! Но говорить сейчас Ковалевой что-нибудь вроде: «Ерунда, ты же не идиотка, чтобы верить гаданиям, гороскопам и прочим чудесам» – не стоит. Она меня просто не услышит и подумает, что я не хочу ей помочь. Поэтому я попыталась утешить ее:

– Жека, проблемы бывают разные. Ну, например, твое курение. Я абсолютно уверена: прорицательница намекала на то, чтоб ты как можно скорей отказалась от этого пагубного пристрастия. Сколько ты уничтожаешь сигарет в день?

– Пачку, иногда полторы, – уже спокойнее ответила Ковалева. – В зависимости от рабочих неприятностей. Сама понимаешь, то одно, то другое, то третье.

Я кивала в такт ее словам. Жека давно бросила концертировать. В свое время ей предложили место в успешном оркестре в Америке. У нее тогда еще была жива мама, Таисия Ивановна, которая категорически отказалась покидать Россию, мотивируя это просто:

– Я не знаю английского языка, мне там поговорить не с кем будет, все подружки здесь, в Москве. Где родился, там и пригодился. Севочка крошечный, тоже по-басурмански ни бум-бум. Ты будешь гастролировать, а мы с мальчиком останемся вдвоем в Нью-Йорке? Даже хлеба не купим. Езжай, доченька, одна, но хочу мешать твоей карьере.

Таисия Ивановна поступила хитро, она не запретила дочери принять предложение от хозяина коллектива, но, великолепно зная ее характер, повела себя так, что Жека сама отказалась от заманчивой перспективы.

Об отце Севы Ковалева никогда не рассказывала, и я давно поняла, что он не несет ни малейшей ответственности за сына, не помогает им материально. Трудно одной тащить на плечах и ребенка, и мать. Таисия Ивановна художница, она постоянно стояла у мольберта и никогда не занималась домашним хозяйством. Как правило, музыканты стараются беречь руки, а заботливые матери помогают детям. Но у Жеки получилось иначе.

Таисия Ивановна не умела даже пожарить яичницу. Бытом в семье Ковалевых занимался ее муж, Олег Сергеевич, профессиональный военный, генерал. Он покупал продукты, готовил еду, а уборкой-стиркой-глажкой занималась домработница Галя. Когда Олег Сергеевич скончался, все хлопоты упали на плечи Жеки. Только не подумайте, что Таисия Ивановна потребовала от дочери исполнения обязанностей прислуги. Ну что вы! Мать очень любила ее, поэтому объявила:

– Не беспокойся, доченька, я буду заботиться о тебе и о Севочке. У меня получится.

Пару месяцев Жека стойчески ела на ужин кашу из переваренных макарон с сыром и перешагивала через комья пыли, мотавшиеся по полу во всех комнатах. Наверное, Таисия Ивановна старалась, но у дамы было слабое здоровье, каждый вечер у нее подскакивало давление, кружилась голова, и художница мученическим голосом произносила:

– Сегодня опять не взяла в руки кисти. Как много времени отнимают бытовые хлопоты! Я теряю себя как творческую личность.

Спустя полгода после кончины Олега Сергеевича Жека сама встала к плите и подружилась с пылесосом. Кстати, совсем забыла сказать: Таисия Ивановна работала в жанре абстракции. Я никогда не понимала ее картин, представлявших собой разноцветные пятна на черном фоне. И похоже, никто не проникся талантом Таисии. Дама за всю свою долгую жизнь не продала ни одного произведения, они штабелями складировались в их квартире.

Первое, что сделал Миша Лебедев, женившись на Жеке, это изгнал «живопись» тещи из супружеской спальни. Помнится, Таисия обиделась до глубины души и, что не характерно для воспитанной дамы, откровенно сказала зятю:

– Ты пришел в чужой монастырь, поэтому не заводи тут своих порядков.

Миша человек простой, не творческий, работавший тогда мелким клерком, спокойно ответил:

– Простите, Таисия Ивановна, у вас замечательные картины, но у меня плохо с желудком. Как гляну утром на полотно у нашей кровати, так изжога начинается.

Теща поджала губы и до самой своей смерти самозабвенно ненавидела зятя, несмотря на то что Михаил любил и ценил Жеку, а Севу считал родным сыном. Таисию Ивановну раздражало в Мише все: его привычки, смех, манера одеваться, любовь к одеколону, который интенсивно пах сандалом.

– Поливается парфюмом, как баба, – жаловалась мне она, – я из-за этого кашляю.

Один раз я не удержалась и сказала:

– Мужик, воняющий потом, намного хуже.

Но мать Жеки никак не отреагировала на мои слова. Когда ее не стало, дочь и зять, наверное, вздохнули свободнее.

Несмотря на явное желание Таисии рассорить дочь и зятя, Миша и Женечка жили счастливо. Жека называла мужа «дед Мазай». Когда я услышала от нее это прозвище впервые, то не удержалась от вопроса:

– Слушай, ну почему дед Мазай? Михаил молодой, он совсем не похож на старика! Обычно женщины зовут супругов «котик», «зайчик», а ты придумала странное прозвище.

Жека засмеялась:

– Миша дед Мазай, потому что он нас с Севочкой как зайцев спас. Я натурально тонула в пучине бытовых и материальных проблем. И тут появился дед Мазай, который нас за уши в лодку втащил, и теперь мы вместе весело плывем.

В начале нулевых Михаил каким-то образом заработал неплохие деньги, и они с Жекой открыли частную школу. Она стала в ней директором, заодно ведет уроки музыки и занимается учебно-воспитательным процессом. А Михаил заведует финансами и хозяйственными вопросами.

Узнав о желании супругов создать гимназию, я удивилась. Ни Жека, ни Миша не имели опыта работы с детьми и никогда не руководили другими людьми. На мой взгляд, их затея была обречена на провал. Но неожиданно школа стала пользоваться популярностью, и сейчас у супругов вполне успешное предприятие с очень хорошей репутацией. Жеке удалось подобрать отличных педагогов, которые – надо же – любят детей и хотят привить им знания, а не вытянуть из родителей побольше «спонсорских» денег.

Супербогатыми людьми Ковалевы не стали, большую часть прибыли они вкладывают в гимназию, живут в своей старой квартире, а летом перебираются на дачу, которую построил еще Олег Сергеевич. Правда, Миша сделал везде хороший ремонт и купил всем членам семьи по новой машине. У Жеки теперь много модных вещей, отдыхать супруги ездят в Италию. Но шикарного загородного дома они не построили, «Бентли» не завели и по модным горным курортам не раскатывают. Евгения с Мишей – представители так называемого среднего класса, к олигархической верхушке ни малейшего отношения не имеют. Да, вы, наверное, полагаете, что я ошиблась, перепутала имя отца Жеки, назвала его Олегом Сергеевичем, но до этого упомянула, что Жеку зовут по паспорту Евгения Ивановна. Все правильно, биологический отец Жени погиб за пару месяцев до ее рождения. Иван Константинович тоже был военным, что с ним случилось, я не знаю. Олег Сергеевич по долгу службы приехал к вдове, привез ей деньги, которые собрали сослуживцы покойного, и... остался навсегда. Олег забирал из роддома Женечку и совершенно искренне всю жизнь считал ее своей дочерью. Но при этом отчим никогда не обманывал девочку, честно рассказал ей, что они по крови не родные. На нее это сообщение не оказало ни малейшего негативного воздействия. Она обожала Олега Сергеевича. Помня о своем безоблачном детстве и счастливой юности под крылом заботливого отчима, Жека ни на секунду не сомневалась, что ее муж будет любить Севочку. Но, к сожалению, Игорь, первый супруг Ковалевой, особой радости при виде малыша не выказывал и вскоре заявил ей:

– У нас родятся собственные дети, Севу лучше сдать в интернат.

Жека настолько опешила, что задала абсолютно неуместный вопрос:

– Зачем?

Супруг не стал лицемерить

– Ну, не слишком индифферентно.

– Я не слишком много зарабатываю, ты не получаешь алиментов на ребенка. Не хочу, чтобы мой собственный сын был лишен каких-то радостей из-за незаконнорожденного мальчишки.

Ковалева тут же взяла паспорт и пошла подавать заявление о разводе. Через несколько лет в семью влился Михаил, и Сева наконец-то обрел лучшего папу на свете.

Воспитанная, сдержанная Жека не принадлежит к числу женщин, которые, едва войдя в офис, громогласно говорят:

– Мой-то! Опять вчера нажрался, налился по брови водкой, скандал устроил! А свекровь! Вот дура! Что она за ужином закатаила!

Евгения никогда не пускает посторонних в свою личную жизнь. Даже я, близкая подруга, знаю об отношениях супругов немного. В основном информация ко мне притекала от Таисии Ивановны. Вот она, в отличие от дочери, поболтать любила. Если я звонила Жеке и слышала от ее матери: «Девочки нет дома. Солнышко, у тебя есть минутка?» – то отлично понимала: разговор шестьдесятю секундами не ограничится. Художница продержит меня на проводе не менее получаса, сообщит все семейные новости и от души отругает Мишу.

Но если спросить у Жеки: «Как Севочка?» – вот тут и она не станет молчать.

Глава 3

Сын для Жеки – это... подобрать сравнение невозможно. По ее словам, Всеволод красив, умен, гениален, талантлив, великолепен, никогда не совершает ошибок, всегда поступает правильно, он лучший друг матери, ее опора, сильное плечо, надежда и гордость. Если кто-то спрашивал, где работает Сева, она начинала тараторить:

– Он имеет диплом режиссера-постановщика, сейчас ищет пьесу, чтобы воплотить ее на сцене. Очень трудно найти спонсора, который согласится вложить деньги в спектакль, но еще сложнее отыскать достойный литературный источник. Классика Севе неинтересна, она вся давным-давно облизана коллегами, а современные авторы пишут отвратительные тексты.

Большинство людей, услышав подобные речи, понимающе кивают и начинают беседу на иные темы. Но встречаются бестактные особы, которые не унимаются и продолжают любопытствовать:

– Ладно, я понял, что Сева находится в творческом поиске, а работает он где? В каком учреждении получает зарплату?

После короткой паузы, видя, что собеседник не отлипает, Жека говорит:

– На данном этапе Сева – арт-директор московского клуба «Туннель». Это лучшее заведение столицы, оно находится в центре города, там собираются уникальные люди. Мальчик работает на износ, ночью бодрствует, днем спит. Не понимаю, как он выдерживает невероятный график.

Лично мне Сева никогда не казался симпатичным, и я не понимала, что в нем находят девушки, коих вокруг него толпы. Он слишком худой, с болезненно бледным лицом, тонким злым ртом и узким мышинным подбородком. Но самое отталкивающее в лице парня – глаза. И дело даже не в том, что они неприятного зелено-желтого цвета, слишком глубоко посажены и окружены почти черными синяками. Меня пугает их выражение. У Всеволода взгляд лжеца. Всякий раз, когда он разговаривает со мной, меня не покидает ощущение, что парень говорит неправду даже в тот момент, когда сообщает, что на улице светит солнце.

Услышав эту фразу от него, я непременно взгляну в окно и буду весьма удивлена, если не увижу ливня. Меня Сева не обманывал ни разу, но я почему-то пребываю в уверенности, что парень не способен честно говорить ни о чем. Я недолюбливаю его и поэтому всегда с ним излишне приветлива. Он не сделал мне ничего плохого, и я испытываю неудобство от того, что безо всяких причин плохо к нему отношусь.

– Дело не в курении, – вдруг с усилием произнесла Жека, – прости, Лампуша, я не люблю грузить людей своими проблемами, но со мной в последнее время творится что-то странное. Понимаешь, я стала очень нервная, прямо истеричка!

– Если бы так, – засмеялась я, – вспомни Свету Рагозину. Она легко могла опрокинуть на пол попугай, разорвать ноты, разразиться нецензурной бранью, а все из-за ничего не значащих чужих слов, которые ей показались обидными. Помнишь, какой демарш она устроила Верочке Каскиной, когда та сказала: «Света, смени помаду, розовый перламутр тебе не к лицу»?

Ковалева поморщилась.

– Каскина всегда была бесцеремонной. Зачем лезть к человеку с советом, если тебя не спрашивают?

– Но это же не повод бросаться на Веру, рвать на ней блузку и орать, пересыпая свою речь бранью, потом бежать к начальству и требовать увольнения бедняжки Каскиной, – продолжала я. – Вот Светлана – психопатка, а ты нормальная, воспитанная женщина, на мой взгляд, даже излишне сдержанная. Я подчас поражаюсь твоему терпению, ты никогда ни на кого не жалуешься.

Жека неожиданно покраснела.

– С неприятностями надо справляться самой, нельзя превращать друзей в жилетку для слез. Если есть желание решить наболевшие вопросы, надо идти к психотерапевту, а не грызть мозг подруге.

Я улынулась.

– Лично мне очень помогает Катюша^[3]. Хорошо иметь возможность обратиться к специалисту, он профессионально разберется с твоей бедой. Вот только посещать психолога придется долго, стоят его услуги совсем недешево, и он не даст тебе конкретного совета, не станет жалеть, и, вероятно, в процессе общения ты услышишь от него не совсем лестные для себя слова. А подруга скажет по-свойски: «Наплюй, я тебя люблю, все будет хорошо». И сразу почувствуешь себя намного лучше. Так что у тебя случилось?

Жека положила руки на столик.

– Началось это недели две назад. Мы ужинали дома вдвоем, болтали о всякой ерунде. Я пошла к плите, чтобы положить Мише жареную картошку. Севочка и говорит: «Мам, ты кусок уронила».

А я не услышала, наступила на ломтик, поскользнулась и чуть не упала, уцепилась в последний момент за мойку. Стою, еле живая, тряусь, сама не пойму, чего так испугалась, поворачиваюсь, а Сева смеется: «Ну, мама, ты даешь! Просто звезды на льду, катание на картошке!»

Жека умолкла на секунду, потом продолжила:

– И что он ужасного сказал? Ничего.

– Мог бы вскочить и помочь тебе устоять на ногах, – неодобрительно заметила я, – а не хихикать себе под нос.

Она чуть сгорбилась.

– Миша вообще ничего не заметил, он в тот момент в телик уставился, там кто-то кому-то гол забил. Сева же попросил: «Ма, плесни мне чайку». И понимаешь...

Жека снова замолчала.

– Говори, – поторопила я ее.

Она сделала глубокий вдох.

– Лампа, мне не с кем посоветоваться, ни Мише, ни Севе рассказать это не могу, и вообще, о таком не сообщают ни врачу, ни священнику, ни

родной маме. Но одна я не справлюсь, мне очень страшно.

Она снова набрала полную грудь воздуха, медленно выдохнула и наконец-то решилась на откровенность.

– Я взяла чайник и пошла к столу. Ну сколько там по нашей кухне идти? Шаг?

– Два, – улыбнулась я.

Жека кивнула.

– Вот-вот. Расстояние невелико, но за ту секунду, что я несла чайник, меня охватила такая злость. Нет, ненависть! Страшная! Я ее ощущала физически. Липкая, холодная, черная. Ты когда-нибудь надевала костюм из латекса?

– Не приходилось, – пробормотала я.

Жека содрогнулась.

– А я в школьном спектакле про инопланетян изображала в таком наряде межгалактическую ведьму, никто из детей не захотел ее роль исполнять, пришлось директору в страшилище наряжаться. Очень неприятно натягивать на тело прорезиненную ткань, она противная. Так вот, тогда мне на кухне показалось, что меня снова в тот комбинезон упаковали, я прямо заледенела вся и... не могу дальше говорить!

Она обхватила голову руками и закрыла глаза. Вот тут я испугалась и потребовала:

– Быстро рассказывай. Что бы ты ни сделала, все можно исправить!

Жека подняла на меня грустный взгляд.

– Не разделяю твоего оптимизма. Есть поступки, после которых следует пойти и утопиться.

Я вздрогнула и схватила подругу за плечо.

– Перестань ходить вокруг да около. У нас с Максом много знакомых, мы вытащим тебя из любой беды.

Неожиданно она улыбнулась.

– Спасибо, Лампуша. Я не совершила преступления, я просто подумала, что Севу надо убить! Насмерть! Вот прямо сию секунду вылить ему на голову кипяток. Понимаешь?

Моя нижняя челюсть медленно отвалилась, а Жека мрачно продолжала:

– Я отчетливо представила, как горячая вода попадает Севе на макушку, стекает струйками по лицу, он кричит, а я хохочу от радости. Это нормально?

Хорошо, что она задала вопрос риторически, ей не требовался ответ. Я застыла на стуле истуканом, а она тем временем говорила:

– В ту же ночь мне приснился сон. Иду по коридору с канистрой в руках. Дом богатый, убранство в английском стиле, темные двери, книжные шкафы, ковры. Я прошла через гостиную и вошла в спальню, там огромная кровать с дубовой спинкой, на ней спят две женщины. Лиц не вижу, одеяла натянуты до плеч, незнакомки лежат на животе, перед моими глазами лишь белокурые волосы, явно выкрашенные и уложенные в дорогой парикмахерской. Я спящих не знаю, но понимаю, что они молодые, красивые, богатые. Дальше не поверишь!

Ковалева криво улыбнулась и продолжила:

– Я открываю канистру и думаю: «Вот сейчас плесну бензин на одеяло и подожгу». Понимаешь? Сон такой реальный, как явь, и я в нем размышляю: «Нет, если брошу спичку, женщины скатятся на пол, собьют огонь, живы останутся. Надо действовать иначе». И я обливаю пол вокруг кровати по периметру, чтобы поднялась огненная стена – из-за нее не выбежать. Потом беру спички, но останавливаюсь. Спички? Они короткие, я сама могу обжечься. Вижу на столике длинную свечу. Хватаю ее, зажигаю фитиль, швыряю свечку на одеяло и выскакиваю в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Через секунду раздается хлопок, словно лопнула натянутая парусина, бух! И крик! Нет, вопль! Нечеловеческий! Леденящий кровь! А я иду по коридору абсолютно счастливая, на душе прямо эйфория. Я их убила! Сожгла! Уничтожила! Это нормально?

Я постаралась не измениться в лице.

– Это сон, работа подсознания.

Жека схватила меня за руку.

– Именно так! Ты правильно поняла. Значит, я подсознательно хочу убить каких-то женщин? Кого?

Я решила ее успокоить:

– Знаешь, какое количество милых дам мечтает избавиться от свекровей, подружек и начальниц? Есть у меня приятельница Майя, так она купила куклу, написала на ней фломастером «Анна Сергеевна» и била свекровь от души. Ничего катастрофичного в твоём сне я не нахожу. И потом, блондинок не стоит воспринимать как живых людей, вероятно, они олицетворение какой-то твоей проблемы.

Жека молча смотрела на меня, а я ощутила прилив вдохновения и подтвердила:

– Да, да, именно так. Сон очень хороший.

– Лучше некуда, – прошептала Ковалева.

– Нет, точно, – настаивала я, – во сне все всегда наоборот! Привидятся похороны – это к долгой жизни. Ты сожгла двух красоток? Не о них речь, на самом деле это предсказание, оно обещает благополучное разрешение некой сложной проблемы. Надо радоваться, а не расстраиваться!

Жека взяла из хлебницы булочку и принялась крошить ее на скатерть, потом тихо произнесла:

– Сегодня утром после встречи с цыганкой я поехала на работу и застряла в пробке. Сижу, пялюсь в окно, слушаю радио, там глупости несут. Ничего особенного, все как обычно. Севочка рано утром пришел из своего клуба и лег спать, Миша отправился в магазин, мы хотим в школу доски купить, стеклянные. Может, ты видела такие, на них не мелом, а фломастером пишут?

На всякий случай я кивнула, а Жека монотонно вещала:

– Понимаешь, никаких сложностей. Вообще. У меня лишь немного побаливала голова и слегка подташнивало. В последние пару месяцев я не очень хорошо себя чувствую, наверное, гастрит или язва проснулась, надо сходить к врачу.

– Здравая мысль, – одобрила я, – нехорошо, когда в животе буря, а в мозгу мигрень.

Жека дернула плечом.

– Сильно сказано. Просто меня слегка мутило, не стоило на завтрак три круассана лопать, они из жирного слоеного теста, и мигренью свою головную боль я бы не назвала, просто ощущала небольшой дискомфорт. Ну, значит, застряла в толпе машин, ни о чем не думаю, даже не злюсь из-за затора и той цыганки. Важных дел на первую половину дня я не планировала. Тут Миша позвонил и обрадовал: доски есть, дешевле, чем мы рассчитывали, нам обойдутся. Супер, да?

– Хорошая новость, – улыбнулась я.

Жека сдвинула брови на переносице.

– Положила я телефон на сиденье, слышу стук. Поднимаю голову и вижу мальчика лет одиннадцати. Он у машины лобовое стекло протирает, зарабатывает себе на кино. Я боковое окошко открыла, высунулась, хотела ему сказать, что прогуливать школу нельзя, и тут...

Жека прижала ладони к груди.

– На меня словно тот костюм из латекса опять натянули. В секунду, хоп – и готово! Я выскочила из автомобиля, схватила паренька, выкрутила ему

руки, ударила его головой о капот, отняла спрей, растоптала его, орала как бешеная. «Убью, убью, сейчас убью!» Народ из соседних тачек повыскакивал, мальчик губку бросил, из своей рубашки вывернулся и удрал. И тут же, оп-ля, я снова нормальная. Стою на дороге, в руках сорочка, люди глазеют. Ужасно! Кое-как я припарковалась, целый час потом не двигалась, то в жар, то в холод меня бросало. И еще странное состояние, руки-ноги трясутся, вернее, они-то неподвижны, а такое ощущение, что дрожат, внутренний тремор, в животе бурчит. Еле успокоилась, поехала назад домой, просидела в туалете, понос начался, тошнота усилилась. Что со мной?

– Наверное, твой организм таким образом реагирует на усталость, – неуверенно сказала я, – поезжай отдохнуть.

Ковалева скорчила гримаску.

– Ты забыла? Мы с Мишей недавно вернулись из Италии. Можно было еще семь дней путешествовать, но Мишина племянница выходила замуж, пропустить свадьбу – значит насмерть ее обидеть. Миша такой заботливый, всю поездку меня по магазинам таскал, хотел, чтобы я потрясающее платье купила, вознамерился мною на людях похвастаться. А когда я, по его мнению, подходящий наряд отыскала, стал туфли с сумкой подбирать.

Я осторожно перевела дух. Кажется, Жека приходит в себя, раз заговорила о тряпках. Надо поддержать эту тему.

– Ну и как? Удалось поразить присутствующих?

Ковалева не улыбнулась.

– Вроде да. Хотя, между нами, можно было в Италии время не тратить. В Москве всего полно. Вот, смотри, какие туфли мне Севочка купил.

Она выставила из-под стола ногу.

– Здоровские, да? Сынуля расстарался, он молодец, всегда и с размером угадает, и с фасоном. Давно хотела такие: легкие, но носок закрыт. Не очень-то прилично директору школы ходить в босоножках с голыми пальцами. Цвет мой любимый, серо-голубой, подо всю летнюю одежду подходит, каблук семь сантиметров, колодка наиудобнейшая, кожа мягкая и украшение в виде банта из стразов на мыске. Я из Италии прилетела, а Севочка их протягивает: «Носи, мамуля, на здоровье. Знаю, ты давно такие ищешь». Я ногу всунула и всплакнула. У кого еще такой заботливый сын, а? Туфельки идеально по ноге сели! Таскаю их не снимая. Один недостаток – цена. Я бы себе никогда обувь за семьдесят пять тысяч не купила.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Сколько?

Жека щелкнула языком.

– Совсем наши торговцы обнаглели! Севочка бы мне никогда цену не назвал, он всегда повторяет: «Не спрашивай, что почем, я тебе дарю, и точка».

Но я вечером коробочку с деньгами на хозрасходы открыла, а там пусто. Удивилась, конечно, помню, там было девяносто тысяч. И тогда Севе пришлось цену обуви озвучить. Он сказал: «Мама, туфли от Яковини, он каждую пару вручную шьет, у него в клиентках Николь Кидман, Сара Джессика Паркер и другие звезды. Чем ты хуже глупых теток, которые умеют лишь перед камерой рожу корчить? Ты достойна всего самого эксклюзивного». Сева – лучший сын на свете!

Я схватила со стола чашку и прикинулась, будто смакую капучино. Можно ли считать подарком вещь, которую человек приобрел не на свои личные деньги, а на взятые без спроса из семейной кассы? Может, я просто втайне завидую Жене, у которой такой архизаботливый сыночек?

– Лампуша, – тихо произнесла она, – учитывая недавний отдых, шикарный презент от сына, полный порядок на работе, объясни, почему я неожиданно озвереваю? Что со мной?

Я поставила пустую чашку на блюдечко.

– Тебе надо непременно сходить к врачу.

– К психиатру? – уныло буркнула подруга. – Считаешь, что меня пора запереть в сумасшедшем доме?

– Нет, запишись к эндокринологу, – уточнила я, – сдай анализы на гормоны, похоже, у тебя щитовидка шалит. Сама говоришь, тошнит, голова побаливает, вполне возможен какой-то сбой в работе именно этой железы.

– Такое мне не пришло в голову, – повеселела Жека, – понимаешь, в нашей семье есть не очень красивая тайна. Бабушка Севочки, мать Миши, провела последние годы жизни в психиатрической лечебнице. Мы всем говорили, что старушка скончалась, но она ушла в мир иной лишь в прошлом году. Я, когда у меня припадки ярости начались, основательно перепугалась. Безумие прописано в генах, вдруг оно ко мне перешло?

Я улыбнулась.

– Жека, очнись! Ты не можешь унаследовать шизофрению матери мужа, у вас нет общих генов. И Всеволоду оно не передается, Михаил ему не биологический отец.

Жека отпрянула от стола, потом засмеялась.

– Черт! Я дура, да? Хотела у тебя осторожно узнать, может, я давно психически сдвинулась, пошла в бабку. И за Севочку тряслась, а ну как у него дурная предрасположенность. Но только сейчас сообразила! Мы с ней родные по духу, но не по крови. Фу! Думаешь, у меня играют гормоны? Пропишут таблетки, и все?

Я сказала:

– Прямо сегодня звони Катюше, она тебя полностью обследует и вылечит. Забудешь про приступы ярости.

Жека вскочила и обняла меня.

– Лампуня, спасибо! Я так испугалась, когда эта гадалка ко мне подошла. Из всех людей на улице меня выбрала! Почему?

Я погладила подругу по спине.

– Ничего удивительного. Цыганки отлично считывают настроение людей, они отменные физиономистки. Ты дергалась, нервничала из-за своего здоровья, ромала тут же поняла твоё состояние. Ну вдумайся, что она уж такого необычного сказала? «Устрани свою проблему, или она тебя убьет». Да это к любому применимо, у всех в жизни сложности имеются. Обычная цыганская хитрость. Думаю, ты вспомнила примету: дай гадалке побольше денег, и ее пророчество тогда не сбудется. Сколько отсыпала предприимчивой аферистке?

– Деньги я не считала, весь кошелек отдала, – вздохнула Жека, отстраняясь от меня и садясь на стул.

Я засмеялась.

– Вот мы и докопались до истины. Гадалка хотела подзаработать, ее план с блеском осуществился. Звони Катюше и забудь о глупостях. У жителей мегаполисов часто щитовидка шалит: стресс, плохая экология, напряженный ритм жизни. Все лечится, главное, не запустить болезнь.

– А то еще убью кого-нибудь, – мрачно пошутила Женька.

– Это навряд ли, – улыбнулась я, – но заработать гипертонический криз вполне можешь.

– Надеюсь, до визита к Кате я больше не впаду в ярость, – вздохнула она.

– А ты повторяй про себя: «Это гормоны, не надо попадать под их влияние», – посоветовала я.

Жека хмыкнула, но ничего не сказала.

Продолжить разговор помешал звонок моего сотового.

– Отдохнула? – спросил Иван. – Приезжай в офис.

Я покосилась на Ковалеву. Несмотря на решение пойти сегодня же к врачу, на лице ее я не заметила спокойствия. Наоборот, Жека сильно раскраснелась, а в ее глазах заблестели слезы.

– Можно, я перезвоню через пять минут? – попросила я Маслова.

– Ладно, – после минутного колебания сказал он, – что-то случилось?

– Нет, – ответила я, – небольшая семейная проблема, ерунда.

– Жду, – коротко бросил Иван и отсоединился.

Я положила трубку на край стола и улыбнулась Жене.

– На службу требуют? – странным голосом поинтересовалась она. – Почему ты назвала происходящее со мной «небольшой семейной проблемой, ерундой»? Считаешь случившееся глупостью?

Вопрос меня удивил, на секунду я растерялась, но быстро нашла подходящие слова:

– Зачем посвящать чужого человека в наши проблемы?

Жека чуть приподняла голову, оперлась руками о стол, медленно поднялась, секунду постояла неподвижно, затем молниеносным движением скинула на пол мой мобильный и наступила на него. Послышался жалобный хруст. Сотовый, раздавленный бешено дорогами, подаренными заботливым сыном туфлями, превратился в руины. Далее настал черед посуды. На пол отправились чашки, тарелки, корзиночка с остатками хлеба. Под конец Жека сдернула скатерть. Свои действия она сопровождала визгливым базарным воплем:

– Значит, я ерундой тебя от работы отвлекла? Дрянь!.. Гадина!.. Убью тебя на...!

Не понимаю, что потрясло меня больше: знание Ковалевой ненормативной лексики или ее внешний вид. Лицо подруги побагровело, по лбу и щекам покатались капли пота, нос вытянулся, глаза вылезли из орбит. В воздухе разлился неприятный запах пота. Жека изо всей силы пнула ногой стул и схватила меня за плечо. Я с огромным трудом удержалась от вскрика. Свекольный цвет лица свидетельствовал о том, что Жеке очень жарко, но пальцы, которыми она впилась в мое плечо, были ледяными.

– Ой, мама, – завизжала за стойкой барменша. – Костя, звони в полицию!

В глазах Жеки появилось выражение недоумения и страха. Она отскочила от меня, схватилась руками за голову и бросилась к двери.

– Константин! – надрылась девушка за стойкой. – Ты где? Скорее набирай ноль два!

Я стяхнула оцепенение.

– Не надо полиции, я оплачу ущерб.

Из двери в углу ресторана появился мужчина.

– Вау! Что здесь произошло?

Я встала и пошла навстречу управляющему, доставая из кошелька кредитку и придумывая на ходу историю:

– Пожалуйста, очень вас прошу, не поднимайте шума. Моя подруга больна, ее лечат сильнодействующими таблетками, которые вызывают резкое головокружение. Она встала, пошатнулась, случайно уронила посуду...

Барменша сочувственно вздохнула.

– Небось никак родить не может и к ЭКО готовится? Знаю, что это такое, моя сестра через него проходила. Накачивают женщину гормонами, потом у нее крыша едет.

Я протянула управляющему карточку.

– Снимите нужную сумму и возьмите чаевые за молчание.

Он кивнул.

– Вам повезло, что в зале никого нет. У нас после шести вечера аншлаг и папарацци полно, поджидают, когда кто-нибудь из звездных клиентов бучу затеет.

– Мы не болтливые, – подхватила барменша, – будешь язык распускать, место потеряешь. Не волнуйтесь, дальше порога информация о скандале не пойдет. Но вы за своей подругой приглядывайте, как бы она в магазине или на улице буяннить не начала.

Я кивала в такт ее словам и тут услышала трель мобильного.

– Ваш телефон звонит, – сказал администратор, возвращая мне кредитку.

Я быстро вернулась к столику, схватила трубку и услышала тихий женский голос:

– Давайте мирно решим проблему. С вас миллион рублей, и моя дочь забудет о неприятном инциденте.

– Простите, вы ошиблись номером, – сказала я.

– Не хотите разговаривать? – перешла на более высокую тональность женщина. – Ваше право. Денег жалко? Понятно. Но подумайте, чем это для Всеволода закончится. У нас на руках есть справки от врача, снимки синяков Лизы. Не желаете заплатить? Ладно. Тогда мы обратимся в полицию.

– Извините, кому вы звоните? – осторожно поинтересовалась я.

– Евгения Ивановна, не устраивайте спектакль, – зажурчала незнакомка, – вы неправильную тактику избрали. Я предлагаю бескровное решение проблемы. Для вас миллион не очень большая сумма. Лиза хочет учиться в институте, ради высшего образования она промолчит о том, что случилось. Заплатите, и она запрет рот на замок. Если откажетесь...

Тут только до меня дошло: я держу мобильный Жеки, ведь мой она растоптала. У нас с ней одинаковые модели телефонов, и мы поставили себе наиболее простые звонки, никакой полифонии, оркестра или любимых песен: наши трубки издают обычное «дзынь-дзынь».

– Жду вас сегодня в девять вечера в кафе «Синий туман», – продолжала тем временем тетка. – Вместе с озвученной суммой. Если не придете, пеняйте на себя. Советую подумать, как отразятся на вашем бизнесе публикации в прессе о том, что сын владелицы частной гимназии изнасиловал школьницу. И мне много чего о Севе известно. Спросите его, кто такая Таня Иванова. Могу и о ней журналистам рассказать.

Из трубки полетели гудки. Я схватила сумку и ринулась к машине, на ходу роясь в телефонной книжке подруги. Так, вот номер с названием «папа». Скорее всего, так Жека записала мужа. Олег Сергеевич-то давно умер.

Поговорить с Мишей мне не удалось. Прослушав в пятый раз про временную недоступность абонента, я еще раз просмотрела Жекины контакты и нашла слово «Мурзенька». Отлично знаю, что под этой кличкой скрывается Всеволод. У него телефон оказался включен, но Сева не торопился взять трубку, отозвался лишь на десятый гудок, пробормотав:

– Слушаю, мусик, что случилось?

– Сева, ты? – спросила я.

– Угу, мамуль, кто ж еще? – зевнул парень. – Ох, извини, вчера на работе замотался, у нас парочка олигархов в клубе гуляла, на ушах стояли. Эй, мам, ты в порядке?

В голосе Всеволода зазвучали беспokoйные нотки.

– Мамуля! Почему ты меня разбудила? Тебе плохо?

– Сева, это Лампа Романова, – ответила я.

Молодой человек закашлялся.

– Извини, Лампуша, надо мне бросать курить. Представляешь, твой телефон сейчас определился у меня как мамин!

– Никогда не звонила на твой мобильный, – удивилась я. – Откуда у тебя мой номер?

– У меня все мамы знакомые в книжку занесены, – пояснил он.

Я опомнилась.

– Сева, номер высветился верно, я звоню с аппарата Жеки.

– Что с ней? – воскликнул парень.

– Где Миша? – в свою очередь спросила я.

– Он на каком-то складе, – сообщил Сева, – покупает оборудование для школы.

– Наверное, там мобильный не берет, – сообразила я. – Всеволод, слушай внимательно, дело очень серьезное.

Я уже говорила, что не испытываю к Севе особой любви, более того, мне кажется, что парень на полную катушку эксплуатирует родительскую любовь. Он беззастенчиво тянет из матери и отчима деньги и, как летучая мышь, ночью работает, днем спит. Оживает Ковалев к полднику, долго плещется в ванне, со вкусом завтракает, когда другие уже давно пообедали, и тратит массу времени на выбор одежды. Гардероб Севы обширен, как у девушки на выданье, в моде он разбирается почти профессионально, никогда не спутает ботинки из кожи угря со штиблетами из невинно убиенного питона. За шмотками он катается исключительно в Милан, чем приводит Жеку в восторг.

– Мальчик очень рачителен, – говорит она. – Цены в Италии вполтину меньше, чем в России, выбор вещей намного богаче, качество лучше. Севочка молодец. Зачем зря тратить деньги в Москве?

Услышав подобное заявление, мне всякий раз хочется напомнить Жеке, что ее чадо летает исключительно бизнес-классом и проживает в пятизвездочных отелях. Если учесть все расходы, то пиджаки и пуловеры, привезенные «рачительным» сыном, оказываются золотыми. Может, лучше спокойно приобретать тряпки в России? Но умная Ковалева начисто теряет способность трезво мыслить, когда речь заходит об обожаемом Севочке. Не знаю, сколько денег он зарабатывает в своем клубе, но сильно сомневаюсь, что его оклада хватает на тот образ жизни, который он ведет. Ясное дело, Сева тратит материнские деньги, но при всей моей нелюбви к нему следует признать: Жеку он обожает и сейчас явно сильно обеспокоен моим рассказом.

– Спасибо, что позвонила, – сказал Сева, – надеюсь, мама отправилась домой, если через полчаса она не приедет, я поручу в школу. Непременно отыщу ее и за руку отведу к Екатерине. Мама после возвращения из Италии постоянно нервничает, я решил, что отец ее на отдыхе достал. Он может до ручки довести своей заботой.

– Как можно заботой довести до ручки? – невесть зачем задала я вопрос.

Из телефона послышался смехок.

– Элементарно. Отец настырен в своем желании сделать близких здоровыми. Вот свежий пример. В мае он проходил обследование в кардиоцентре, врач ему посоветовал есть рыбу, дескать, в ней содержится вещество омега-три, оно растворяет холестериновые бляшки в сосудах. Отец воодушевился, и началось! Купил рыбий жир в капсулах, начал его в нас с мамой запихивать, выкинул из дома мясо, теперь в нашем холодильнике филиал рыбоперерабатывающего завода: салат из сайры, паштет из сардин, жареный палтус, скумбрия горячего копчения, туец в масле! Бррр! Я буквально ощущаю, как у меня плавники отрастают, а кожа в чешую превращается. Но предка не остановить, он нас с мамулей до смерти здоровым питанием доведет. Когда они вернулись из Рима, мама через пару дней начала истерики закатывать.

– Жеке не свойственно скандалить, – перебила я Севу.

– Согласен, – отозвался парень, – поэтому я и решил, что ее папулька на отдыхе доконал. Если вы живете в браке со времен динозавров, не надо устраивать совместный тур по загранице, лучше порознь мотаться по Европам, на время оставить друг друга в покое, отдохнуть от семейного счастья. Я понадеялся, что мать вернется в школу и успокоится. Но, знаешь, Лампа, за последние дни у нас дома натуральный сумасшедший дом. Мама в постоянной агрессии, на ровном месте психует. Теперь я займусь ее здоровьем. Может, это климакс?

– Возрастные скачки настроения отлично лечатся, – вздохнула я, – значит, ты сейчас отправишься искать Жеку? Мне можно не волноваться?

– Успокойся, – попросил Сева, – я отброшу все дела.

– Есть еще одна новость, – сказала я, – позвонила странная женщина. Ты знаком с девушкой по имени Лиза?

– Лампа, я работаю в клубе, у нас полно девок, – снисходительно пояснил Сева, – посетительницы, танцовщицы, официантки, с десяток Елизавет назову. Которую ты имеешь в виду?

– Фамилию не знаю, звонившая утверждала, что ты пытался изнасиловать ее дочь Лизу, она требует миллион рублей за молчание, если не получит денег, пойдет в полицию, – передала я угрозы незнакомки.

Всеволод расхохотался.

– Забей.

– То есть как? – изумилась я.

– Мало ли идиоток, которые хотят денег срубить, – заявил Сева. – Надоели! То они от меня беременны, то я им предложил замуж выйти, то грубо принудил к сексу. Забудь, это простой, как валенок, шантаж. Лимон! Во дает! Хорошо, хоть не в валюте.

– У тетки на руках справка от врача, – добавила я.

Радостное ржание не дало мне договорить.

– Лампуша, наплюй. Или вот что, пошли мне эсэмэской номер телефона дуры, я сам разберусь.

Я решила еще раз уточнить:

– Ты уверен, что женщина не пойдет в полицию и не поднимет скандал в прессе? Она еще говорила про какую-то Таню Иванову!

Сева закашлялся, потом, судя по звуку в трубке, сделал пару глотков воды.

– Круто! Таня Иванова! Я прямо половой монстр! Годзилла на тропе разнuzданного секса! Маньяк разбушевался! Лампа, включи логику. Ну с какой радости мне кого-то насиловать? Девки и так вокруг в штабеля укладываются. Если я кому-то предложил в кино сходить, а меня послали, не стану рыдать или впадать в гнев. Девчонки – как такси: одно уехало, а парочка других уже наперегонки к тебе спешат. Поверь, я не испытываю недостатка в женском внимании.

Беспокойство, комом стоявшее в горле, неожиданно растаяло. Всеволод говорит правду, он всегда находится в окружении девушек, которые готовы раздеться, едва наш мачо бросит в их сторону лукавый взор.

– Сообщи мне телефон нахалки и забудь, – вещал тем временем Сева, – хорошо, что кретинка не напала на мамулю. Вот дрянь! И откуда она ее номер узнала? Ну ничего, я разберусь. Спасибо, Лампа, я всегда знал, что ты лучшая, самая честная, замечательная подруга мамы. Она не

сентиментальна, но, поверь, тебя очень любит. И я тебя люблю, спасибо, что ты у нас есть!

Ну и каково это – услышать такие слова от парня, к которому без всякой на то причины относишься с недоверием? Я смутилась и промямлила:

– Пожалуйста, я всегда готова помочь, вечером привезу Женкин телефон, а пока отключу его от сети.

Глава 5

Иван не стал отчитывать меня за опоздание, он не посмотрел демонстративно на часы, не спросил: «Где тебя носило?», взял со стола лист бумаги и как ни в чем не бывало предложил:

– Записывай адрес. Куркино...

– Что у нас там? – деловито осведомилась я, черкая ручкой в блокноте.

– Валентина Игоревна Тяпкина, – озвучил Ваня, – слышала о такой?

– Ни разу, – удивилась я, – а должна?

Маслов похлопал ладонью по столу.

– Тяпкина писательница, творит под псевдонимом Нечитайло.

– Ты шутишь? – хихикнула я. – Кому в голову пришла идея публиковать романы под такой фамилией?

– Позвольте объяснить, – раздался из глубины кабинета приятный баритон.

Я повернулась на звук и увидела: в кресле, спрятанном между большим шкафом и стеной, сидит мужчина, одетый, несмотря на август, в темный костюм.

– Я не представил вас друг другу, – спохватился Ваня. – Евлампия, наша лучшая сотрудница, может все.

Я заулыбалась во весь рот, надо будет потом сказать шефу, что фраза «может все» звучит слегка двусмысленно.

Незнакомец протянул мне руку.

– Адам Корсунский, издательство «ВКЛ».

– Очень приятно, – кивнула я, пожимая его ладонь, – лучше обращаться ко мне «Лампа».

– Согласен с вами, псевдоним Нечитайло является образчиком дебилизма, – продолжал Адам. – Валентина перешла к нам из другой структуры.

Слава богу, на некоторых писателей снисходит озарение, и они понимают: «ВКЛ» – лучшее издательство. Мы готовы раскрутить автора с нуля до первых мест в рейтинге. Валя талантливый, амбициозный человек, она хочет пробиться и, поверьте, вполне способна потеснить на рынке Джоанн Роулинг, чьи истории о мальчике-волшебнике уже поднадоели читателю.

– Нечитайло пишет фантастические сказки? – предположила я.

– Нет, психологические истории о женской судьбе, – уточнил Адам. – И, к сожалению, прежний издатель не захотел публиковать их под фамилией Тяпкина и придумал псевдоним Нечитайло. Теперь это бренд, поменять его нельзя. Мы сейчас представляем новый цикл романов Валентины, запускаем серию «Ваш домашний друг».

Я старательно удерживала на физиономии вежливую улыбку. Нечитайло – никуда не годная для писателя фамилия, но и название серии тоже не слишком удачно. Что значит «домашний друг»? Лично я сразу думаю о собаке или кошке.

– Изменить псевдоним не получится, – говорил Адам, – а вот внешность Вали нужно скорректировать. Прежнее издательство придумало ей образ... м-м-м, как бы помягче сказать... дамы без комплексов. Мини-юбка, прозрачная блузка, красные сапоги-ботфорты, джип, разрисованный под леопарда, макияж как у... – Адам замаялся.

– Проститутки, – некорректно уточнил Ваня.

Корсунский кивнул.

– Не хочется употреблять подобные выражения, но да, вы правы. Наши конкуренты внушили Валентине, что ее имидж – это агрессивная сексуальность, и практически утопили писательницу.

– Почему? – удивился Маслов. – Сейчас такой тип в моде.

– Психологические байки о дамских проблемах не интересуют мужчин. А женщинам не очень нравятся особы, которые перетягивают на себя внимание сильного пола, – сказала я. – Дама вамп-красотка-хищница не станет подругой для потенциальной аудитории писательницы. Нужен образ спокойной, милой приятельницы, много испытавшей на своем веку и не растерявшей оптимизма, доброжелательности. Читательницы должны воспринимать Валентину как преданную подругу, с которой можно посоветоваться. Ботфорты, мини-юбка и внедорожник-хищник в этот образ не вписываются.

– Вы четко уловили суть проблемы, – похвалил меня Адам, – если Валя изменит свой имидж, тираж ее книг резко возрастет. Но вот беда, она с огромным трудом соглашается на все наши предложения. Возникли сложности. Сейчас включу запись, сами увидите.

Адам вынул из портфеля айпад и постучал по экрану. Кабинет наполнило красивое сопрано:

– Добрый день, мои дорогие и любимые, те, кто на работе, и те, кто дома. Настало время обеда, сделайте перерыв, налейте себе чашку чая и присоединяйтесь к программе «Женская душа». Есть проблемы, с которыми не пойдешь ни к маме, ни к лучшей подруге, и тогда на помощь спешит наше телешоу и его ведущая Ольга. Сегодня у нас не новая, а, можно сказать, затасканная тема, которая, к сожалению, из века в век не теряет своей актуальности. Мужская измена. Психологи утверждают, что наши супруги любят глазами. Мол, сами вы, бабы, виноваты: нацепите халат, ходите по квартире росомахой, без макияжа, а любовница-то всегда при параде. Но давайте вспомним историю! Разве мало мужей бегали от жен-красавиц? Так что надо мужикам? Ум? Внешность? Хозяйственные навыки? На все эти вопросы нам ответит писательница Валентина Нечитайло.

– Участия Тяпкиной в этом шоу мы добились с огромным трудом, – пояснил Адам, – и заплатили приличную сумму продюсеру.

Я кивнула, не отрываясь от экрана. Камера чуть отъехала, стала видна женщина, сидящая в кресле. Длинные, выкрашенные в цвет прокисшей сметаны волосы плохо сочетались с широкими черными бровями и желтым цветом лица. Кудрявая челка падала на лоб, глаза прятались за наклеенными ресницами. Интересно, кто посоветовал тетке прилепить на верхние и нижние веки щетину от зубных щеток, щедро намазанную сапожным кремом цвета «электрик»? И вообще, кто накладывал ей макияж? Румяна цвета перезрелого апельсина и сиреневая помада. Впрочем, одежда тоже мало подходила даме и совершенно не годилась для дневного эфира кабельного канала, чьей основной аудиторией являются домохозяйки.

Узкое красное платьишко держалось на тоненьких бретельках. Бюст без лифчика сполз в район талии, коротенькая юбочка задралась почти до пояса, широкие, покрытые прыщиками обнаженные плечи Валентины и ее совсем не идеальные ноги в босоножках были выставлены на всеобщее обозрение. Стало понятно: кабинет педикюра не то место, которое Нечитайло посещает два раза в месяц. А еще она не знакома с эпиляцией: нижние конечности красавицы щетинились черными волосами.

– М-да, – крикнул Ваня, – нельзя сказать, что она прекрасна.

– Так что надо мужикам? – повторила ведущая, которая, в отличие от гостьи, была ухоженной и одетой в скромное закрытое платье цвета беж.

Писательница выпрямилась, закинула ногу на ногу и коротко сооощила:

– Секс!

Ольга попыталась вернуть программу в правильное русло:

– Давайте поговорим о любви, долге и...

– Чепуха, – перебила ее Валентина, – болтовня про кастрюли, детей, стирку, глажку – удел убогих финоманок.

– Кого? – непрофессионально переспросила ведущая. – Может, нимфоманок?

– Именно, что манок, – кивнула Валя, – тех, кто в койке как бревно.

– А! Вы имеете в виду фригидных женщин, – попробовала избежать скандала Ольга. – Да, это проблема, но о ней поговорим как-нибудь в другой раз. Любовь, она...

– Секс, – громко объявила Валентина, – мужик животное, у него три потребности, три «по».

Ольга заморгала, писательница вытянула вперед руку. Ногти на пальцах оказались заклеены грязными кусочками пластыря.

– Потрахаться, пожрать, поспать. Удовлетворите эти его желания, и обезьяна ваша навеки!

Адам постучал по экрану. Изображение исчезло.

– Дальше можно не смотреть. Эфир прямой, это не запись. Ни вырезать, ни подкорректировать, к сожалению, ничего нельзя.

– Думаю, вашу подопечную на этом канале включили в черный список, – сказала я. – Почему бы вам не объяснить ей, что надо говорить и как одеваться?

Корсунский заломил руки.

– Сто раз твердили! Валентина вроде поняла, обещала прийти в приличном виде, и текст выступления мы ей вручили. Про семейные ценности. И она нас вроде послушалась, вошла в телецентр, прикрытая длинной шалью, вполне пристойно выглядела. А как только включились камеры, скинула ее, и опля – полураздетая помятая пионервожатая!

Иван захихикал.

– Не смешно, – мрачно буркнул Адам. – Валентина считает себя суперкрасавицей, гениальной мегаженщиной. Еще она хочет выйти замуж за олигарха и уверена, что непременно поймает достойного жениха на крючок своего очарования.

– Может, где-то и бродит слепой «форбс», – развеселился Ваня. – Или совсем старенький миллиардер, лет эдак ста пятидесяти. Такому и Баба Яга – спелое яблочко. Есть у вашей Валентины шанс!

– Вам весело, а я вложил в новую серию ее книг кучу денег, – вздохнул Адам, – провел масштабную рекламную кампанию. Валентина своим поведением губит дорогостоящий проект.

Я пожала плечами:

– Зачем вы с ней связались? Неужели сразу не поняли, что она принесет проблемы?

Корсунский убрал айпад в портфель.

– Так она поначалу тихоней казалась. Пришла в издательство, притащила десять готовых романов. Десять! Из прозаиков надо каждый абзац выколачивать, никто вовремя свою нетленку не приносит. У меня редакторы на телефонах висят, ноют:

– Любимые, когда книжечку притащите? Чем вам помочь? Продукты купить? Кашку сварить?

А у Валентины десять законченных рукописей. Бриллиант!

– Как Нечитайло была одета, когда вошла в ваш кабинет? – поинтересовалась я. – Элегантный костюм со светлой блузкой или, может, шелковое платье цвета мокрого песка с юбкой за колено?

Адам откашлялся.

– На ней была расстегнутая шуба – крашенный под леопарда кролик, простеганный золотыми шнурами. Под манто вечернее платье в блестках, очень короткое, оранжевого цвета. И малиновые сапоги-ботфорты выше колена, узкий длинный нос, каблук-шпилька, платформа. В таких д'Артаньян разгуливал.

Мне стало смешно.

– Думаю, драчливый гасконец ни за какие сокровища не согласился бы даже посмотреть на описанные вами сапоги. Почему вы не насторожились, когда эта красавица вошла в кабинет? Неужели не поняли, что Нечитайло не из породы скромниц?

Адам опустил глаза долу.

– У нас состоялся откровенный разговор. Валентина плакала и говорила: «Хозяин конторы, где я пока издаюсь, развратный тип, требует от меня интимной близости, преследует, хочет сделать своей рабой. Я ему по две рукописи в месяц таскаю, пишу и отношу, пишу и отношу».

Корсунский перевел дух.

– Ясно, – кивнула я, – вы услышали про удивительную работоспособность Валентины и разом позабыли про ее внешний вид.

Адам чуть ослабил узел галстука.

– Скажу честно: Валя трудолюбива, как китаец из бедной провинции Поднебесной. С шести утра она, образно говоря, рис выращивает и безотказно раз в четырнадцать дней приволакивает роман. Если честно, рукопись всегда требует серьезной правки, но переписать-то можно все! А что делать с ее речью и внешностью? Как придать ей презентабельный вид? Стряхнуть с нее имидж гетеры с трех вокзалов?

– Черного кобеля не выкрасить в блондина, – элегически заметил Ваня. – Из песка не вылепить конфетку.

– Что вы хотите от нас? – задала я конкретный вопрос.

– Повлияйте на Нечитайло, сделайте из нее удобоваримый медиаперсонаж, – попросил Адам.

– Обратитесь лучше в пиар-агентство, – посоветовала я, – или к психологу.

Адам оглянулся.

– Чувствуете запах?

Мы с Иваном дружно зашмыгали носами и хором заявили:

– Нет.

– Ваниль с кокосом, – почему-то излишне нервно сказал издатель, – наверное, мне показалось. Были у нас и душеведы, и спецы по имиджу, никто с Валеи не справился, одна надежда на вас. Она согласилась на коуча.

– Странной породы зверь! – поразился Маслов.

– Коуч – значит тренер, – устало пояснил Адам. – Мы наврали писательнице, что специально ради нее из Америки прилетела звезда коучизма, которая помогала Мадонне, Агилере, Фрэнку Синатре и Бритни Спирс стать великими, раскрутила их на заре карьеры, если Валя ей подчинится, то затмит всех, в особенности Смолякову.

Я решила кое-что уточнить.

– Роль заморского коуча отведена мне? Маленькая неувязочка: великий певец Америки, сладкоголосый Фрэнк Синатра скончался в тысяча

девятьсот девяносто восьмом году в возрасте восьмидесяти трех лет. Я что, похожа на бессмертного Горца или графа Калиостро?

– И про Бритни Спирс лучше забыть, – вклинился со своим мнением Ваня. – У девчонки не лучшим образом дела складываются.

– Вы согласны! – обрадовался Адам.

– Можно попробовать, – без особого восторга кивнул Иван. – Но ваш случай очень запущен, поэтому сумма прописью будет вот такой!

Маслов живо нацарапал на бумажке цифру и протянул листочек Адаму. Ковальский вскинул брови.

– Право, смешно! На такой бюджет можно в космос лететь. Вот мое предложение!

Листок вновь оказался в руках моего шефа.

– Вы понимаете, что обратились к лучшим специалистам России? – возмутился Ваня. – Хотите купить алмаз по цене спичек?

Примерно полчаса Корсунский и Иван вели торг. Я сидела молча. Когда две акулы обсуждают финансовые проблемы, маленькой рыбешке лучше спрятаться в водорослях. В конце концов Ваня распечатал на принтере договор и сунул его Адаму. Издатель самым внимательным образом перечитал документ несколько раз, а затем, сопя, проставил на каждой странице свою подпись золотой «Монтегралло». Шеф бросил на меня быстрый взгляд, я подмигнула ему и снова замерла с непроницаемым лицом. Молодец Ванюша, выжал из книгоиздателя сумму, в пять раз превышающую наш стандартный гонорар. Если мне удастся повлиять на строптивую Валентину, «Ноупро» получит хороший куш, а мне достанется приятный процент. Не сочтите меня меркантильной особой. Конечно, я легко могу попросить денег у мужа. Макс никогда не откажет любимой жене. Но как представляю себе мизансцену – стою в кабинете с протянутой, сложенной ковшиком ладонью и ною: «Максик, мне нужны колготки и губная помада», так сразу хочется самой заработать на машину себе и мужу. На мой взгляд, не следует целиком и полностью зависеть от супруга, даже такого щедрого, как Макс.

Глава 6

Дверь лифта в подъезде писательницы украшали два объявления. Первое было составлено грамотеями из домоуправления: «Господа жильцы! Лифт работает со второго этажа до четвертого ноября». Второе оказалось не менее удивительным: «Пентхаус писательницы Нечитайло расположен на третьей кнопке, просьба к журналистам соблюдать тишину и не гадить в кабине».

Я постояла пару секунд в раздумьях, потом начала медленно подниматься по ступенькам. Как-то странно получается. Дом, в котором я нахожусь, представляет собой высокую башню. А пентхаус – это комфортная большая жилплощадь под крышей здания. При чем тут третья кнопка?

Не успела я приблизиться к нужной двери, как та распахнулась, явив миру Валентину в скромной домашней одежде. На литераторше была коротенькая распашонка леопардовой расцветки, блестящие мини-шортики, кожаный пояс, сетчатые колготки и босоножки из прозрачного пластика на карикатурно широкой и высокой платформе. Мой нос уловил резкий, назойливый запах кокоса и ванили.

– Едем? – коротко бросила хозяйка.

– Здравствуйте, – улынулась я, – меня зовут Лампа, я специально прилетела из...

– Знаю, слышала, – отмахнулась Валя и пальцами с заматанными пластырем ногтями отбросила со лба вытравленную прядь волос.

– Что у вас с рукой? – поинтересовалась я.

– О клавиатуру пальчики в кровь сбила, – пожаловалась она. – Думаешь, легко великие книги получаются? Колошмачу по клавише с пяти утра до полуночи, стучаю, брякаю, только ногти по кабинету разлетаются.

Голос Вали перекрыл грохот, я зажала уши. Через пару секунд душераздирающий звук стих.

– Чертовы соседи, – с возмущением сказала она, – над моим пентхаусом ремонт уже год идет. Ну, двигаем в магазин за новой одеждой? Я готова.

– Сегодня мы просто поговорим, – предложила я, – обсудим план действий.

– А шмотки? – расстроилась Валя. – Я специально в четыре утра встала, чтобы главу дописать и в торговый центр успеть!

– Простите, очевидно, вас неверно информировали, – произнесла я. – Мне сначала необходимо увидеть вашу квартиру, посмотреть, где вы дадите интервью.

– Пентхаус, – поправила Валя, – я приобрела наиболее дорогой вариант жилья. Сейчас строю дом с видом на Рублевку. Понимаешь, я очень богата и знаменита.

– Отлично, – кивнула я, – у вас, наверное, часто бывают журналисты?

– Каждый день! – не моргнув глазом соврала литераторша. – За пять минут до тебя корреспондент из «Фигаро-Нью-Йорк» ушел.

Я подавила вздох. Газета «Фигаро» выходит во Франции, в США свои издания, их там много, естественно, все я не знаю, могу назвать лишь «Вашингтон пост». Но почему-то уверена: еженедельника «Фигаро» в городе небоскребов нет.

– Где вы принимаете репортеров-борзописцев? – улынулась я.

– Да уж, согласна, совсем они оборзели, – заголосила Валентина. – Пишут, что хотят!

Я молча шла за хозяйкой по узкому коридору, оклеенному обоями, имитирующими простеганную золотыми шнурами телячью кожу. Глагол «оборзеть» не имеет ни малейшего отношения к существительному «борзописец», последнее родилось от слова «борзо». Борзописец – тот, кто быстро пишет. Так в девятнадцатом веке именовали журналистов, способных в мгновение ока написать статью. Интересно, кто Валя по образованию? В ее биографии, которую мне предоставил Адам, значилось: «Имеет диплом Чердыкинского техникума балета, циркового искусства, торговли и философии». Факультет, где училась Нечитайло, не указывался. Кто она – клоун, балерина, продавщица или философ, – неясно. Надо было перед визитом поискать на карте России город Чердыкинск, а заодно порыться в Интернете, отыскать там сайт техникума и найти среди выпускников Тяпкину.

– Сюда, – приказала Валя, распахнула дверь и первой вошла в комнату.

Я, не ожидая ничего плохого, последовала за ней и с трудом удержалась от визга: «Мама родная!»

Прямо перед моими глазами из стены выбирался наружу... медведь. Прошла, наверное, минута, прежде чем я сообразила: это просто голова огромного Топтыгина, повешенная в качестве украшения.

– Не бойся, – по-своейски хлопнула меня по плечу Валя, – он дохлый. Мы с моим другом олигархом ездили на сафари в Кению, я там медведицу завалила.

Я чихнула. Бурые мишки не обитают на Черном континенте, там в изобилии водятся другие представители фауны: львы, носороги, обезьяны, жирафы.

– Иди, не укусит, – велела Валентина, – шагай смело.

Я еще раз чихнула, преодолела порог, зажмурилась, потом тихонечко приоткрыла один глаз. С чем бы это все сравнить?

Кроваво-красные обои с золотыми горизонтальными полосами, алый диван, бордовые кресла, ковер цвета моркови, занавески, словно испачканные в томатном соке, стол, накрытый скатертью, напоминающей окровавленную простыню. В углу маячит ярко-желтый торшер в виде обнаженной женской фигуры, в поднятой руке она держит абажур, смахивающий на половинку помидора, густо усеянного стразами. Чуть поодаль стоит буфет, покрытый позолоченной резьбой, с потолка свисает громадная люстра с хрустальными яблоками и стеклянными цветочками. На противоположной от медведя стене прибиты головы лвов оленей. межлв окнами торчит башка горного козла. а на софе лежит маленькая. беленькая. очень грустная собачка и менно

помахивает коротким хвостиком.

– Красиво у меня? – с чувством произнесла Валя. – Нельзя жить в хламе. Правда?

У меня от обилия красного цвета, золота, хрусталя и трупов животных закружилась голова. Чтобы позорно не свалиться на пол, я быстро села около симпатичной болонки, погладила ее по голове и спросила:

– Как ее зовут?

Странное дело, псинка продолжала лежать в одной позе, помахивая без перерыва хвостиком.

– Это был Нарцисс, – пояснила Валя.

– Почему вы употребляете глагол «быть» в прошедшем времени? – удивилась я. – Нарцисс, здравствуй.

– Он дохлый, – довольно засмеялась Валентина. – Чучело.

Я отдернула руку, отодвинулась в другой конец дивана и оторопело спросила:

– А почему хвостом машет?

– Батарейка в живот вшита, раньше он еще глазами моргать мог, – сказала хозяйка и внезапно вспомнила о гостеприимстве: – Кофе хотите?

– С удовольствием, – прошептала я, боясь лишиться чувств.

Валентина ушла, я прикрыла глаза и впала в состояние одуревшей ящерицы. Из головы испарились все мысли, кроме одной: Адам пообещал нам большие деньги, но, боюсь, я не справлюсь с поставленной задачей. Каким образом можно обтесать тетушку не первой свежести, которая обитает в кроваво-красной комнате, с головами несчастных зверей на стенах и чучелом болонки на диване?

– Не верьте, она врет! – прошептал тихий, слегка картавый голос.

Я вздрогнула и открыла глаза.

– Кто здесь?

– Брешет, как тупая лошадь, – раздалось из стены, на которой красовалась башка Топтыгина.

Мне стало не по себе: звук исходил из мишки.

– Вы кто?

– Сережа, – ответил Михайло Потапыч. – Здрасте.

Я слотнула слюну и выдавила из себя:

– М-м-м. Добрый день.

– Хочу предупредить, – продолжал зверь. – Валя лгунья. Ни единому ее слову не верьте! Вообще! Любую информацию делите на три части: первая брехня, вторая фантазия, третья выдумка. Вот так!

Я ущипнула себя за бок. Нет, это не сон. Я на самом деле сижу в красном кошмаре, и, похоже, у меня начались глюки. Я плохо переношу духоту, от спертого воздуха у меня кружится голова, мозг перестает соображать. У Валентины же в гостиной, несмотря на теплый август, наглухо закупорены окна. Хозяйка обильно облилась духами с нотами кокоса и ванили, и еще в комнате витают непонятные ароматы: то ли это пыль, то ли миазмы, которые издают чучела, таксидермисты, наверное, пропитывают свои изделия дезинфицирующими составами. Что они используют? Формалин? Слышала, что это вещество ядовито.

– Мне давно не удавалось поговорить с живым человеком, – зашептал медведь.

Я снова ущипнула себя. Спокойно, Лампа, все хорошо. Давай рассуждать логически. Животные не владеют человеческой речью, поэтому разговора ни с собакой, ни с кошкой, ни с мышкой не получится. А попугай, спросите вы? Ну они просто имитаторы, смысла в их речах нет. Но даже если предположить, что на свет появился крайне умный и говорливый Михайло Потапович, то согласитесь: болтать может лишь живой зверь. А на стене-то красуется одна голова без туловища. Я попросту надыхалась ядовитыми парами, отравилась духами писательницы и...

– Вы меня слушаете? – забеспокоился Топтыгин. – Эй, отвечайте!

Я встречала людей, которые употребляли галлюциногенные препараты, и еще хорошо знаю: когда алкоголик впадает в белую горячку, он видит зеленых чертей, розовых мышей и прочую нечисть. Но как поступить, если глюк настойчиво желает побеседовать с тобой, а ты не прикасалась к наркотикам и спиртному?

– Очнитесь! – потребовала медвежья голова. – Дайте мне использовать уникальный шанс! Неизвестно, встречу ли я еще с человеком. Мне не разрешают ни с кем общаться. Ау, откликнитесь! Вы глухая?

– Да, – промямлила я, – то есть нет.

– Не верьте Вальке, – судорожно зашептал мишка, – она меня эксплуатирует! Я очень устал, а она требует новых и новых книг. Если я торможу, есть не дает, телик вырубает. Понимаете?

– Нет, – прошептала я.

– Все произведения Нечитайло написаны мною! – признался хищник.

Я изо всех сил постаралась улыбнуться.

– Знаю, я не очень красив, – частил медведь. – Ростом не удался, всего метр шестьдесят пять, не произвожу хорошего впечатления. И эта растительность на лице! Утром побреешься, а к полудню опять мохнатый! С зубами у меня не супер... Вот Валька и предложила: «Серега, ты кропай текст, а я буду книги продвигать, стану лицом нашего проекта». Где был мой ум, когда я согласился? Теперь Валентина звезда, получает деньги, а я?

Со стороны стены понеслись всхлипывания.

– Я полностью от нее завишу. Обо мне никто не слышал! Я заперт в четырех стенах! Никого, кроме Вальки, не вижу! А она меня третирует! Пульт от телика прячет! Ну как я сериал включу? И сам хочу попасть в эфир! Очень!

Я уставилась на темно-коричневую морду с оскаленными зубами. Да уж, с подобной внешностью не позовут в телепрограмму. С другой стороны, если в студии появится говорящий медведь, это, несомненно, повысит рейтинг канала. И странно, что Михайло Потапович так переживает по поводу пульта. У него же нет лап. Чем нажимать на кнопки?

– Помогите, умоляю, – ныла башка.

Я откашлялась.

– Чем помочь?

– Расскажите людям правду! – потребовал глюк. – Объясните всем: Валентина лгунья, автор великих психологических бестселлеров – Сергей.

На секунду я представила себе реакцию репортеров, которые услышат от меня заявление: «Под псевдонимом Нечитайло на самом деле скрывается бурый медведь, чья голова украшает гостиную писательницы», и с шумом выдохнула.

– Сделаете, да? – не успокаивался мишка. – У вас есть визитка?

Я кивнула.

– Дайте одну мне, – приказал главный герой русских народных сказок.

– У вас нету рук, простите, лап, – заметила я. – Как вы возьмете визитку?

– У вас есть руки, простите, лад, замочила я, – как вы возьмете карточку?

– Положите ее морде в рот, – не смутился глюк, – скорей, пока Валька не вернулась. Ну же, не спите!

Можете сколько угодно смеяться надо мной, но я подчинилась, раскрыла сумочку, вынула визитку, встала с дивана и осведомилась:

– А вы меня не укусите?

– Я интеллигент в пятом поколении, – возмутилось чучело, – в нашей семье не принято грызть женщин! И отца, и деда всегда упрекали в излишней мягкости по отношению к супругам и детям. Воспитывайся я в иной среде, Валентина бы не смогла мне на шею сесть и ноги свесить.

Я быстро сунула между зубов монстра свою визитку и не удержалась от любопытства:

– Зачем вам мой номер телефона?

– Вдруг мне удастся подобраться к трубке, – донеслось из башки, – звякну вам, тогда поболтаем. Тсс! Молчок! Не говорите Вале о нашей беседе!

Слышите? Она возвращается.

Я быстро отскочила к дивану и плюхнулась на него. Дверь открылась, появилась Валя, в руке она держала одну кружку, из которой свисала нитка с белым квадратиком на конце.

– Держите, – сказала литераторша и поставила чашку на столик.

Я автоматически взяла ее. Ни сахара, ни конфет, ни печенья тут гостям не предлагают.

– Сейчас четко обозначаю, что мне надо! – гаркнула Нечитайло. – Слушай и запоминай! Я самая лучшая писательница этой страны. Гениальная! Но тупое издательство мешается у меня под ногами.

Я молча слушала Вало. Хорошо, что люди не умеют читать мысли друг друга. Литераторша уверена, что я поглощена ее рассказом. Но на самом деле в моей голове царит полнейший беспорядок, там теснятся вопросы, не имеющие ни малейшего отношения к продвижению мадам Нечитайло к заоблачным высотам рейтинга книжных продаж. Как Топтыгин сможет мне позвонить? Каким образом медведь достал из своей пасти визитку? Сейчас ее там нет. Пока я наблюдала, как Валя вносит чай, картонный прямоугольник словно по волшебству испарился. Куда он подевался? Мишутка его проглотил? Я совсем сошла с ума? Может, Валентина облилась галлюциногенами или на мой разум убийственно подействовал интерьер в красно-золотых тонах? И почему чай, который принесла хозяйка, имеет такое странное название, вон, на нитке ярлычок с надписью «Чаюха для понюха».

– И последнее, но главное, – ворвался в уши визгливый голос Нечитайло, – хочу, чтобы Миладка Смолякова оказалась в навозной куче.

Издательство обязано на первое место поднять меня, а эту дуру с ее тупыми детективчиками с рынка выпереть навсегда! Изъять ее книги из продаж! Запретить! Навечно! Понятно? Я вверх, на свое законное лидирующее место, а она вниз!

Я потрясла головой. Если наложить запрет на распространение замечательных криминальных романов Смоляковой, то за ними ринутся все, даже те, кто с презрением воротит от них нос. Да каждый писатель мечтает, чтобы его книги подверглись гонениям. Потому что тогда к нему возникнет невероятный интерес со стороны читателей и издателей.

Глава 7

В состоянии, близком к истерике, я покинула «пентхаус» Нечитайло, расположенный на третьем этаже блочной башни, и позвонила Маслову.

– Как дела? – осведомился шеф. – Пообщалась с Валентиной?

– Слов нет, – выдохнула я, – сильно сомневаюсь, что смогу справиться с заданием.

– Думай о гонораре, – посоветовал Иван, – мне, жадине, всегда помогает предвкушение денег.

– Боюсь, тут даже миллиарда окажется мало, – пробормотала я и рассказала об увиденном, утаив лишь информацию об общении с медвежьей мордой.

– Ерунда, ты справишься, – оптимистично воскликнул Ваня, – всего-то надо убедить бабу сменить имидж.

– Завтра веду ее в салон, – устало сказала я и зашмыгала носом, – договорилась с Ликой Рубакиной, она считается лучшей по прическам и макияжу.

– Вот видишь! – обрадовался Иван. – Дело сдвинулось с мертвой точки, Валентина согласилась встретиться со стилистом. Ты молодец, еще вчера Нечитайло заявила Адаму: «Я прекрасна, о каких изменениях может быть речь?» А ты сумела пошатнуть позицию дамы с комплексом сверхполноценности.

– Лучше не спрашивай, чего мне это стоило, – уныло произнесла я. – Пообещала ей в среду радиозфир с Виктором Сойкиным.

– Это который вещает на «Толстой FM»? – насторожился Иван. – Да он Нечитайло в лохмотья порвет! Ехидный, злой мужик.

Ячихнула.

– У Валентины навязчивая идея затоптать Смолякову. Нечитайло полагает, что та у нее отнимает славу и деньги, а Сойкин каждый месяц Милану к себе зовет. Скажу тебе по секрету, его жена, мать, теща, короче, все женщины в семье – фанатки Смоляковой. Валя сначала наотрез отказалась от стилиста, а я ей предложила сделку: завтра днем идем к Лике, а вечером к Виктору. Апчхи!

– Ты уломашь Сойкина? – засомневался Ваня.

– Мы с ним старые приятели, – пояснила я. – Апчхи!

– Простудилась? Выпей что-нибудь, – заботливо посоветовал босс.

– Непременно, – пообещала я и открыла окошко.

Я-то здорова, просто в носу поселился запах духов Валентины, на редкость въедливый и стойкий.

Мы поговорили с Ваней еще некоторое время, потом я аккуратно установила телефон в держатель. Спасибо, Макс! Если бы не предусмотрительность мужа, оплакивать бы мне сейчас свою СИМ-карту со всеми контактами, погибшую под каблуками Жеки. Год назад, когда я потеряла мобильный, Макс принес мне два новых аппарата и сказал:

– Положи один в бардачок машины и не доставай до той поры, пока снова не посеешь сотовый. Я сделал тебе две симки: лишишься одной, а под рукой будет вторая, готовая к работе.

– Не надо считать меня безголовой блондинкой, – рассердилась я, – любой человек может забыть сотовый неизвестно где.

– Ну конечно, – кивнул Макс. – Тебе всего-то надо воткнуть в новый аппарат зарядку. Вот она, держи. Сразу в двух вариантах – для обычной розетки и для машины.

Я положила руки на руль. Кстати, о телефоне. Надо завезти Ковалевой ее мобильный, заодно посмотрю, как она себя чувствует. Уже вечер, Жека небось вернулась с работы.

Порядка ради я набрала несколько раз домашний номер подружки, но из трубки постоянно неслись короткие частые гудки. Миша большой любитель повисеть на проводе. Считается, что занимать телефонную линию часами – болезнь, присущая женскому полу, но Жека всегда говорит коротко, а вот Мишенька может обсуждать всякую ерунду годами.

Я отлично знаю: во дворе дома, где живет Ковалева, припарковаться невозможно. Поэтому оставила свою «букашку» около расположенного неподалеку супермаркета и пошла пешком. Погода неожиданно решила порадовать москвичей. Ни жары, ни холода, ни дождя, ни ветра, ни духоты. По

дороге мне попалась будка с мороженым. В ней продавалась любимая «Лакомка», я съела ее и перестала ощущать постоянный аромат кокоса и ванили, в голове прояснилось, жизнь снова стала прекрасной. В чудесном настроении я вошла во двор и замерла.

На узком пятачке толпились много народа. На газоне, безжалостно смяв чahlые московские цветы, громоздился фургон «Скорой помощи», почти впритык к нему – не очень новая темно-синяя иномарка, за задним стеклом которой висел плюшевый бегемот в полицейской форме. Я отлично знаю, кому принадлежит автомобиль. Не раз ездила в нем и подарила игрушку его владельцу на Новый год.

Я сделала пару шагов, уперлась в ленту, натянутую поперек двора.

– Гражданочка, дальше нельзя, – сурово сказал парень в фуражке, – если живете в этом подъезде, то подождите, пока с трупом разберутся. А лучше погуляйте, нечего тут смотреть. Зачем только люди из окон прыгают? Неужели не понимают, что их потом с земли соскрести придется?

Я обвела глазами людей за лентой и крикнула:

– Костин! Володя!^[4]

От толпы отделилась высокая фигура, быстро приблизилась и спросила:

– Лампа?! Кто тебе сообщил?

Мои ноги превратились в желе.

– О чем?

Вовка приподнял рукой ленту.

– Пролезай.

– Что случилось? – прошептала я, подныривая под ограждение. – Почему ты приехал на простое падение из окна?

Костин внимательно посмотрел на меня.

– Сначала скажи, по какой причине ты сама сюда заявлялась?

Я вынула из сумочки мобильный Ковалевой.

– Приехала к Жеке, она сегодня забыла свой телефон в кафе. Можно мне пройти в подъезд? Я надену бахилы, ничего не трону, могу комбинезон у криминалистов взять и...

Слова застряли в горле, я увидела эксперта Рому Казакова. Он шел к нам, помахая прозрачным пакетом для улики, внутри которого виднелся браслет в виде змеи с двумя головами.

– Красивая безделушка, – почему-то с неодобрением заметил Роман, – прочно на руке сидела, не свалилась. Привет, Лампа, у тебя ничего попить нету? В горле пересохло.

– Это украшение Жеки, – выдавила я из себя.

Казаков потряс полиэтиленовым мешочком.

– О его содержимом говоришь? Что, знаешь эту цацку? Где видела?

– Исчезни, – коротко приказал Вовка, – немедленно испарись!

– Понял, – кивнул Рома и живо убежал.

– Там Жека? – прошептала я, отлично зная, какой ответ услышу. – На асфальте?

Костин притянул меня к себе.

– Прости, да.

– Точно она? Вдруг это ошибка? – я цеплялась за последнюю надежду. Украшения бывают одинаковыми, браслет не эксклюзив, может, кто-то купил такой же.

Вовка начал гладить меня по голове.

– Это Ковалева. Она покончила с собой, прыгнула из окна спальни сына. Несчастье случилось часа три тому назад.

– Невозможно! – воскликнула я, вырываясь из объятий лучшего друга. – Либо вы перепутали время, либо место, откуда Жека совершила прыжок.

Костин наклонился ко мне.

– Почему?

– Она обожает Севу, – пояснила я, – он уезжает на работу в свой клуб около девяти вечера. Значит, в момент самоубийства матери Всеволод находился дома. Жека никогда бы не подвергла любимого мальчика такому стрессу. Нет, нет, и еще раз нет. Хотя...

– Что? – спросил Вовка.

– Сева мог уехать раньше, – растерянно пробормотала я, – и все равно нет! Господи, я сошла с ума! Не понимаю, что говорю! Вовка! Там, на земле, не Жека!

– Извини, – мрачно произнес Костин. – Ковалева скончалась.

Я вцепилась в руку друга.

– Она не могла совершить суицид! Да еще прыгнуть из комнаты сына! Тут что-то не так! Всеволоду сообщили о смерти мамы? Ему позвонили? У меня есть его номер, секундочку.

Я включила телефон Жеки, увидела, как загрузилась заставка – снимок весело смеющегося Севы. Хотела нажать на кнопку и была остановлена Вовкой.

– Не надо. Всеволода только что увезли!

Я чуть не уронила трубку.

– Что? Он стал свидетелем гибели матери? Нет, нет, нет! Ты плохо знаешь психологию Ковалевой. Это невозможно! Там не Жека! А! Знаю! К сыну пришла девушка, они с ней ну... того... самого, потом девица пошла в ванную. У Севы постоянно завязываются отношения со стриптизершами, танцовщицами, всякими невоспитанными особами. Нацепить халат и туфли матери любовника для такой...

Костин схватил меня за плечи, встряхнул и сказал:

– Лампа! На земле Евгения, в квартире обнаружили Севу, на его теле две раны. Сначала парня ударили ножом в грудь, затем перерезали ему горло. Всеволод остался жив, его отправили в клинику, но пообщаться с ним невозможно. А Михаил психологически недоступен.

Я вздрогнула.

– Миша? Он дома? Жека шагнула вниз в присутствии всех членов семьи?

Володя взял меня под руку.

– Мы пока знаем лишь часть случившегося. Падение Ковалевой видела соседка Алевтина Меркулова, медсестра со «Скорой помощи», она не потеряла головы, поступила грамотно. Приблизилась к телу, поняла, что помочь Ковалевой невозможно, и позвонила куда следует. Алевтина, как понимаешь, не боится покойников, и жертвой суицида ее не удивить. В момент, когда Меркулова общалась с полицией, из подъезда выскочил Михаил и кинулся к жене. Вот тут медсестра дала маху: она не смогла остановить мужа, а тот практически упал на колени перед трупом Жеки. Да вон она идет!

– Кто? – взмогнула я.

– Алевтина! – закричал Вовка. – Подойдите к нам!

Симпатичная круглолицая женщина, шедшая от подъезда, приблизилась к нам.

– Могу чем-то помочь?

– Вы видели падение Ковалевой? – спросила я.

Медсестра вздохнула.

– Нет, сидела на детской площадке, читала книгу, вдруг бах! Звук такой, как небольшой взрыв. Я вскочила, увидела тело и поняла: кто-то из окна сиганул. Подбежала, узнала Женю.

– Она была уже мертвой? – зачем-то уточнила я.

– Да, – кивнула Алевтина, – без сомнений. Я начала звонить куда положено, тут выскочил Миша, почему-то со свернутым полотенцем в руке, бухнулся на колени, кричит, а я ему на спину смотрю и понимаю: утешить его шансов нет. Знаете, порой такие глупости память удерживает! На муже Ковалевой была футболка с принтом на спине, смайлик с улыбкой. В этой ситуации майка произвела на меня жуткое впечатление, я не могла от нее оторвать глаз. Тут Михаил как заорет: «Иди наверх, там Сева умер!»

Я побежала к ним в квартиру, нашла парня на полу, сначала решила, что он тоже труп, потом гляжу, пальцы на руке дрожат. В общем, повезло Севе, что я пришла, оказала ему первую помощь до прибытия бригады.

– Как можно выжить с перерезанным горлом? – прошептала я.

– Крупные сосуды остались целы, – пояснила Алевтина. – А вот говорить Всеволод навряд ли теперь сможет. Хотя я не врач, вдруг ему повезет, голос восстановится. Долго ему придется реабилитироваться, если, конечно, он в больнице не умрет. Извините, мне пора на работу.

Бегло осмотрев место происшествия, криминалисты сделали предварительный вывод. По их мнению, Жека сначала нанесла Севе ножевые ранения, а потом покончила с собой. Похоже, в ту секунду, когда жена прыгнула вниз, домой вернулся Миша. Он бросился к сыну, счел его умершим и кинулся на улицу. Сейчас Михаил находится в больнице, физически он здоров, на его теле не обнаружено ни одной раны, но его психическое состояние оставляет желать лучшего. Миша ни с кем не желает разговаривать.

Меня бросало то в жар, то в холод.

– Жека не могла нанести Севе удары ножом! Мать и сына убили! В квартире Ковалевых был посторонний! Он зарезал парня и вытолкнул Жеку из окна.

– Пока ничто не говорит о присутствии постороннего, – возразил Вовка.

– Он там был, – уперлась я.

Резкий звонок мобильного Ковалевой заставил меня вскрикнуть, но через секунду я поднесла трубку к уху.

– Да.

– Не пришла? – завершал противный, как скрежет ножа по стеклу, женский голос. – Богатая, да? Все тебе можно? Ничего, ответит твой байстрюк! пожалела миллион Лизе на образование? Теперь десятью не отделаешься! Передай своему говнюку, что его секреты не тайна! Я знаю о его подвигах! Таня Иванова! Сколько ты ее матери отстегнула? Короче! Срок тебе до завтра! Десять миллионов! Иначе бай-бай, Сева отправится на зону, ты слышала, как там правильные уголовники с насильниками поступают. Лизке всего пятнадцать!

Я протянула Костину трубку, из которой неслись короткие гудки.

– Можешь по определившемуся номеру узнать, на кого он зарегистрирован и где проживает хозяйка?

– Запросто, – ответил друг. – А тебе зачем?

Я сгорбилась.

– Жека не могла убить сына, Сева натворил каких-то глупостей, и его за это хотели лишить жизни. Звонившая вымогает у Ковалевой деньги, утверждает, что Всеволод хотел изнасиловать ее дочь...

Володя спокойно выслушал мой сбивчивый рассказ, но остался при своем мнении.

– Лампа, давай честно посмотрим фактам в лицо.

– Жека не могла! – тупо повторяла я. – Не могла!

– Вероятно, ты не все знаешь про свою подругу, – вздохнул Костин. – В прошлую пятницу Меркулова, выходя из своей квартиры, случайно наступила на пакет, который бросила на лестничной клетке Жека. Площадка в доме узкая, места мало, а у Ковалевой, которая в тот самый момент открывала дверь, была гора сумок из супермаркета. Алевтина смутилась и начала извиняться: «Жечочка, сейчас сбегу в магазин и принесу тебе то, что испортила».

Ковалева отреагировала нормально: «Не переживай, Аля, там ерунда, ватные диски и бумажные салфетки, ничего с ними не будет».

Меркулова еще раз попросила прощения, повернулась к соседке спиной, вызвала лифт и тут... В стену, аккуратно над кнопкой вызова подъемника, врезалась пластиковая бутылка с минералкой. Аля в испуге обернулась. На нее, сжав кулаки, надвигалась Жека.

Меркулова и Ковалева сосуществуют на одной лестничной клетке в течение длительного времени. Нежной дружбы между женщинами не возникло, но они хорошие соседки, никогда не ругаются, подчас выручают друг друга, в Новый год обмениваются подарками. Аля считала Жеку воспитанной, интеллигентной дамой, но сейчас перед ней предстала разъяренная баба, изрыгающая нецензурную брань. Слава богу, прибыл лифт, и Аля, влетев в кабину, умчалась на первый этаж.

Вечером в дверь Меркуловой позвонила Женя, Алевтина замерла у видеофона и услышала, как соседка произнесла: «Алечка, родная, прости. Открой, не бойся».

Меркулова распахнула створку, Ковалева вошла в прихожую, заплакала, начала просить прощения. Понимаешь, Лампа, Жека в последнее время была подвержена немотивированным припадкам ярости.

Я подняла руку.

– Вова, давай сядем где-нибудь, я расскажу тебе о сегодняшней встрече с ней.

Глава 8

В машине Вовки я провела больше часа. Сначала в подробностях передала Костину нашу беседу с Ковалевой. Потом выслушала друга, который упрямо твердил про убийство Жекой Севы с последующим суицидом. Увидела, как тело Ковалевой увозят в морг. Понаблюдала за криминалистами, которые осматривали двор, и задремала. Разбудил меня громкий голос старшего эксперта. Я открыла глаза. Володя и Роман стояли, опираясь на автомобиль, через открытое окно отлично был слышен их диалог.

– Работы еще полно, – вещал Казаков, – выводы делать рано, но в частном порядке, так сказать, не научно, могу заверить: стопудово она сама прыгнула. Положение тела, траектория полета, след на подоконнике, разброс обуви – все свидетельствует о суициде.

– М-да, – мрачно крикнул Вовка. – Сильный удар для Лампы, она с Ковалевой давно дружила.

– У баб в период климакса крыша едет, – хмыкнул Роман. – Депрессия начинается, мысли всякие, обидчивость развивается, злобность.

– Жека еще молодая была, – вздохнул Костин.

– Климакс может и в тридцать пять стартовать, – возразил Казаков, – ей бы к эндокринологу сходить, заместительную терапию провести. Но наш человек по врачам не ходок, терпит все, сцепив зубы. И СМИ в этом виноваты, со всех экранов орут про молодость и красоту, а про то, что давным-давно лекарства от возрастных проблем созданы, молчат.

– Я слышал, эти таблетки вредны, – промямлил Костин.

– И ты туда же, – рассердился Рома. – Говорят, что петуха доят! Отчего у баб мозг плавится? Ослабевают гормональный фон, вот они его и восполняют скандалами. В процессе свары адреналин вырабатывается. Ладно, чего сейчас причитать, вашу Жеку не вернуть. Учитывая рассказ соседки и нож, найденный на земле, предполагаю такое развитие событий. Ковалева пришла домой, о чем-то поспорила с сыном, впала в неуправляемый гнев, порезала парня, очнулась, поняла, что натворила, и прыгнула.

Я высунулась из окна машины.

– Нет! Ковалева не могла поднять руку на Севу. В квартире был посторонний.

Роман деликатно кашлянул.

– Лампудель, ты, конечно, профессионал, но не можешь здесь применить свои опыт и знания, потому что связана с жертвой крепкой дружбой. Понимаешь, криминалистика точная наука, улики врать не могут. Пока все говорит о факте самоубийства. Расстояние от места соударения с землей до линии падения, в нашем случае стены здания, соответствует...

Я вышла из машины.

– Хорошо. Пусть Жека прыгнула сама, но она не нападала на сына. Почему вы не хотите рассмотреть такой вариант? Кто-то посторонний ранил парня и убежал, мать вернулась домой, увидела сына в крови, и тут у нее отказали нервы. Ковалева решила, что Всеволод скончался, а раз так, ей жить незачем, и рванула к окну.

Рома потер лоб.

– Ну... это возможно, хотя маловероятно.

– Ромочка, миленький, – зашептала я, – немыслимое дело, чтобы на Жеке осталось клеймо женщины, которая хотела, пусть даже и в припадке безумия, лишить жизни сына. Признаюсь, я недолюбливаю Севу, считаю его мажором, лентяем, балаболом, но он очень любил мать, надеюсь, паренек оправится и расскажет, как обстояло дело.

– Паренек, – фыркнул Костин, – да ему лет немало, а ты про него как про мальчика говоришь.

– Как потом Севе жить? – отмахнулась я от Вовки. – Необходимо найти настоящего преступника. Рома, тщательно изучи нож на предмет отпечатков.

– Спасибо за совет, Лампа, непременно, – надулся Казаков.

– Самым внимательным образом осмотрите квартиру, – не успокаивалась я. – Соберите все, что можно! Отпечатки! Следы! Волокна! Проползите на коленях по всем комнатам! С фонарем!

– Мерси, Лампудель, – процедил сквозь зубы Казаков. – Ничего, что я пятнадцать лет этим делом занимаюсь?

– Отправь кровь на токсикологию, – наскокивала я на Романа. – Жека никогда не славилась истеричностью. Вдруг ей что-то подливали или подсыпали в еду?

Роман закатил глаза.

– Непременно! Гран мерси за курс лекций. Скажи, а руки трупа в мешки упаковать? Из-под ногтей пробы брать? Волосы погибшей расчесывать? Я не в материале! Научи дурака!

Я на секунду прикрыла глаза рукой. Так, главное сейчас – не думать, что Жека умерла, иначе я сойду с ума. Надо отнестись к случившемуся отстраненно. Похоже, и Рома, и Костин уже сделали выводы. Они считают Ковалеву самоубийцей, которая пыталась лишить сына жизни. Мой долг смыть с памяти подруги позорное клеймо. Нельзя впадать в истерику. Порыдаю потом, когда установлю истину. Спокойно, Лампа, тебе сейчас нужно все твое хладнокровие и трезвый ум. Я сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и посмотрела на Костина.

– Узнал, кто звонил Жеке с требованием денег?

– Райкина Марина Степановна, – кивнул тот. – Проживает, кстати, не так далеко отсюда. Улица Гороховская, дом семь, корпус два, квартира пятнадцать.

Я развернулась и побежала в сторону проспекта.

– Ты куда? – крикнул Роман.

– Моя «букашка» стоит на парковке у супермаркета, – ответила я, оборачиваясь. – Смотаюсь к Райкиной. Похоже, Марина Степановна знает много интересного про Севу.

– С ума сойти! – заорал Казаков. – Вовка, не стой, останови Лампу.

Я прибавила скорости и услышала ответ Костина:

– Оставь ее, Рома. Ты сам сказал, Лампа профессионал. Мне лишние ноги-руки не помешают.

– Она не может работать по этому делу, – злился эксперт, – тебе по шапке дадут.

– Сшибут ее, натяну кепку, – парировал Костин, – что-нибудь придумаю. Пойми, Лампа с ума сойдет, если в стороне останется.

– Вы с Романовой психи! – вознегодовал Казаков.

Продолжение разговора я не узнала, потому что покинула двор.

Нужный дом по Гороховской улице не выглядел элитным, впрочем, на трущобу тоже не походил. Обычная московская многоэтажка, населенная людьми, которые пытаются выжить на скромную зарплату. Звонок имитировал пение соловья. Не успело чириканье стихнуть, как из-за двери послышался визгливый, уже знакомый мне женский голос:

– Лизка, ты?

– Да, – пропищала я.

– Сколько раз говорено, не шляйся по ночам, – закричала мать, возясь с замками, – вчера после полуночи пришла, сегодня, спасибо, пораньше вернулась. Почему по мобильному не отвечаешь?

Дверь распахнулась, я увидела крепкую женщину в джинсах и футболке.

– А где Лиза? – удивилась она.

– Наверное, веселится в клубе, – предположила я. – Разрешите войти?

– Нет, – отрезала Райкина, – незнакомых я в квартиру не пускаю.

– Добрый вечер, Марина Степановна, – сказала я, – нас можно считать почти подругами. Сегодня мы два раза беседовали по телефону. Меня зовут

Евлампия Романова.

– Тут какая-то ошибка, – попыталась хозяйка, – откуда вам известно мое имя?

– Из базы телефонной станции, – открыла я секрет, – ваш номер определился на экране мобильного. Остальное дело техники.

– Лиза, – прошептала Райкина, хватаясь за вешалку, – вы из полиции! Что с девочкой?

Я замахала руками.

– Нет, нет, успокойтесь. Речь идет о Евгении Ковалевой. Вы требовали у нее денег за молчание. Сначала миллион рублей, а затем увеличили цифру в десять раз.

Райкина сжала губы в нитку, я живо втиснулась в тесную прихожую, захлопнула дверь и посмотрела на хозяйку. Но Марина Степановна уже успела прийти в себя и наметить план действий.

– Врет! – с жаром воскликнула она.

– Кто? – уточнила я.

Хозяйка наклонила голову и ринулась в атаку:

– Распрекрасная ваша Евгения Ивановна, разлюбезная Ковалева! Владелица частной гимназии! Разве можно доверить своего ребенка педагогу, который родного сына воспитать не может? Знаете, какой ее Сева? Вор, насильник, педофил, сутенер!

– Серьезные обвинения, – сказала я. – Всеволод пытался принудить вашу дочь к половой связи?

– Мерзавец! – взвизгнула Марина Степановна. – Лизочке едва пятнадцать исполнилось. Она маленькая! Ни о чем, кроме школы, не думает. Не девочка, а нежная незабудка. Ковалев негодяй!

– И вы решили получить деньги за потерянную дочкой невинность? – уточнила я. – Звонили Ковалевой, шантажировали...

– Брешет она. Не было этого! – затрясла головой Райкина.

– Вы никогда не набирали номер матери Севы? – уточнила я.

Марина честным, открытым взглядом посмотрела на меня.

– Где я могла телефон взять?

Я открыла рот, чтобы уличить врунью, но тут в дверь позвонили.

– Лиза! – заорала хозяйка и, не задавая никаких вопросов, ринулась к двери, вопя: – Доченька, к нам из полиции пришли! Ковалева наплела...

Договорить фразу она не успела, потому что в квартиру практически на четвереньках вползла девица самого непотребного вида. Темно-каштановые волосы были спутаны и заляпаны грязью, макияж на лице превратился в месиво разноцветных пятен, а короткая маечка оказалась разодрана.

– Мамунь, привет, – прозаикалась красавица, – я домой всегда вовремя... ик... ик... вовремя... врем...

Так и не справившись с трудным словом, нимфетка громко рыгнула и свалилась набок. Стало видно, что у нее на ногах всего одна туфелька, а черные лосины походят на решето. Зато сумочка была в целости и сохранности, висела у очаровашки на шее.

– Лиза! – заорала мать. – Где твоя юбка? Отвечай немедленно! Дрянь!

– Хороший вопрос, – усмехнулась я, – вас волнует лишь отсутствие юбки? На мой взгляд, лучше поинтересоваться, чем девочка-незабудка наклюкалась. Если она пила дешевую бормотуху, то лучше вызвать врача, сейчас легко отравиться фальшивым алкоголем.

Елизавета подняла голову, с усилием оторвала от пола руку и погрозила нам кулаком.

– Проваливайте! Я дерьмо не глотаю! В «Туннеле» налили... лили... кап... кап... ф-у-у! Дайте воды! Я танцевать хочу-у-у!

– Замолчи, соседей разбудишь, – цыкнула на пьяное чадо Марина.

– П-плевать! – во всю глотку заорала Лиза. – Дайте шампусика и... ну... блин... короче, как всегда!

Из комнаты донесся гневный стук.

– Уже по батарее колотят, – испугалась Райкина. – Не дай бог, спустятся, увидят Лизку, слухи пойдут.

– Надо отнести девочку в ванную, – предложила я, – холодный душ плюс литр марганцовки внутрь. Еще нам понадобится энтеросгель и побольше чаю, лучше зеленого.

– Как мне ее, лосиху, поднять? – расстроилась Марина. – Вымахала, кобыла!

– Бери за ноги, я за руки, и потащили, – перешла я на «ты». – Клизма в доме есть? Наполни ее чуть теплой водой. Сейчас устроим реанимацию.

Примерно через час Лиза после всех неприятных манипуляций, включавших в себя промывание желудка и поглощение энтеросгеля, почти обрела человеческий облик. Девочка была завернута в халат и усажена на кухне с чашкой чая в руках. Мы с Мариной устроились напротив нее, и я заново начала разговор.

– Вот что, девушки, учитывая, что мы сейчас пережили, предлагаю выпить на брудершафт заварки и перестать врать. Марина, ты разговаривала не с Жекой, а со мной. Ковалева забыла свой телефон в кафе, где мы с ней встречались, на все адресованные ей звонки отвечала я.

Райкина заморгала.

– Ну... я хотела мирно разрешить конфликт. Сева... он...

– Не стоит петь песню про девочку-незабудку, – предостерегла я. – К сожалению, случилось несчастье. Сева тяжело ранен, Евгения найдена мертвой во дворе своего дома, она выпала из окна. Полиция предполагает, что это дело рук человека, который затаил злобу на Всеволода. Ну, допустим, парень изнасиловал пятнадцатилетнюю школьницу, а ее мать решила отомстить.

Марина зажала ладонью рот, вскочила и кинулась в туалет.

– Блин! – взвизгнула Лиза. – Она насмерть разбилась?

– К сожалению, да, – сухо сказала я.

– Мы не имеем никакого отношения к ее смерти! – закричала Марина, вбегая назад.

От батареи незамедлительно полетел стук.

Лиза схватила висевшую на стене лопатку для торта и принялась колотить по металлической гармошке. А Марина взяла телефон, набрала номер и снова заорала, на этот раз в трубку:

– Наташка, еще раз загрохочешь, я тебе завтра все стекла переколочу в машине. Что, что! Свадьба у нас! Я замуж вышла! За Филиппа Киркорова! Удавись теперь!

Лиза заржала.

– Ой, мам, ты даешь! Завтра весь дом на рога встанет.

– Да и фиг с ними, – выдохнула Марина. – Надоели. Не соседи, а КГБ! Я не хотела Ковалевой ничего плохого, деньги нужны на образование Лизы.

И у них же был секс!

– Всеволод тебя изнасиловал? – напрямую спросила я у девочки.

– Ну, нет, – протянула та, – он хороший, ласковый, подарки мне дарил. У нас роман был. Мне все завидовали, потому что Севка в клуб меня бесплатно проводил, коктейли покупал, предложил танцовщицей у них работать, сказал, что у меня офигенная грудь, такую грех прятать!

Лиза взяла чашку и стала захлеб пить.

– Иногда мне ее убить хочется, – прошипела Марина. – Одна Лизу тяну, без мужа, учу, воспитываю, а девчонка, как намыленная, из пальцев выскакивает. Какие танцы! Тебе пятнадцать!

– Вот потому и не взяли, – надулась Елизавета. – Севка управляющего просил, а тот уперся: нельзя несовершеннолетним в «стакан».

– Какие еще «стаканы»? – испугалась Марина.

Лиза захихикала, а я решила ввести Райкину в курс дела:

– Во многих ночных клубах устанавливают небольшие круглые сооружения с перилами, они подняты высоко над толпой. Внутри танцуют практически обнаженные девушки. Такая «сцена» называется стакан.

– Правильно, – подтвердила Лиза. – Но не получилось! Не взяли меня!

– Слава богу! – перекрестилась Марина. – Доченька, возьми за ум, получи аттестат, поступай в институт, станешь стоматологом. Отличная профессия.

– Ма, меня тошнит в чужих зубах ковыряться, – ухмыльнулась Елизавета. – Хочу петь на эстраде!

– Через мой труп! – решительно заявила Марина.

– Ладно, я подожду, – пожала плечами Лиза. – Мне еще год в школе пыхтеть, а ты немолодая!

Марина начала хватать воздух ртом. Лиза сообразила, что перегнула палку, и забыла:

– Уж и пошутить нельзя. Плохо, когда чувство юмора у человека отсутствует.

Я постучала ладонью по столу.

– Внимание. Сева не насиловал Лизу. Почему же у вас возникла идея потребовать у Жеки миллион?

– Так Таньку он того... самого, – воскликнула Елизавета, – с пьяных глаз ее использовал. Чтобы тетя Наташа не возникала, Евгения Ивановна много денег им отвалила. Вот мама и подумала: я несовершеннолетняя, Ковалева уже один раз Севку откупила, значит, и нам бабла отвалит.

Глава 9

Я оперлась руками о стол.

– Поправьте, если я ошибаюсь. Правильно ли я поняла вас? Всеволод изнасиловал Татьяну Иванову, ее мать не обратилась в полицию, а...

– У нас в классе на одну девчонку, Верку Логинову, напали на пустыре, – перебила меня Лиза. – Мужик какой-то незнакомый пошел вместе с ней от остановки маршрутки, выждал удобный момент и затащил ее в пустой гараж. Так Веркина мать такой шум затеяла! Все местное отделение взбаламутила. Ну, и что хорошего? Веру по разным врачам таскали, допрашивали, в школу приходили. Теперь на нее все пальцем показывают, хихикают, в столовой рядом не садятся, потому что анализ на СПИД через полгода повторять надо и не ясно, вдруг Логинова теперь заразная. И мужика-то не поймали. Получила Верка одни неприятности. А Танькина мать умная, она по-тихому к Евгении Ивановне подъехала и денег получила. Никто ничего не узнал. Танюха одной мне по секрету рассказала, потому что мы с первого класса дружим.

– И вы с Мариной Степановной решили не упустить свой шанс, – кивнула я. – Отличная идея. Понимаете, что вы стали основными подозреваемыми? Всеволода тяжело ранил человек, который его ненавидел. О ком следователь в первую очередь подумает? О несчастной, поруганной девочке и ее обиженной маме. То есть о вас, мои драгоценные.

Лиза заплакала, а Марина растерянно забормотала:

– Нет-нет, я на Севу не сердилась. Нехорошо, конечно, что он с моей дочкой спал, но Лизавету дома не удержать, все равно бы невинности лишилась. Нам нужны деньги.

– Можете не запевать сначала, – остановила я Райкину. – Елизавета, ты долго... э... дружила с Севой?

– Да, – всхлипнула та, – у нас был настоящий роман, а не такой, как у него с остальными: потрахался один раз, в клуб привел, ерунду подарил и разбежался. Мы целый месяц вместе жили, я была его постоянной девушкой. Сейчас покажу!

Лиза вскочила и убежала.

– Не осуждайте меня, – захныкала Марина. – Нынешняя молодежь никого не слушает, им старшие не указ. Жизнь страшная стала, без денег никуда.

Я отвернулась к окну. Современные дети разные, есть плохие, есть и хорошие. Идея потребовать у Ковалевой миллион принадлежит Марине Степановне, а ее нельзя назвать представительницей юного поколения.

– Вот, смотрите, – заявила Лизавета, возвращаясь на кухню, – кофта в пайетках, самая модная, юбка кожаная, туфли итальянские, – все это подарки Севы. Он меня любил!

– Целый месяц! – не выдержала я.

– Да! – гордо подтвердила Лиза. – Мало кто рядом с Ковалевым так долго удержался, я рекорд поставила. До меня у Севки Анжела была, с ней он всего неделю провел.

– Ну что с ними делать! – воскликнула Марина. – Смотрят телевизор, а оттуда постоянно вещают про богатых! Купят журналы, там снимки женщин в шубах, брильянтах, они гуляют по Шалевелю, тратят на один ужин по тысяче евро.

Лиза скорчила мину.

– Мам, не позорься! Сто раз тебе говорила, не Шалевель, а Куршавель. И на тысячу евро там нормально не поешь, одно вино в десять раз больше стоит.

Марина застонала.

– Вот! Слышали? Думаете, она в этот самый, что не выговорить, ездила? Нет, конечно, начиталась прессы. И что я ей могу дать с зарплатой в три копейки?

– Лиза, кто мог желать смерти Севе? – спросила я у девочки.

Она почесала лоб.

– Севку все любят, он добрый, щедрый, если с тобой расстался, нос не воротит потом. Столкнешься с ним в каком-нибудь клубе, всегда коктейлем угостит. Правда, он почти всегда в «Туннеле» чудит.

Я удивилась.

– Что значит «столкнешься с ним в каком-нибудь клубе»?

Лиза ухмыльнулась.

– Клуб – это такое место, где...

– Можешь не рассказывать, я в курсе, – остановила я любительницу развлечений. – Меня удивило, что Всеволод ходил в разные точки. Как это совмещалось с его работой?

Лиза тоненько засмеялась.

– А как у всех! Днем пашут, вечером гуляют.

– Насколько я знаю, Всеволод работал управляющим в «Туннеле», – протянула я.

Лиза округлила глаза.

– Кто вам наврал? Севка бизнесмен, он... как его... этот... забыла, короче, богатый человек.

– Но деньги вы решили вымогать не у Всеволода, а у его матери, – парировала я.

Лиза снисходительно улыбнулась.

– Так он знает, что у нас по любви все было, ничего не даст. А Евгения Ивановна не в курсе, она втихую бабло вытряхивает. Танькину маму Ковалева просила: «Дорогая, пожалуйста, давайте все тихо уладим. Не хочу, чтобы сын или муж знали. Мне второй Гали не надо».

Я уставилась на окончательно протрезвевшую и, похоже, прекрасно себя чувствующую девушку.

– Второй Гали?

– Да, – охотно пояснила Лиза, – она с Севкой трахалась и совсем обнаглела, решила, что он теперь обязан с ней всегда ходить. Сева бортанул дуру культурно, не обидел, купил ей кольцо, сережки, цепочку. Нет бы Галке спокойно все надеть и радоваться, но она, коза, давай права качать. Припрется в один клуб, посмотрит, там ли Сева, если нет, в другой едет. В конце концов непременно его найдет!

– В Москве несколько тысяч заведений, – остановила я Лизу. – Галя успевала за короткое время везде побывать?

Елизавета расхохоталась и растопырила пальцы на руке.

– Вот сколько в городе точек, куда приличный человек пойдет! В хрюкинский район, в пельменную с вывеской «Караоке вой» никто из наших и не заглянет. Галина Севку выслеживала, на шею ему вешалась, плакала. Ну чего еще от кретинки ждать? Ковалев терпел ее закидоны целую неделю, потом не выдержал и дал ей в нос! За дело! А его кто-то на мобильник снял, в Интернет отправил, снимочек теперь по Сети гуляет. А тетка в клуб приехала, в «Туннель», я как раз с Аськой у стойки сидела, а Сева с другой стороны с Ахметом трепался. Вдруг баба вваливается, совсем старая, такой лучше в девять вечера спать ложиться! Галка давай орать: «Ага! Это он мне дал!»

Ну в смысле кольцо! А Сева молчит! И пошла у них скандальная история. А тетка им орать! А Витька их вон гнать! А Ахмет в машину сел!

У меня закружилась голова.

– Лиза, пожалуйста, повтори, но не так быстро.

Она замахала руками, я сосредоточилась и через некоторое время разобралась в сути произошедшего.

Сева подарил своей очередной девочке перстень, слишком массивный для ее руки, но Галя обрадовалась и сочла презент за предложение выйти замуж. Целую неделю Всеволод везде показывался с Галиной, прилюдно обнимал красавицу, а потом переметнулся к другой. В отличие от прежних любовниц Ковалева, Галя оказалась приставучей, бегала за ним и постоянно пыталась привлечь к себе его внимание. Очень скоро над ней все стали смеяться, но девушка не обращала на это внимания: она хотела вернуть Севу.

Некоторое время назад, дату Лиза не помнит, она приехала в клуб «Туннель», увидела там Севу, подошла поздороваться, получила от него коктейль, села у стойки и заметила Галину, которая незамедлительно погрозила ей кулаком. Елизавета показала ополоумевшей нахалке язык и расхохоталась. Взбешенная Галя ринулась к Лизе, плюхнулась около нее на высокий табурет и зашипела:

– Не смей приставать к моему жениху!

– Ой, не могу, – захлебнулась смехом Лиза. – Галка, не позорься, народ ржет. Всем понятно, что Сева никогда с тобой в загс не пойдет.

Галина сунула Лизе под нос руку.

– Видишь?

– Что, кольцо? – спросила та. – Симпатичное, похоже, старинное.

– Сева подарил, – громко, так, чтобы слышали все, кто находился рядом, объявила Галина. – Если мужчина на палец перстень тебе надевает, сразу понятно, каковы его намерения!

Внезапно Лизе стало жаль Галю. Постоянным посетительницам клуба Сева нравится, почти со всеми у него были блицроманы. Обаятельный, щедрый, улыбчивый парень, сын богатых родителей и сам крупный бизнесмен, ухитрился ни с кем не поссориться. Любовницы не держали на него зла: разве можно обижаться на плюшевого мишку? Но, с другой стороны, все понимали: Всеволод совершенно не годится на роль мужа, он излишне влюбчив, не способен хранить верность и еще не нагулялся. Красавицы знали, что у Ковалева есть мамаша. Иногда она звонила сыну, и Сева начинал сюсюкать:

– Мамуля, дорогая...

Похоже, он обожал свою родительницу, а та нежно относилась к сыну. Ну и какие шансы понравиться потенциальной свекрови были у Гали, девочки из малообеспеченной семьи? Ей следовало поплакать в подушку и искать себе другого парня.

– Еще раз приблизишься к моему Севочке, – зло вещала Галя, – зубов не соберешь! Мала еще по ночам зажигать!

Лиза хотела достойно ответить на грубость, но услышала шум, отвернулась от свихнувшейся Гали и увидела около Севы и Ахмета бабу, не похожую на посетитель «Туннеля». Старухе было лет сорок, не меньше. Выглядела она глупо – укладка крупными волнами, кофта с рюшами, серая юбка и ботильоны до середины лодыжки. Ну кто так одевается в клуб? Но самое странное то, что старая гримза наступала на Севу и орала:

– Немедленно верни! Кроме тебя, взять некому! Ты был в квартире!

Всеволод казался изумленным до крайности.

– Кто вы? Я вас не знаю!

– Хватит придуриваться, – топнула ногой старуха. – Милый кусик-лапусик! Ты вор!

Сева начал озиаться.

– Где охрана? Уберите ее!

– Мерзавец, – вскипела бабенка. – Думаешь, тебе это, как всегда, с рук сойдет? Да только не со мной.

Незнакомка схватила Севу за рубашку, и тут Галя бросилась на помощь «жениху». Она с силой толкнула женщину, та, чтобы устоять на ногах, ухватила рукой за стойку.

– Отлипни, – заорала Галина и изо всей силы шлепнула обидчицу ладонью по пальцам, – отвали от моего мужчины!

Массивный, подаренный Всеволодом перстень поранил кожу незнакомки, на широкой доске, окружавшей бар, появились капли крови.

– Эй, ребята, успокойтесь, – приказал бармен, хватаясь за тряпку, – Галина, заткнись, или тебя выведут. А вы, женщина, не бузите, вышибалу недолго позвать.

Лиза замерла в предвкушении. Сейчас старуха устроит спектакль! Схватит Галку за крашенные волосы и постучит ее башкой о барную стойку. Но ситуация стала развиваться неожиданно. Тетка внезапно вполне мирно сказала:

– Какое у тебя красивое кольцо.

– Сева подарил, – не преминула похвастаться Галка, – как своей невесте.

– Заткнись! – рявкнул парень.

Лиза удивилась еще больше: Сева никогда не хамит, уж как Галина ни нарывалась, а он ни разу не послал ее по правильному адресу. С чего бы ему сейчас злиться?

– Можно посмотреть? – заискивающе спросила незнакомка. – В руках подержать?

– Вали отсюда на... Галя, отойди от нее, живо! – заорал Всеволод.

Но дуреха не послушалась, стащила перстень с пальца и положила в ладонь тетки.

– Любуйтесь. Здоровское, да?

Баба сжала кольцо в кулаке и повернулась к Севе.

– Сам ей объясняй, а я уйду. Кабы не твой отец... если бы не он... сидеть бы тебе, подонку, в тюрьме. Ну ничего, еще дождусь, увижу тебя за решеткой. Непременно там очутишься, мразь!

Высказавшись, тетка в два шага очутилась у двери и исчезла.

– Кольцо! – завизжала Галя. – Держите воровку!

Она вскочила и хотела бежать за женщиной, но Сева успел схватить ее за юбку и приказать:

– Стой!

– Отпусти! – закричала Галка. – Она уперла перстень! Твой подарок!

И тут Ковалев со всего размаха отвесил красавице оплеуху. Галина дернулась и упала на пол. Всеволод схватил со стойки бутылку воды, залпом осушил ее и ушел. Никто из присутствующих не забеспокоился. В клубах всегда громко играет музыка и царит полумрак, основная масса посетителей ничего не видела и не слышала, в курсе были лишь несколько человек, сидевшие у стойки. Но все они, включая Лизу, были на стороне Севы. Галина слишком уж приставала к парню, вот и нарвалась. Если бы на месте Ковалева был другой мужчина, противной липучке досталось бы намного раньше и больше, одной затрещиной дело не обошлось бы. Галина должна радоваться интеллигентности и незлобивости Ковалева. Но, видно, любое хорошее воспитание имеет свои пределы. Тупая Галка умудрилась-таки разозлить «жениха».

Лиза перевела дух и ухмыльнулась.

– Думаете, Галина намек поняла? Не-а! Она поперла к Севке домой. Видали дуру? Специально вечером поехала, взяла с собой Наташку Сазонову, тоже идиотку, она потом нам все и растрепала, чего да как там произошло. Дома Севина мать оказалась. Галина только рот раскрыла, про женитьбу вякнула, а Евгения Ивановна в секунду деньги принесла и ей в руки сунула: «Забирай, девочка, сделай аборт, потом съезди отдохнуть, и все забудем. Сева еще молод, ему рано о семье думать».

– Аборт? – подскочила я. – Галина была беременна?

Лиза махнула рукой.

– Ой, да нет, конечно. Это она наврала, думала, Евгения Ивановна внуков хочет и заставит сына на ней жениться! Дура! Но и Севкина мать тоже хороша, ни справки не спросила, ни к врачу не отвела, сразу баблом отсчитала. Хотя с ее-то доходами это не удивительно. Что Ковалевой пара-тройка миллионов! И Галька, дура, запросила всего пятьсот евро! Да ей хватило! В клубы она теперь не ходит, я ее не вижу! А ту сценку, когда Севка ей в морду въехал, в Интернет выложили, кто-то сфоткал. Думаю, Евгении Ивановне прикол не понравился, вот она и поторопилась ситуэйшен замазать.

Глава 10

– Можешь описать женщину, которая забрала кольцо? – потребовала я.

Лиза кивнула.

– Конечно. Такая... Ну, в общем, как вы с мамой!

Несмотря на неприятный разговор, мне стало смешно.

– Марина – брюнетка с карими глазами и длинными вьющимися каштановыми волосами, носит сорок восьмой размер. Я ниже ростом и меньше в объеме, у меня короткая стрижка, я натуральная блондинка. Уточни, на кого больше смахивала дама, украшая у Галины перстень.

Лиза выпятила нижнюю губу.

– Ну... она не девочка!

Я решила задать наводящие вопросы:

– Высокая?

– Нормальная, как все, кому сто лет, – схватила негодница.

– Полная или худая?

– Нормальная.

– Цвет волос?

– Ну... нормальный, никакой, прическа куриная, – сообщила Елизавета.

– У куриц не бывает волос, – вздохнула я.

– В смысле тупая, – уточнила Лиза, – такие училки по праздникам делают. И одежда у нее на костюмчик нашей физички смахивала, ботильоны как у русички. Жуть зеленая.

– Платье зеленого цвета? – обрадовалась я хоть какой-то информации.

– Не, юбка с кофтой серые, – замотала головой Лиза.

– Попытайся вспомнить какую-нибудь примету, – взмолилась я.

Девушка засопела, вдруг ее круглошее, по-детски пухлое личико просияло.

– Палец! Указательный! Она руку протянула, и я увидела!

– Что? Говори скорей, – потребовала я.

– Она его испачкала! – радостно заявила Лиза. – Чем-то черным! Тушью для ресниц или пастой из шариковой ручки.

– Спасибо, Лиза, – произнесла я. – Замечательная примета, с ее помощью я непременно отыщу незнакомку. Кто еще в тот день сидел у стойки?

Лиза отбросила за спину длинные волосы.

– Ахмет, Анька Решетилова, Сева, Галка и я. Еще Костя, бармен.

– Можешь дать мне их телефоны? – безо всякой надежды на успех попросила я.

Лиза кивнула.

– Сейчас мобилу принесу.

Она хотела выйти из-за стола, но притормозила.

– Зачем они вам?

Очень хороший вопрос. Интересно, какой ответ на него можно дать?

– Остень хороши вопросы. Интересно, какой ответ на него можно дать.

– Хочу позвонить ребятам, – терпеливо сказала я.

Лиза округлила глаза.

– А некому! Ахметка умер. Анька тоже, и Кости в живых нет.

– Подожди, – пробормотала я. – История с кольцом случилась не так давно, и тогда вся компания, живая-здоровая, восседала в клубе.

Елизавета втянула на диванчик ногу.

– Ахметка вроде от передоза помер. На Аньку маньяк напал, горло ей перерезал, сумочку забрал. Костя с работы пешком шел, он жил рядом, ему шею ножом покромсали... Ой! Мама!

Лиза зажала рот рукой.

– Что? Что? – засуетилась Марина. – Тебе плохо? Сколько раз повторять: не пей разноцветную гадость! Намешают в бокал невесть чего, консервированной вишней засыпят и подают дурочкам.

– Мама! – прошептала Лиза, став похожей на третьеклассницу. – Мама! Они все умерли! Севка в больнице, да? На него тоже напали? Ой! Мне страшно!

Елизавета сползла под стол, я наклонилась и приподняла край скатерти.

– Из всех, кто сидел в тот вечер у стойки, в живых остались только ты и Галина? Дай мне ее телефон.

– Севка умер? – в ужасе спросила Лиза.

– Нет, но он в очень тяжелом состоянии, в реанимации, с рассеченным ножом горлом, – ответила я. – Ты уверена, что Ахмет скончался от передозировки? Как его фамилия?

– Не знаю, – заплакала Лиза, – просто Ахмет! Как придешь в «Туннель», он у бара сидит, «Мохито» пьет. Ахметка как колонна, никуда не девался, а потом пропал. Все говорили, что он на игле сидел, не на коксе. Ма, принеси мобилу!

Марина послушно сходила в прихожую и подала дочери слишком дорогой для школьницы сотовый. Лиза набрала номер и крикнула:

– Галк, ты? Здравсте! Это ее подруга, Лиза. Ой! Ой! Нет! Ой!

Аппарат отлетел к мойке, я подняла его и сказала в трубку:

– Простите за поздний звонок.

– Ничего, – ответил тихий мужской голос, – я не сплю. Галочки нет в живых. Она умерла. Девочка, которая звонила, похоже, ничего не знает, бедняжка.

– Извините, – прошептала я, – очень сожалею о вашей потере.

– Все в порядке, – успокоил меня собеседник, – я не родственник, а хозяин квартиры, которую ее мать снимала.

У меня вырвался судорожный вздох, потом вопрос:

– Но как к вам попал телефон Гали?

– У Олеси Теодоровны из-за похорон напряженка с деньгами, – пояснил собеседник, – она мне в счет оплаты предложила мобильный дочери. Девочке он ни к чему на том свете, трубка совсем новая, дорогая, и я согласился.

– Как вас зовут? – очнулась я.

– Степан Петрович, – представился он.

– Случайно не знаете, что произошло с Галей? – спросила я.

Степан Петрович деликатно кашлянул.

– Не интересовался, неудобно. Знаю, что на нее маньяк напал, порезал девушку, вроде ограбил.

– Можете назвать фамилию Гали?

– Горбанюк, – без задержки сообщил владелец квартиры, – они с матерью из Артемовска, городка на Украине, приехали в Москву счастья искать.

Олеся Теодоровна в горничных у богатого человека служила. У себя на родине она медсестрой работала, с образованием женщина, умная, поэтому и подалась в столицу России, бросила насиженный насест, друзей, хотела, чтобы Галочка в институт поступила, пристроила ее в московскую школу. И видите, как вышло? Увезла дочку назад в цинковом гробу. Как с ней связаться, я не знаю. До свидания.

Я захлопнула крышку телефона и протянула его Лизе, но та сидела, уткнувшись лицом в колени, и не взяла трубку. Мобильный схватила Марина и запричитала:

– Лизавета! Остаешься завтра дома, носа на улицу не высовываешь!

– Ага, – всхлипнула любительница веселья.

– Никаких гулянок! – закричала мать.

– Да, мамочка, – не стала спорить Лиза.

Марина уперла руки в боки.

– Почему полиция маньяка не ловит? Сколько он еще должен детей убить, чтобы вы встrepенулись? Ходите по домам, богатых защищаете! А про бедных не думаете! Если ребенок из простой семьи, значит, пусть его жизни лишают?

– Ма, Севке тоже досталось, – напомнила Лена, – и Евгения Ивановна умерла!

Марина рухнула на табуретку, обхватила голову руками и заплакала, повторяя на одной ноте:

– Что творится? Что делается?

Лиза выползла из-под стола.

– Мамулечка, успокойся, я пока жива.

– Пока! Не смей так говорить, – взвизгнула Марина и обняла непутевую дочь.

* * *

Утром я первым делом позвонила Костину и потребовала:

– Немедленно посмотри дела Галины Горбанюк, Анны Решетиловой, Ахмета и Кости.

– У мужчин фамилии есть? – спросил в свою очередь Вовка. – И отчества у них и у женщин?

– Не знаю, – ответила я. – Константин работал барменом в клубе «Туннель», Ахмет был завсегдаем того же заведения.

Костин выслушал мой рассказ.

– Наведу справки непременно. Но для тебя уже есть одна новость. В крови Жени обнаружено большое количество токсина.

– Ковалеву отравили? – ахнула я.

– Сначала выслушай потом залавай вопросы – разозлился приятель. – Ял входит в состав мази «Кобятин» которую используют больные

радикулитом, мают поясницу, еще ее втирают в суставы, пораженные артритом. Сейчас на рынке полно таких средств, конкуренция огромная, но «Кобратин» позиционируется как гомеопатия. Крем активно рекламируют, по телевизору часто запускают ролик, небось ты его видела.

– Не помню, – вздохнула я.

– Скачет по дорожке лягушка, волочит задние лапы, наталкивается на упаковку с надписью «Кобратин», намазывается желтой мазью и, оп-ля, превращается в красавицу с...

– Двумя стройными ногами, женским телом и пучеглазой мордочкой, – не дала я договорить приятелю, – страшнее ничего не видела. Интересно, кто надоумил авторов ролика приделать к телу красотки голову жабки?

– Вспомнила! – обрадовался Вовка. – «Кобратин» считается безвредным препаратом, но в его бутано... мето... мне сразу не произнести... Если перейти на простой язык, это яд, который выделяет некий вид морских медуз.

– А почему это средство назвали «Кобратин»? – заинтересовалась я.

– Чтобы народу понятнее стало, – пояснил Вовка, – про полезные свойства змеиного яда все знают, а про медуз мало кто слышал. Так вот, в крови Евгении полно этого медузьега токсина. Концентрация высокая, но не смертельная. Следов укулов на теле Ковалева нет, и отравы в кровь поступила не орально.

– А как? – не поняла я.

– Вероятно, через кожу, – уточнил Вовка.

– Надо проверить, пользовалась ли Жека «Кобратином», – пробормотала я. – А почему ты насторожился? Мазь от артрита – распространенное лекарство.

Костин чем-то зашуршал.

– В истории болезни Евгении нет никакого упоминания о неполадках с суставами или позвоночником. Ковалева, как это ни прискорбно звучит, скончалась, будучи в отличной форме. Ни малейшей патологии. Могла прожить еще лет пятьдесят. Зачем ей лечебная мазь?

– Понятия не имею, – вздохнула я, – в последнее время она иногда заговаривала о лишних килограммах, прилипших к талии и бедрам. Может, она использовала «Кобратин» в качестве средства от излишнего веса?

– Глупее ничего не слышал, – хмыкнул Костин.

– Ты просто не знаешь, на что способны женщины, желающие стать стройными, – возразила я. – По Москве давно ходят разговоры о волшебном действии одной мази, которую прописывают при прострелах и растяжениях. Снадобье содержит вытяжку из семян жгучего перца, и пользоваться им большое испытание, очень уж сильно жжет. Но некоторые тетушки считают, что крем разрушает жировые отложения, наносят его толстым слоем и терпят боль в надежде уменьшиться в объемах.

– Во дуры, – заметил Костин, – но Ковалева не принадлежала к армии безмозглых идиотов. И самое главное: «Кобратин» – чистойшей воды надувательство, в нем практически нет ядовитой составляющей.

– Вовка, только что ты сообщил про медуз, а теперь даешь задний ход? И в начале нашего разговора заявил, что в крови Жеки обнаружено много яда. Как прикажешь тебя понимать? Токсин присутствует или отсутствует? – спросила я.

Костин рассердился:

– Разве я изъясняюсь на китайском языке? Сейчас на рынке много лекарств, от которых толку, как от козла молока. Вреда они, правда, тоже не нанесут, это чистое плацебо, кое-кому, особо внушаемому, они могут даже временно помочь. «Кобратин» из этой серии. Токсичной составляющей в мази микромизерное количество.

– Зато стоит он немало, – возмутилась я, – и агрессивно рекламируется по всем СМИ.

– Чтобы накопить дозу отравы, равную обнаруженной у Ковалевой, нужно намазывать толстым слоем этого средства каждый день по многу раз в течение не одного года, – не обращая внимания на мое замечание, сказал Вовка. – Я тебе говорил, что в организме Жеки есть яд, соответствующий тому, что содержит «Кобратин». Но, учитывая его количество, предполагаю: в кровь Ковалева он поступил не из мази.

– Хорошо, пусть она каким-то образом получила токсин. Но ты же уверяешь, что доза не смертельна. И, позволь напомнить, Жека выпала из окна. Наверное, надо забыть о медузах и сосредоточиться на человеческом факторе, подумать о врагах Ковалева! – воскликнула я.

– Не спеши, – остановил меня Костин. – Роман изучил информацию по этим морским обитателям, и выяснилась интересная вещь. Ученые давно присматривались к тем медузам, пытались использовать их яд для лечения больных, но потом отказались от этой идеи. Токсин хитрый, он имеет свойство накапливаться в организме человека и воздействовать на его нервную систему. Знаешь, что бывает с тем, кто превысит терапевтическую дозу? У бедняги появляются вспышки ярости, неконтролируемого гнева, он будет крушить все вокруг, превратится на время в озлобленное чудовище, потом вернется в привычное состояние и вскоре снова озверевает. Припадки возникают на пустом месте, без всякой разумной причины. И самое неприятное, если человек отравлен до такого состояния, вылечить его практически невозможно. Остается лишь держать несчастного до конца жизни на сильных успокоительных. Подробных исследований по яду медуз этого вида в России не проводили. Их тщательно изучали в Америке и пришли к выводу, что лучше их в фармакологии не использовать, потому что у каждого человека свой порог восприятия токсина. Один десять лет может принимать дозы яда, и ничего не случится, другой же буквально сразу, от первого контакта, впадет в буйство. Америкосы сначала решили, что все дело в весе и возрасте, предполагали, что дети, худенькие женщины и старики отравятся быстрее, чем молодые спортивные мужчины. Но потом стало ясно: токсин непредсказуем. Естественно, на людях его не испытывали, но обезьяна в расцвете сил и здоровья могла начать буйствовать после первого же приема, а пожилое или, наоборот, очень юное животное никак не реагировало на яд. Вот почему практически во всем мире было решено медуз не трогать. Но наши бизнесмены от фармацевтики не побоялись выпустить «Кобратин». Правда, повторяю, токсина там жалкие микродозы.

Глава 11

Меня бросило в жар.

– Жеку отравили! Вот почему она бросалась на окружающих безо всякой причины. Кто же мог желать ее смерти?

– Лампудель, человек, который непонятным образом ввездрил яд в организм Евгении, не хотел, чтобы она погибла. Токсин не убивает, – мрачно пояснил Костин. – Преступник задумал иное: из-за припадков ярости Ковалева должна была потерять друзей, работу, семью, ощутить себя сумасшедшей, мучиться и морально, и физически. Ну к какому врачу пойдет женщина, беспричинно впадающая в гнев? К эндокринологу? Тот не будет делать анализа на яды, измерит уровень гормонов и, если понадобится, попытается скорректировать их количество таблетками. Станет ли больной от приема лекарств лучше? Нет. И тогда доктор отправит ее к невропатологу, тот, с большой долей вероятности, посоветует ей обратиться к психиатру. Она получит неприятный диагноз, типа биполярного расстройства. Просто убить Жеку преступнику показалось мало, ее решили измучить. Учитывая наличие в крови отравы, надо под другим углом посмотреть на то, что случилось в доме Ковалева.

– Под каким? – охрипшим голосом спросила я.

– В момент ярости она не владела собой, не осознавала, что делает, – сказал Вовка. – Понимаю, как тяжело тебе это слышать, но версия нападения матери на сына весьма правдоподобна.

Я возразила в десятый раз:

– Жека обожала Всеволода, она не могла...

– Это была не она, – перебил меня Костин, – а безумная фурия, которая в беспамятстве ударила сына ножом. Спустя несколько минут после содеянного Женя очнулась, сообразила, что натворила, и кинулась к окну. Полно улик, подтверждающих мои предположения. На раме остались кровавые отпечатки пальцев, они принадлежат Ковалевой. Положение тела на земле говорит о том, что она сама шагнула вниз. Во дворе найден нож, тот самый, которым Всеволоду нанесли два ранения. Одно, правда, очень легкое, лезвие слегка повредило кожу на груди. Крови от него было много, но ущерба здоровью никакого, зато второе... Ладно, не буду об этом. Так вот, о коже. Если на Севу напала не мать, зачем ей хватать орудие убийства и прыгать с ним из окна?

– Незачем, – с усилием ответила я.

Костина обрадовала моя реакция, и он заговорил чуть громче:

– Другой коленкор, если Евгения Ивановна обрела разум, стоя над окровавленным Всеволодом с тесаком в руках. Кстати, нож был взят на кухне, он из набора.

Мне стало совсем плохо.

– Керамический светло-фиолетовый, очень острый, со слегка изогнутой ручкой? Их восемь штук, они разных размеров, стоят в специальной подставке?

– Тебе знакомо орудие, которым порезали Севу? – удивился Вовка.

– Я подарила Жеке на Новый год этот комплект, – выдавила я из себя. – Последняя новинка, специально ездила за ним в магазин на Кутузовском проспекте. Женя мне за презент монетку вручила.

– Твоей вины в случившемся нет, – быстро сказал Костин. – Ковалева схватила первое, что ей попало на глаза, это могла быть сковородка, чугунок, шампур...

– Но Жеке подвернулся нож, – перебила я Володю. – Она не виновата, настоящий убийца тот, кто отравил ее! Вот кого надо искать.

– Ну да, – без особого энтузиазма ответил Костин.

Я резко выпрямилась. Очень трудно принять позицию Вовки и согласиться с тем, что Жека напала на Севу, но, учитывая наличие в ее крови специфического яда, придется признать: скорее всего, Вовка прав. Я помню, как выглядела Жека в кафе, когда она ни с того ни с сего впала в ярость. У орудия существа, которое швыряло на пол посуду, не осталось ничего общего с моей интеллигентной, сдержанной, безукоризненно воспитанной подругой. Необходимо найти гадину, которая придумала этот иезуитский план.

– Вовка! Немедленно выясни, где продается яд медуз! – потребовала я. – Посмотри дела об убийстве бармена Кости и посетителей клуба «Туннель». И вот еще! Уточни, где официально работает Всеволод, в каком заведении лежит его трудовая книжка.

– Что ты задумала? – с беспокойством осведомился приятель.

Я постаралась говорить убедительно:

– Жизнь Жеки – открытая книга, никаких асоциальных поступков она никогда не совершала, ну разве что родила в школьном возрасте ребенка. Она кристально честный человек, была замечательной дочерью, верной женой, превосходной матерью. У них с Мишей получилась крепкая семья. Отчим относился к Севе лучше, чем иные родные отцы к своим детям. Бизнес супруги вели по-белому, всегда платили налоги, никогда не обманывали ни родителей, ни учеников. Женя принципиально не давала взяток сотрудникам разных структур, которые приходили инспектировать ее школу. Если по инструкции требовалось иметь в здании сто огнетушителей, то Ковалева их покупала и держала в надлежащих местах. Владельцам гимназии удалось создать в коллективе творческую обстановку, Женя всегда говорила: «Мы единомышленники».

С какой стороны ни посмотри, она все делала хорошо. За что ее ненавидеть? Да, порой случались трения, дети получали двойки, нескольких учащихся Ковалева исключила, некоторые учителя не нашли общего языка с коллегами и уволились, но это рабочие моменты.

– У Миши была любовница? – неожиданно спросил Вовка. – Знаешь, преступления условно делятся на мужские и женские. То, что произошло с Жекой, смахивает на дело рук сильно оскорбленной бабы.

– Исключено, – решительно ответила я.

– Может, у Жеки возник роман на стороне? – предположил Костин. – С женатым мужчиной? И его супруга взревновала.

– Невозможно, – отмела я и этот вариант. – Оставь Евгению в покое, дело не в ней, а в Севе. Похоже, он совсем не тот парень, каким казался матери. Надо порыться в биографии Всеволода, а еще лучше поговорить с Мишей.

– Он не идет на контакт, – пояснил Костин, – не общается с врагами.

Я посмотрела на часы.

– Сегодня непременно заеду в клинику и побеседую с ним.

– Попытайся, – вздохнул Вовка, – но я бы на особый успех не рассчитывал, у мужика шок. Не всякий сохранит здоровую психику, увидев окровавленное тело сына, а затем труп жены во дворе.

* * *

За Валентиной я заехала точно в оговоренный час, но она оказалась неаккуратной. Когда я позвонила в дверь, из-за створки раздраженно спросили:

– Что надо?

– Здравствуйте, Валя, я готова забрать вас для поездки к стилисту, – сказала я.

– Ну и седи внизу, – заявила она.

Оставалось лишь удивляться, каким образом невоспитанная дама умудряется создавать психологические романы, помогающие женщинам справиться с их проблемами. Ждать ее пришлось около часа. Наконец, дверь подъезда распахнулась, и оттуда вышел большой откормленный леопард. Увидев существо, покрытое желтой шерстью в мелких черных пятнах, я испугалась, но потом сообразила: хищник не ходит на задних лапах, держа в передних громадную ярко-красную сумку, на которой стразами размером с голубиное яйцо выложено слово «Shanel». Что бы случилось с бедняжкой Коко при виде чудовищного аксессуара, который предприимчивые, но малограмотные пираты решили выдать за оригинальное произведение дома «Chanel»?

Помахивая торбой, «леопард» направился в сторону монументального джипа, припаркованного у тротуара. Я давно обратила внимание на внедорожник, которым пользуются военные США. Ну кому придет в голову раскатывать по Москве на такой машине? Она слишком громоздкая, не элегантная, требует много места для парковки. Подобная модель хороша лишь для мужчин, по долгу службы штурмующих пустыни или осваивающих

болота. А еще меня поразила раскраска вездехода. Он был ярко-красного цвета в черную полоску и напоминал тигра, который заболел корью, ветрянкой или заработал аллергию. «Леопард» открыл дверь, швырнул в салон сумку и начал вскарабкиваться на водительское место. Я уже поняла, что передо мной Валентина, которая решила соединить в своем наряде все тренды летнего сезона позапрошлого года. Комбинезон из ткани, имитирующей шкуру ягуара-кугуара-гепарда и прочих представителей диких кошек, пару лет назад носили почти все модницы, и большие сумки гламурные журналы восхваляли тогда же.

Валя поставила на подножку ногу в сапоге на невероятно высоком и тонком каблуке. Я невольно пожалела Нечитайло. В такой обуви ходить затруднительно, небось у Вали к вечеру разламывается поясница и сводит судорогой икры. И кто ей посоветовал купить сей наряд? Не жарковато ли в августе в комбезе из искусственного меха?

Валентина ухватила руками за металлический поручень, попыталась подтянуться и потерпела неудачу: сапожок соскользнул с приступки, писательница плюхнулась на живот и плавно съехала на асфальт.

– ...!...! – понесся над двором отборный мат.

Я быстро вышла из «букашки», приблизилась к владелице уродливого джипа и наклонилась над ней.

– Вы не ушиблись?

– Отстань, заноза! – рявкнула Валя, встав на четвереньки и выпрямляясь во весь рост.

Я постаралась задержать дыхание. Писательница снова облилась любимым парфюмом с запахом кокоса и ванили. Я ничего не имею против экзотических орехов и специй, используемой при выпекании сдобы, но душистым августовским днем лучше воспользоваться дезодорантом, желательным без запаха. Валентина снова вцепилась в поручень и полезла в салон. Перед моими глазами заколыхалась необъятная, напоминающая оркестровый барабан, попа. Нечитайло, похоже, любит хорошо покушать и не отказывается от пончиков, кексов, пирогов и прочих вкусностей.

– Чего стоишь? – просипела Валя. – Помогите!

После небольшого колебания я приблизилась к ней и осторожно подтолкнула ее. К сожалению, у меня слабые руки, поэтому, когда Нечитайло снова вывалилась из внедорожника, затормозить этот процесс мне не удалось.

Задница поехала прямо на меня. Пару секунд я с трудом удерживала чужую «мадам Сижу», но потом локти согнулись, и круп Нечитайло начал опускаться мне на грудь. Я попыталась увернуться, но не успела. Туша «леопарда» обвалилась вниз, увлекая на тротуар и меня. Хорошо хоть в самый последний момент мне удалось уцепиться за открытую дверь автомобиля и устоять на ногах. Нечитайло повезло меньше. Она плюхнулась на асфальт и смачно выругалась.

– Девки, вы пьяные за руль-то не лезьте, – произнес мужской голос.

Я обернулась. С другой стороны тщетно штурмуемого Валентиной шедевра импортного автопрома стоял смуглый темноволосый и черноглазый парень, опиравшийся на метлу.

– Нехорошо, выпив водки, на дорогу выезжать, – продолжал гастарбайтер, – сами разобьетесь и других с собой на тот свет прихватите. Послушайте Искандера, идите домой, ложитесь спать.

– Мы трезвые, – успокоила я заботливого дворника.

Искандер окинул меня оценивающим взглядом и смягчился.

– Ты, может быть, да, а она нет!

– Валентина тоже не употребляла спиртное, – вздохнула я.

– Зачем тогда на земле валяется? – удивился дворник. – И ругается!

– Машина очень высокая, – пояснила я под аккомпанемент отборного мата, летевшего из нежных уст Нечитайло, – она влезть внутрь никак не может!

– Нехорошо женщине такие слова произносить, – укоризненно сказал Искандер. – Да и мужчине не надо. Почему она грузовик купила? Лучше маленькую, удобную тачку приобрести. Если сто рублей дашь, помогу, посажу твою подругу.

Я внимательно посмотрела на дворника.

– Спасибо, не стоит.

– Давай пятьдесят, – снизил он ставку.

Я полезла в карман, вынула купюру и протянула ее гастарбайтеру.

– Бери и уходи.

Искандер замотал головой.

– За так не возьму. Уйти не могу, тротуар не подмел. Почему гонишь? Отчего помощи не хочешь? Мужчина должен женщине руку протянуть.

– Прости, Искандер, но ты навряд ли вешишь пятьдесят кило, Валентина намного крупнее, тебе с ней не справиться, – честно сказала я.

– Ерунда! – отмахнулся дворник. – Я мешки здоровые поднимаю. Ее Валею зовут? Валентина, ты ноги сюда поставь, держись крепко за поручень, я тебя на счет «три» подброшу.

К моему удивлению, Нечитайло не стала скандалить. Наоборот, подчинилась Искандеру, поставила ноги на приступку, ухватила за никелированную ручку и замерла.

Парень подошел сзади, тщательно вытер ладони об одежду, пригладил волосы и согнулся под нависающей попой Вали. Стало понятно, что он хочет толкнуть своей спиной литературную даму вверх.

– Готова? – осведомился дворник.

– Вся в твоей власти, безобразник, – кокетливо промурлыкала Нечитайло.

– Раз, два, три, – скомандовала я.

Искандер резко выпрямился, Валентина с легким вскриком рыбкой влетела в салон.

– Ух ты! – с восхищением воскликнула я.

– Ничего трудного, – скромно заявил Искандер, – вот хлопок собирать – можно надорваться.

– Неужели трудно отрывать от куста ватные комочки? – улыбнулась я.

Дворник протянул руку.

– Давай деньги. Пока не попробуешь, все легко. А почему она мотор не заводит? Тихо сидит?

Глава 12

Меня охватило беспокойство: молчать – это не в характере Вали. Я подпрыгнула пару раз, увидела, что Нечитайло лежит животом на сиденье, и закричала:

– Валя как папа?

дела, как дела.

– Сесть не могу, – закричала звезда литературного фронта.

– Ты ушиблась? – перепугалась я.

– Нет, неудобно, – пояснила она, – комбез в облик, трудно перевернуться.

Я растерялась, а Искандер предложил:

– Давай сто рублей, и мирно уедете.

– Получишь тысячу, если Валентина сядет за руль, – пообещала я.

Дворник сложил щепотью пальцы, поцеловал их кончики, обошел взятый штурмом джип с другой стороны, открыл дверь, легко взлетел на подножку и сказал:

– Валя, я дерну тебя за руки на счет «три», а ты садись.

– Ладно, – снова проявила покладистость писательница.

Меня охватило странное чувство: что-то в плане Искандера не так. Но он крикнул:

– Эй, подружка, считай!

И я машинально произнесла:

– Раз, два, три.

Жилистое тело дворника напряглось и резко подалось назад. В ту же секунду раздался вопль, который перешел в визг. Искандер начал медленно заваливаться на спину. Я присохла подошвами к асфальту и, приоткрыв рот, наблюдала эту сцену. Гастарбайтер стекал на землю, но, отчаянно желая заслужить тысячу, не выпускал рук Валентины. Из открытой двери показалась вопящая голова писательницы, затем туловище. Искандер плюхнулся на землю и догадался разжать пальцы. Влекомая силой инерции Валя на бреющем полете пронеслась над тротуаром и впечаталась в клумбу, где розовели чахлые цветочки. Во дворе повисла тишина.

Я в страхе присела у заднего колеса непокоренного внедорожника, потом пришла в ужас. Почему Валентина молчит? Она жива?

– Хренов Габанниано Ковалетти! – заорали с клумбы.

Я выдохнула. Слава богу, похоже, Валя в полном здравии.

– Чтоб итальянца черти в ад утянули, – бушевала Нечитайло. – Сшил тряпку, в которой нельзя согнуться! В суд на модельера подам! Восемьсот рублей за баракло отдала!

Я осторожно высунулась из-за джипа и вновь потеряла дар речи. Валя стояла посередине клумбы в одном нижнем белье. Лифчик у нее был ярко-красного цвета с золотой бахромой, трусики неожиданно простые, белые, зато спереди их украшала надпись «Панеделник». Похоже, их она приобрела там же, где и леопардовый комбинезончик, а именно на вьетнамском рынке. Я ничего не имею против людей, некогда победивших США, но на русском языке они пишут, как правило, со смешными ошибками. Искандер, тоже вставший на ноги, перекрестился, чем поверг меня в полный шок (разве мусульмане осеняют себя крестным знаменем?), затем схватил метлу и исчез.

– Во! Умом тронулся от моей сексуальной красоты, – гордо заявила Валя, – я всегда так на мужчин действую. Мой прежний издатель, жаба губастая, домогался меня изо всех сил! Купил квартиру в доме напротив, целыми днями пялится в бинокль на пентхаус, где я живу, делает мне непристойные предложения!

Продолжая жаловаться на незнакомого мне издателя, Валентина, цокая каблуками, вернулась к внедорожнику и с некоторой натугой умудрилась влезть в салон.

– Тебе удалось сесть за руль! – обрадовалась я.

– Гадкий комбез мешал, – объяснила она, – в нем не пошевелиться. Чего стоишь? Поехали!

– На вас только белье, – осмелилась напомнить я, опять переходя со звездой на «вы».

Валя высунулась из окна.

– Сейчас надену платье, которое приготовила для похода на радио, оно тут висит. Долго мне еще тебя ждать? Причесываться заново не буду, все равно в салон направляемся. Эй, куда ты почапала?

– За комбинезоном, – ответила я, – вы его на клумбе забыли.

– Специально оставила габанниано-ковальское искусство! – закричала Валентина. – Брось его! Фу! Не нужен он мне! Хоть и стоил восемь сотен, да ни на что не годен.

Я покорно поспешила к своей «букашке».

До салона мы добрались без особых приключений. Валя оказалась на удивление осторожным водителем. Она не превышала скорости и не пыталась преодолеть перекрестки на красный сигнал светофора. Во время одной из остановок между машинами начал шнырять мальчик, раздающий рекламу. Водители в массовом порядке проигнорировали его, а Валентина взяла у школьника листовку. Несмотря на внешнюю неотесанность, она, похоже, в душе добрый человек: помогла подростку заработать деньги.

К заведению Лики я подкатила на минуту позднее Вали, увидела, что она уже стоит на тротуаре, и подавила судорожный вздох. Уж и не знаю, что лучше: комбинезон из искусственного меха или алое платье из материала, напоминающего чешую? На животе, груди и бедрах, то есть на всех выступающих частях тела, кусочки ткани топорщились вверх, и Валя напоминала рыбу, которую шархнули электрошоком. На секунду меня охватило сомнение: сможет ли Лика убедить Нечитайло сменить имидж? Вероятно, надо начать с малого. Попробовать объяснить Вале, что платья не следует покупать на два размера меньше, и если вам уже сорок с гаком, лучше все-таки прикрыть подолом колени, надеть лосины или колготки.

– Нравится? – прищурилась Валя. – Да, я такая, сексуальная! Вечно в машину мужики визитки швыряют. Еду, а они мне гудят, руками машут. Видела парня с бумажками?

– Рекламщика? – спросила я.

Валентина выпрямилась.

– Ха. Его мой бывший издатель, жаба губастая, нанял. Я, конечно, послание сразу скомкала, не читала, но знаю, что там очередные похотливые намеки Корейца. Он на все готов, лишь бы меня вернуть. Но я назад не пячусь. Знаешь, почему он Кореец? Обожает люля-кебаб из лягушатины. Меня водил в особый ресторан...

Похоже, в джипе у Вали хранилось не только платье, но и трехлитровая банка с духами, которые она зачерпывает половником и выливает на себя через каждые четверть часа. От мощного запаха кокоса и ванили, ярко-красного цвета платья и визгливого голоса соперницы Достоевского у меня закружилась голова. Стараясь удержаться в вертикальном положении, я попросила:

– Валя, пойдёмте, Лика ждет.

Писательница повернулась, я икнула и схватилась за стену. Закрытое спереди наглухо платье сзади имело вырез до талии, а на попе синими стразами горела надпись: «Kiss меня в асс»¹⁵¹.

Если Лика и ужаснулась, когда вошла Нечитайло, то виду не подала. Она усадила нас в кресла, налила в простые белые чашки кофе и сказала:

– Основная цель – попасть в телеэфир, так?

– Верно, – быстро сказала я.

– Значит, надо соответствовать определенному образу, – продолжила Лика. – И найти свою нишу, неповторимую, быть оригинальной, но при этом не скатиться до фрика. Я бы начала с волос.

Валя сдвинула брови, Лика улыбнулась.

– Ничего радикального. Давайте мы их слегка по-другому уложим. Если не понравится, вернем вашу прическу. У нас работает отличный мастер.

Николай, молодой, но уже лауреат международного конкурса. Как, Валечка, рискнете?

– Ладно, – сменила гнев на милость литераторша.

Когда мы с Ликой остались вдвоем, я спросила у нее:

– Сколько времени ты будешь с ней работать?

– Часа четыре, не меньше, – бодро ответила та, – прическа, брови, макияж, эпиляция, маникюр, педикюр. Нет, пять!

– В девять вечера нас ждут на радио, – напомнила я. – Правда, студия расположена неподалеку. Мне надо отлучиться по делу.

– Поезжай спокойно, – разрешила Лика, – но сначала съешь кусок торта, его моя мама пекла.

Я пришла в восторг.

– Наполеон?

– Он самый, – подмигнула Лика, – пошли из гостиной для клиентов на кухню.

Мы переместились в просторную комнату с круглым столом. Лика достала из холодильника коробку и торжественно подняла крышку.

– Вуаля!

– Твоя мама гениально печет мильфей, – сглатывая слюну, произнесла я.

Лика засмеялась и вытащила из ящика нож. Я вздрогнула. Она держала в руке серо-фиолетовое изделие из керамики, точь-в-точь такое, какое я подарила Жеке. Желание лакомиться тортом испарилось без следа.

– Сейчас отрежу кусочек побольше, – пообещала приятельница, подняла руку и уронила нож на пол.

Клинок развалился на несколько кусков.

– Ну, е-мое! – всплеснула руками Лика. – Вот невезуха!

– Они такие хрупкие? – удивилась я. – В магазине сказали, что этим лезвием можно спокойно замороженное мясо кромать.

Лика пошла к мойке, взяла губку, вернулась и, присев на корточки, стала аккуратно собирать останки ножа.

– Ты тоже польстилась на модный прикол? Восемь резаков в подставке? Они острые и не тупятся, но одна беда: уронишь такой ножичек даже с небольшой высоты, а ему, дзынь, и конец.

– Странно, – пробормотала я, – их так рекламируют.

– Может, другие фирмы лучше делают, – расстроено сказала Лика, – а эти бьются. Пока не упадут – шикарные. Предназначены для хозяйки, у которой ничего из рук не вываливается, но я к их числу не принадлежу. Потратилась на этот комплект весной, к лету из восьми штук пять осталось, вернее, сейчас уже четыре. Посиди, Лампуша, минутку, я найду хлебную пилу.

– Не суетись, – попросила я, – мне лучше не чай гонять, а по делам съездить.

Я знаю, что Ковалева держит запасные ключи от квартиры в электрощитке, который расположен на лестничной клетке. Я пошарила по кирпичной кладке и наткнулась на связку. Дверь открылась без проблем, в нос пахнуло смесью странных запахов. До сегодняшнего дня в квартире подруги витали ароматы вкусной еды, одеколона Севы, духов Жеки. Но сейчас мой нос унюхал что-то кислое, противное и одновременно сладко-приторное, тошнотворное. С трудом подавив желание убежать куда глаза глядят, я вошла в прихожую, зажгла свет и замерла, оглядывая беспорядок.

Если в квартире совершено тяжкое преступление, то на место происшествия непременно явится бригада криминалистов, цель которой – обнаружить все, даже самые крохотные улики. Эксперты надевают на ноги бахилы, на руки перчатки, очень часто влезают в комбинезоны, потому что не хотят так называемого вторичного привнесения. Обнаружат потом около трупа комочки земли, и выяснится: эта глина с подошв своего же сотрудника. И вроде бы после ухода людей, облаченных таким образом, не должно оставаться грязи. Ан нет. Когда хозяевам разрешат войти в родные пенаты, повсюду будет рассыпан дисперсный, иногда разноцветный, но чаще черный порошок, на мебели, полу и коврах останутся разводы от разных жидкостей, которыми брызгали специалисты. А когда увезут труп, о нем напомнят лужи крови – никто их не убирает. Отмывать комнату придется близким. Хотя сейчас есть фирма, которой можно доверить это малоприятное занятие.

Прихожая выглядела не лучшим образом. Зеркало заляпаное, стальные шкафы открыты, обувь разбросана. На вешалке висит на длинном ремне модная сумка-планшетка. Она не новая, совсем недорогая. Раньше я у Жеки этого аксессуара не видела.

Постояв некоторое время в оцепенении, я задвинула темно-коричневые двери-купе, собрала ботинки, все они принадлежали Севе. Миша не носит дорогие штиблеты из последних коллекций модных домов. В отличие от приемного сына-франта, отец довольствуется простыми темными штиблетами. Да и Женя особенно не выпендривалась. Я уставилась на синие туфли с большим цветком из кожи на мыске. Женские, значит, они принадлежали Жеке. Но я не помню у нее таких лодочек. Впрочем, я не знаю всего гардероба Ковалевой, вчера в кафе она хвасталась новыми шпильками, подарком Севы. Вот только, кажется, у туфель, купленных заботливым сыном, другой оттенок кожи, серо-голубой, и украшение на мыске было в виде банта из стразов. Я еще раз окинула взглядом лодочки. Лампа, признайся честно, обувь ни при чем, ты просто боишься войти в спальню Севы, но для чистоты эксперимента придется набраться смелости и отправиться туда, где разыгралась трагедия.

Я поставила синие туфли на решетчатую подставку, сбегала на кухню, вытащила из держателя семь ножей и смело отправилась в комнату Севы. Смешно, но обитель совсем взрослого мужчины по сию пору продолжали именовать «спаленкой мелкого».

В глаза сразу бросилась лужа крови на бежевом ковре. Стараясь не смотреть в ее сторону, я дошла до окна, открыла его, перевесилась через подоконник, убедилась, что внизу никого нет, и бросила один нож из набора, потом второй, третий, четвертый...

– Кто там безобразничает? – заорали от подъезда.

Я закрыла окно и кинулась к лифту, не забыв запереть дверь и вернуть ключ в электрощиток.

Под козырьком подъезда стояла старуха в цветастом платье. Я вышла на парковку и присела на корточки, разглядывая кучу разнокалиберных осколков. А вот теперь возникает вопрос: каким образом нож, который Жека держала в руке, при ее падении остался цел? Ведь сейчас разбился весь набор! Надо немедленно позвонить Роману. Пусть купит такие резаки и произведет эксперимент по всем правилам, запотоколировав свои действия.

– Куда вы идете? – громко спросил чуть надтреснутый голос.

– Вы лифтер? – ответило звонкое контральто.

Я посмотрела в сторону подъезда. Старуха старательно загораживала путь женщине в синем костюмчике из льна. В руках та держала небольшой пакет, на ногах у незнакомки были розовые босоножки.

– Нет, – призналась бабуля.

– Тогда ваше любопытство неуместно, – язвительно ответила собеседница и, ловко отодвинув пенсионерку, шмыгнула внутрь.

Бабка открыла дверь и заорала:

– Ишь! Умная какая! У нас тут маньяк ходит! Людей из окон выталкивает! А ну покажи, что у тебя в пакете, пакостница! Может, ты бомбу тащишь!

Не в нашем доме живешь! Зачем сюда явилась? Если полиция плохо работает, то жильцы сами должны бдеть! Стой, кому говорят!

Старуха шагнула в подъезд, дверь ударилась о косяк. Я снова стала рассматривать осколки, потом отошла и села на скамейку на детской площадке. Позвоню я пока кое-кому...

Глава 13

– Все разбились? – переспросил Роман, услышав мой рассказ.

– Без исключения, – подтвердила я, – почему же найденный около тела Жеки нож остался невредим?

– М-м-м, – протянул Казаков, – сколько штук ты скинула?

– Семь! – отрапортовала я.

– Мне средств на этот эксперимент не выделяют, – мрачно сказал Рома. – С деньгами у лаборатории худо.

– Готова купить за свой счет столько резачков, сколько потребуется, – заверила я. – Единственное объяснение, которое мне приходит в голову: вдруг Жена крепко сжимала нож и ее рука не дала ему расколоться?

– Это практически невозможно, – протянул Казаков. – Во-первых, в полете человек, как правило, не стискивает пальцы, во-вторых, у Ковалевой небольшая ладонь, она прикроет часть ручки, но не длинное лезвие. Знаешь, у меня был случай самоубийства. Парень застрелился, а пистолет остался зажат у него в руке. Я сначала безапелляционно заявил: «Люди, у нас убийство, грубо завуалированное под суицид. После смерти оружие всегда выпадает из руки, в особенности если она свешивается с кровати».

А потом выяснилось: у погибшего было заболевание, в процессе которого сухожилия укорачиваются. Бедолага вообще не мог распрямить пальцы.

– Жаль несчастного, и случай интересный, но давай вернемся к Ковалевой, – попросила я.

– Хотя часть ножа должна была отколоться, как бы сильно Ковалева ни сжимала тесак, – обиженно загудел Роман. – Погоди-ка!

Казаков начал чем-то стучать, я терпеливо ждала, пока эксперт освободится, и бездумно глядела на дверь подъезда. А та распахнулась, выпустив наружу ту самую женщину, которая некоторое время назад нахамила любопытной бабке, – даму в льняном костюме и туфлях... цвета итальянского неба, синих, на небольшом каблучке, с кожаными цветами на мысках. Лицо незнакомки было красным и блестело, словно его обильно намазали кремом, ее волосы торчали в разные стороны. Зажав полиэтиленовый пакет под мышкой, дамочка побежала в сторону проспекта. Похоже, день у нее сегодня не задался, судя по всему, она только что поругалась с кем-то, может, даже подралась.

– Романова, ты тут? – мрачно спросил Казаков.

– Конечно, – ответила я.

– Я, похоже, дурак, – нехотя признался Рома. – Нож был обнаружен слева от тела. Вот слушай, зачитываю описание. Труп лежит на спине, левая нога... нога... нож, производство Китая.

– Он из Германии, – возмутилась я, – сама покупала! На коробке указано: «Сделано в Лейпциге».

– На картонке что угодно напишут, – возразил Рома. – Лампа, не спорь, резак изготовлен трудолюбивыми ребятами, живущими за Великой Китайской стеной. Но нам с тобой страна-производитель без надобности, хотя это может объяснить, почему керамика разваливается на куски, едва коснувшись пола. Китайцы не всегда могут похвастаться хорошим качеством изделий. Труп Ковалевой закрыл орудие нападения на Всеволода. Следовательно, сначала упал нож, потом тело. Я не дурак, я идиот: резачку по логике вещей следовало оказаться в другом месте!

– Всякое случается, – приободрила я Казакова, – ветер подул и закатил его не туда!

– Издеваешься? – вздохнул Роман.

– Нет-нет, – заверила я эксперта, – просто строю предположения.

– Романова, – перебил меня эксперт, – вытряхни из ушей пыль. Читаю еще раз: «Нож лежит слева от трупа, частично прикрыт им. Изделие серо-фиолетового цвета, предположительно тесак для разделки мяса, находится на уровне пальцев левой руки». Ну? Сообразила?

– Поняла, – быстро сказала я, – ты правильно предположил, что нож упал на асфальт раньше трупа. Значит, Жека таки разжала в полете пальцы и...

– Лампа! – сердито произнес Роман. – Ковалева была права.

– Да, и что такого? – не поняла я.

– Нож слева, – тихо произнес Казаков. – Получается странно. Либо она отпустила клинок и упала на него невероятным, невозможным образом, либо умерла, держа тесак. Но почему в левой руке, а? Что-то с этим ножом не так! Да и все отпечатки на нем смазаны. Не стертые, а именно размазаны, их невозможно идентифицировать.

– По какой причине семь ножей развалились, а восьмой остался цел? – спросила я.

– Не знаю, – буркнул Казаков.

– Попытайся понять, – попросила я Рому, – у меня мозгов не хватит, это слишком сложно. Деньги на приобретение ножей для эксперимента даст Костин. А я сейчас поднимусь, возьму свою сумку, оставила ее по глупости в квартире Жени, и потороплюсь в больницу к Михаилу.

– Можешь не спешить, – попытался остановить меня Рома. – С Вовкой муж Ковалевой беседовать не стал. Костин сказал, он лежал лицом к стене, даже не пошевелился.

– Надеюсь, мне удастся вывести Мишу из тяжелого состояния, – вздохнула я, – все-таки много лет дружим, не чужие люди.

– Вовка ему тоже не посторонний, – пробурчал Рома, – вроде он даже один раз с Женей и ее семьей Новый год встречал.

– Было дело, – улыбнулась я, – собрались шумной компанией, сначала поели, выпили, затем с нетрезвых глаз отправились гулять. День выдался метельный, мы слепили бабу, стали снежками швыряться. Утром проснулись и выяснилось: Костин на улице часы посеял, а я кошелек обронила, Катюша серьги в каком-то сугробе оставила. И ведь все были уверены, что ценности дома лежат. Вовка все твердил: «Я оставил будильник в квартире, перед тем как на улицу топтать».

Катя тоже сокрушалась: «Сняла сережки и оставила их на полочке в ванной».

Одна я помалкивала, потому что плохо помнила процесс одевания. Могла по привычке кошелек в карман запихнуть. Больше Жека, Миша и Сева с нами на Новый год шампанское не пили. Мы их звали, но ребята были вынуждены оставаться с Таисией Ивановной: мама Жеки обиделась, что ее в тот раз бросили одну.

– Звоню ему, звоню, а он болтает безостановочно, – раздался в трубке сердитый женский голос.

– Все, я занят, – шепнул Роман и отсоединился.

Я встала со скамейки и пошла в подъезд. После яркого солнечного дня парадное показалось совсем темным. Я вызвала лифт и вдруг услышала тихий голос

– Деточка, психическая ушла?

Из отсека между подъемником и стеной, на которой висели почтовые ящики, выглядывала старуха в ярком платье.

– Ты тут одна? – испуганно спросила она. – Той нету?

– Кого, бабушка? – уточнила я.

– Ну, сумасшедшей, – залепетала пенсионерка, – скажи скорей, можно выходить?

– Вы опасаетесь женщины в льняном костюме? – догадалась я. – Она пошла на проспект.

Старуха перекрестилась.

– Хвала Господу! Выпускают ведь больных без надзора гулять! Смотри, она мне подол разорвала. Тебя как зовут? Я Людмила Алексеевна Баркина, старшая по подъезду.

– На вас напали? – удивилась я. – А ко мне лучше обращаться Лампа.

Бабка вышла на площадку.

– Налетела хуже дикой кошки. И что я ей сделала? Ну, спросила, к кому идет, так ведь время какое страшное. В газетах постоянно про терроризм пишут, надо бдительность проявлять. Вон, сияк наливается на руке, и шею больно поворачивать. Что у меня там, детка? Погляди, а?

Бабушка отогнула воротник, я ахнула.

– Вас, похоже, душили.

– Говорю же, – загудела она, – наскочила на меня, как гидра империализма, с ног сшибла.

Я прижалась спиной к дверям лифта, а старушка, поняв, что встретила внимательную слушательницу, начала подробно излагать события.

Людмила Алексеевна – равнодушный человек. Если она замечает какой-нибудь беспорядок в доме, то непременно позвонит в ДЕЗ или участковому. За внимательность и ответственность жильцы избрали ее старшей по подъезду, и Людмила Алексеевна устроила усилия: нельзя же подвести народ, который оказал тебе доверие. Не надо думать, что Баркина не знает ничего о политической обстановке. Она всегда смотрит программу «Время», слушает радио, читает газеты и полностью в курсе того, что творится в стране и мире, понимает, какое сейчас непростое время.

Естественно, ей не понравилась незнакомая женщина, которая не пожелала назвать квартиру, куда направлялась в гости. Согласитесь, если человеку нечего скрывать, он не будет петушиться. А вот террорист замечает следы. К сожалению, никакого права требовать паспорт у нагло вошедшей в подъезд бабы у Баркиной нет. Сначала Людмила Алексеевна расстроилась, потом решила проверить, качественно ли уборщица помыла лестницу, и отправилась инспектировать подоконники, ступеньки, не поленилась доехать до верхнего этажа и спуститься вниз пешком. Когда бабушка вновь очутилась внизу, она провела ладонью по верху почтовых ящиков и укоризненно поджала губы. Так и есть! Полно пыли. В этот момент лифт раскрыл двери, Людмила Алексеевна решила, что на первый этаж спустился кто-то из жильцов, хотела посоветовать на неряху-уборщицу, обернулась и увидела ту самую нахалку в мятом костюме.

Подозрения вспыхнули в душе старушки с новой силой. Ну кто заходит в гости на пару минут? Ради мимолетной встречи нет смысла наряжаться, причесываться, тащиться по городу. Людмила Алексеевна не выдержала и сказала:

– Шляются разные, только грязь от них!

Тетка вдруг покраснела, ее лицо разом вспотело, глаза превратились в щелки. Баркина струхнула, до сих пор она полагала, что в силу возраста имеет право делать замечания, учить людей уму-разуму, передавать молодежи свой жизненный опыт. И жильцы дома, и члены семьи старушки всегда ее смиренно выслушивали, но незнакомка оказалась не из тех, кому нравятся нотации.

– Стерва, тебе на кладбище давно пора, – прошипела бабенка и, схватив Людмилу Алексеевну за горло, начала ее душить.

От ужаса та не оказала сопротивления. Она почти перестала дышать, когда женщина внезапно разжала руки. Воздух ворвался в грудь пенсионерки, а незнакомка, борбормотав: «Что со мной?», убежала.

Баркина кинулась за лифт и спряталась там. Не спрашивайте, почему Людмила Алексеевна не поехала домой. Ответа на этот вопрос у нее не было.

– Она точно удрала из психушки, – лепетала ретивая общественница. – Что я ей плохого сказала?

Не было никакого смысла объяснять старушке, что не следует читать мораль незнакомым людям. Не все с улыбкой выслушают бубнеж пожилой дамы, кое-кто может дать отпор, и хорошо, если он окажется исключительно словесным.

– Давайте провожу вас до квартиры, – предложила я, – попьете чаю, успокоитесь.

Людмила Алексеевна всхлипнула.

– Теперь буду бояться ходить по подъезду. Вдруг истеричка вернется и нападет! Ударит меня по голове!

Кое-как успокоив старушку, я довела ее до квартиры, подождала, пока она войдет внутрь, и поехала на другой этаж.

Дома у Жеки ничего не изменилось. Я скинула балетки, сделала глубокий вдох, сходила в спальню Севы, проверила, хорошо ли закрыто окно, еще раз заглянула на кухню, на всякий случай посмотрела, не капает ли вода из крана, и вернулась в прихожую. Надо узнать у Вовки, можно ли затеять в апартаментах уборку. Если Костин даст добро, я обращусь в специальную контору, вызову людей, которые вычистят здесь все. Миша и Сева не должны вернуться из больницы и увидеть на полу высохшую лужу крови. Наверное, они захотят сменить жилплощадь. Я бы не смогла спокойно заходить в дом, зная, что в нем случилась трагедия.

В не самом радостном настроении я нагнулась, чтобы взять свои балетки, да так и замерла в неудобной позе. Прямо перед моим носом очутились туфли Жеки. Те самые, подарок Всеволода, лодочки, которыми моя подруга хвасталась в ресторане. Серо-голубые, на семисантиметровом каблучке и с красивой брошкой-бантиком из разноцветных камушков на мыске. Минуточку! Когда я покидала квартиру, чтобы посмотреть на осколки ножей, тут стояла другая пара обуви: синие шпильки, украшенные цветком из кожи. Отлично помню, как, наводя в холле порядок, я поместила их на специальную полочку.

Я начала искать те туфельки. Открыла все шкафы, тумбочку под зеркалом и остановилась. Лампа, перестань заниматься глупостями! Сами собой шпильки не могли уйти. Кто-то совершил обмен, взял синие туфельки и водрузил на полку вместо них серо-голубые.

Из ванной комнаты раздался грохот. Я подпрыгнула и заорала:

– Кто там? Немедленно выходите, здесь полиция, вы арестованы.

В квартире царил тишина. Я огляделась, взяла длинный мужской зонтик и храбро отправилась в санузел.

В обложенном кафелем цвета сочного персика помещении не было ни души. В ванне лежала палка с прикрепленной к ней розовой занавеской. Я перевела дух. У нас с Максом тоже есть такая конструкция. Держится она на двух присосках и частенько падает. Каждая хозяйка знает: чтобы резиновый кругляш надежно держался, его надо намазать клеем, а потом прибить большим гвоздем. В квартире никого нет, меня напугал розовый атрибут. Розовый?!

Я застыла над ванной. Входя в подъезд, тетка, обидевшая Людмилу Алексеевну, была в босоножках любимого цвета куклы Барби. Я еще подумала, что они не сочетаются с ее костюмом и сумкой. Но когда дамочка покидала дом, она шла уже в синих туфлях. Что же получается? Бабенка-то спешила в квартиру Жеки! Кроме модной нынче планшетки на ремне, у мадам был пакет.

я помчалась в прихожую и воззрилась на туфли. В лунной ситуации не придумаешь. Дама в льняном костюме сменила обувь и ушла, розовые босоножки незваная гостя унесла в пакете, в нем же, похоже, притащила сюда туфли Ковалевой, подаренные ей Сеовой. Что сие должно означать? Как дамочка проникла в чужой дом? Ну, на последний вопрос ответ я знаю. Либо она имела ключи, либо, как и я, была в курсе, где Женя хранила запасную связку. Всем приятельницам Ковалевой известно про электрощиток. Но близких друг Жеки я отлично знаю, их всего две: Маша Соколова и Рита Семина. Машуня на данном этапе работает в Австралии, она тренер по фигурному катанию, а Семина неделю назад улетела отдыхать на Мальдивы. Женщину в синем мятом костюме я никогда не видела. Откуда она знает про ключ? Зачем меняла туфли? Как они к ней попали, а главное, когда? В день своей смерти Жека встречалась со мной. Лодочки за невероятную цену в семьдесят пять тысяч рублей были у нее на ногах. В этих туфлях Ковалева провела весь день, а вечером покончила с собой. Может, незадолго до самоубийства к ней приходила дама, напугавшая сейчас Людмилу Алексеevну, и попросила лодочки поносить?

Я потушила в холле свет, вышла на лестницу, тщательно заперла дверь, положила ключи в щиток и пошла на этаж, где расположена квартира ответственной старушки. Да, были времена, когда мы брали друг у друга поносить вещи, потому что магазины страны «радовали» покупателей пустыми прилавками. В свое время Жека одолжила мне очень красивое темно-зеленое пальто, чтобы я могла прилично выглядеть на свидании. Но сейчас, слава богу, в Москве можно купить все и, простите, туфли не дают напрокат. Платье, костюм, куртку еще куда ни шло, но обувь и бельем мы не менялись даже в самые бедные годы.

Глава 14

Людмила Алексеevна распахнула дверь не сразу и, увидев меня, схватилась за сердце.

– Деточка! Психическая вернулась? Поджидает меня в подъезде?

– Нет, она ушла, – успокоила я ее, – скажите, вы раньше видели свою обидчицу?

– Никогда, – решительно заявила старушка, – у меня глаза зоркие, у кого хочешь в подъезде спроси, все подтвердят: Людмила Алексеevна обходится без очков.

– Может, женщина к кому-то все же приходит, – не успокаивалась я, – вероятно, она репетитор, домработница, медсестра.

Бабушка сложила руки на груди.

– Летом дети не учатся, все разъехались по дачам-огородам. Врачей из районной поликлиники я ни с кем не спутаю. Двух нянек, которые за малышами из десятой и двенадцатой квартир присматривают, тоже знаю, а эту мымру никогда не встречала, она близко к нашему дому не подходила. В хорошую погоду я во дворе прогуливаюсь, смотрю за порядком, а в плохую... Пошли покажу, что у меня есть, Ленечка, внук установил. Только, деточка, туфелькиними, не тащи грязь в сматку.

Я выполнила просьбу и была приведена в чистенькую спальню с большим окном, около которого стояло удобное кресло со скамеечкой для ног. Справа от него виднелся столик, на котором лежали газеты, стояли чашка и вазочка с печеньем. Тюлевая занавеска была отодвинута, от подоконника к креслицу тянулась длинная черная труба.

Людмила Алексеevна села в кресло и прикинула глазом к конструкции.

– Подзорная труба! – воскликнула я.

– Ленечка придумал, – гордо заявила бабушка, – дочка с зятем надо мною посмеиваются, а самим нравится в чистый подъезд заходить! ДЕЗ у нас нерасторопный, домофон никак не поставит, на лифтершу жильцы тратиться не хотят, а я ответственная. Увижу, что посторонний человек к нам идет, шум подниму. Но зимой холодно во дворе топтаться, да и летом подчас устаешь. Ленечка мне наблюдательный пункт оборудовал. Квартира наша на третьем этаже, окно прямо на подъезд выходит, оптика мощная, все как на ладони. Ни разу ту бабу не видела.

– В день, когда с Ковалевой случилось несчастье, вы ее не заметили? – уточнила я. – И вообще, что происходило во дворе?

Людмила Алексеevна горестно вздохнула.

– В понедельник у меня зуб под коронкой разболелся, ночь без сна промаялась, в восемь утра зять повез в поликлинику, ездила я к врачу и во вторник, и в среду, непростое дело протез снять, клык починить и назад металлокерамику поставить. Три полных дня ушло! Можно было на пару недель растянуть, но я стоматологу сказала: «Делайте сразу, у меня нет желания Бабой Ягой ходить и шамкать челюстями. Лучше потерплю, промаюсь в клинике с утра до вечера, зато за три денька порядок во рту наведу».

Домой я приезжала никакая, от заморозки голова болела. Бухалась в кровать и камнем до обеда спала. В четверг выхожу во двор, а меня Инна из седьмой квартиры ехидно спрашивает: «Людмила Алексеevна, родная, куда ж вы подевались! С понедельника вас не видела».

И рассказывает про этот ужас!

Старушка примолкла, потом с обидой произнесла:

– Очень я расстроилась! Не один год за подъездом присматривала, и ничего! А стоило к врачу уехать, и нате! Вы уж мне скажите, как там Миша? Я вас помню, вы иногда к Женечке заглядывали.

– Он в шоке, – ответила я.

– И понятно, – завздыхала Людмила Алексеevна, – такое пережить! Михаил замечательный муж, не пьет, не курит, с тещей не ссорился. Таисия Ивановна, земля ей пухом, непрстой человек была, с гонором. Миша золотой зять, а она его ругала, злилась, что он мало зарабатывает. Я ей один раз выговорила: «Зачем в жизнь дочери лезете? Подумаешь, деньги! Зато Михаил Севе лучше отца родного».

Баркина ткнула пальцем в окно.

– И Женю он любил! Столько лет вместе прожили, а подарки жене таскал! Просто так! В позапрошлый вторник я с Мишей у метро столкнулась, он букет нес, красивый, дорогой, лилии розовые и белые. Не удержалась я и спросила:

– Годовщина у вас или праздник какой?

Михаил ответил:

– У меня, Людмила Алексеevна, каждый день праздник, потому что с Женечкой живу.

Баркина подперла щеку кулаком.

– Ничего плохого про своего Сергея Петровича сказать не могу, семейный был человек, все в дом нес. Но букет я от него один раз получила, на свадьбу. Больше не приносил он мне розы, говорил: «Глупая затея, зря потраченные деньги, цветы завянут, получается, выброшена сумма на помойку. Лучше приобрести нужную в хозяйстве вещь, уют или чайник эмалированный».

Сергей рукастый был, все чинил: телевизоры, радио, машины, велосипеды, мебель в порядок приводил. Один раз мою старую шубу так бензином почистил, что мех словно новый стал. Правда, пованивал долго.

Людмила Алексеevна неожиданно улыбнулась.

– Зато зять на свет с двумя левыми руками уродился, ничего, кроме своего компьютера, не знает. Я дочке сказала: «Может, и хорошо, что Боря неумеха, зато у тебя все новое появляется». Сломался миксер, Борис его живенько выкинул и купил другой, с набором метелочек. Сергей Петрович

такой бесхозяйственности не позволил бы, просидел бы вечерок и вручил мне отремонтированный механизм. У нас ничего нового не было, все чиненое-перечиненое. Экономно, но грустно.

– Ба, пожарь яичницу с колбаской, – крикнул из коридора сочный басок, – докторской побольше!

– Ленечка проснулся! – всплеснула руками старушка.

В ту же секунду в комнату вошел высокий юноша в трусах и, зевая, сказал:

– Какао свари из пачки, не хочу растворимую бурду.

– Солнышко, что за вид! – укорила старушка внука. – У нас гости, мальчику неприлично полуголым ходить.

Почти двухметровый «мальчик» поскреб пальцем густую щетину.

– Я у себя дома, на улице жара, извините, костюм с галстуком не натянул! Ба, я есть хочу!

– Ты бы лучше спросил, как там Сева, – снова сделала внуку замечание старушка.

– Умер? – без особого волнения поинтересовался Леонид.

– Пока жив, – ответила я, – но состояние тяжелое. Надеюсь, выкарабкается.

– Севка всегда хвост из западни выдергивает, – зевнул Леня, – ну да, в его бизнесе стремно. Он владелец клуба, вечно там какие-то терки, то с посетителями, то с ментами, то с налоговой.

– Кто тебе сказал, что Всеволод владеет клубом? – удивилась я.

Леня моргнул.

– Все знают. Он с работы под утро приезжал, часов в шесть, иногда в семь. Одет всегда шикарно, и не жадный. Я с ним как-то у лифта столкнулся, говорю ему: «Красивая куртка у тебя, небось дорогая!»

Севка скинул кожанку и протянул мне.

– Бери, мне она маловата, а тебе в самый раз.

– И ты взял? – неодобрительно поинтересовалась бабушка.

– Почему нет, – фыркнул Леня. – Севка богатый, в его «Туннель» народ валом прет, чего ему новый бомбер купить? А у меня пары тысяч евро свободных нет.

– Сева владеет «Туннелем»? – уточнила я.

– Ага, – подтвердил Леня, – у него лучший отрыв в Москве, самые красивые девочки. Он меня туда бесплатно проводил, через служебный вход.

– Леонид! Ты посещаешь злачные заведения! – ужаснулась Людмила Алексеевна. – Туда ходят проститутки! Об учебе думать надо! Родители деньги на тебя тратят, оплачивают институт, а ты!

Леня легко вытащил бабушку из кресла, развернул ее лицом к двери и велел:

– Яичницу и какао! Бабусик! Раз, два, пошагала на кухню.

– Провожу гостью и пожарю, – уперлась та.

– Вы дружили с Севой? – спросила я у юноши.

Тот покосился на бабу, но ответил:

– Севка прикольный, с ним весело. И без денег в клубешник пройти приятно. Вокруг него лучшие девчонки крутятся, мне повезло, живу в одном подъезде с хозяином «Туннеля», гулял на халяву. А потом мне надоело, каждый вечер одно и то же, пляски, крики, девки эти, они... ну... с ними тяжело, смотрят в кошелек. Если ты без машины, то за человека тебя не считают. Но я не Севка, на «Феррари» не раскатываю.

– У Всеволода была скромная иномарка, их собирают в России, – остановила я паренька, – подарок отца на день рождения.

Леонид потер небритую щеку и промолчал. Я поняла: он что-то знает, и надела на него.

– Всеволода хотели убить, его сначала ударили ножом в грудь, потом перерезали горло. Одному богу известно, почему Сева выжил.

– Жуть! – передернулся Леня.

– Евгения Ивановна увидела окровавленного сына, – продолжала я, – решила, что тот мертв, и выпрыгнула из окна. Она обожала своего отпрыска, находилась не в лучшем душевном состоянии, поэтому решила на суицид.

– О господи! – прошептала, крестясь, Людмила Алексеевна.

– Мы полагаем, что убийца связан со Всеволодом, это кто-то из обиженных им людей. Если ты в курсе дел Севы, то сейчас самое время рассказать правду, – потребовала я.

– Ленечка, мальчик, прояви сознательность, – потребовала бабушка. – Ты обязан оказать содействие в поимке преступника.

– Ничего я не знаю! – воскликнул Леонид. – Тусовался в его компании, потом надоело. Я понял, что не хочу жить, как Севка. Вы в курсе, сколько ему лет? Я прямо офигел, когда узнал! Считал, он меня ненамного старше, завидовал, такой молодой, а уже богатый!

– Начни с «Феррари», – потребовала я.

Леня зевнул.

– Севка машины постоянно менял, то у него «Бентли», то джип навороченный, то кабриолет красный. Я его один раз спросил: «Почему ты домой на страшной тачке приезжаешь?» А он ответил: «Родители не в курсе моих дел, они учителя, еще испугаются. В их понимании, если купил себе крутую иномарку, значит, ты вор, бандит».

Леня метнул быстрый взгляд на старушку.

– Предки не понимают, что человек должен отдыхать, у них в голове программа: школа-институт-женитьба-работа-дети-внуки-пенсия-дача-кладбище. Хоть тресни, ничего им не объяснишь. Бабушка уверена, что в клубах одни проститутки, и своей точки зрения не поменяет. Евгения Ивановна, по словам Севки, такая же была. Вот он и скрывал от отца с матерью, чем зарабатывает, и меня просил его не выдавать. У Севы квартира есть где-то в центре, я там не был ни разу, но слышал, что офигенно шикарная, двухэтажная. Он туда девчонок водил, не всех, а избранных, и машины дорогие там в гараже жили.

Я потрясла головой. Слышу о Севе сплошь противоречивые сведения. Как бы докопаться до правды?

– Ты уверен, что «Туннель» принадлежит твоему соседу по дому? Кое-кто из девочек Севы утверждает, что он там просто гулял.

Леня кивнул.

– Севка не хотел, чтобы народ об этом знал, прикидывался простым завсегдатаем. Но мне правду растрепал по пьяни. Через день, уже на трезвые мозги, попросил не болтать. Сами подумайте: дорогая одежда, тачки, часы, машины, на них бабла горы надо. Севка клуб раскрутил и стриг с него прибыль.

– Ты когда-нибудь встречал возле него женщину моих лет, шатенку, стройную, с круглым лицом? – попыталась я описать «льняной костюм».

Леня начал переминаться с ноги на ногу.

– Не, он только с молодыми дело имеет, если двадцать пять исполнилось, Севка на нее даже не посмотрит. Старухи не его профиль. Вот Павлуха, арт-директор «Туннеля», тот по мумиям спец. ему нравятся тетки за совок. с деньгами. Плавла. один раз...

Леня примолк.

– Договаривай, – сурово приказала я.

Леонид мученически поморщился и сел на диван.

– Ба! Сделай пожрать.

– Мне интересно послушать, – призналась Людмила Алексеевна, – я много нового сегодня выяснила.

Внук закатил глаза.

– Ну вот! Теперь она матери настучит! А я из Севкиной компашки ушел!

– Не отвлекайся, – велела я ему. – Что случилось однажды?

Пришлось Леониду продолжать рассказ.

Глава 15

Некоторое время назад, когда Леня еще активно тусовался с Севой, он сидел в «Туннеле» вместе с Павлом, арт-директором. Болтали ни о чем. Павлик похвастался, что переманил из другого клуба двух потрясающе красивых танцовщиц-мулаток, а потом засмеялся:

– Глянь, чья-то мамашка прибежала!

Леня повернул голову и увидел у бара немолодую женщину с прекрасной фигурой. Если бы не лицо, выдававшее возраст, ее легко можно было принять за восемнадцатилетнюю, одета она оказалась стильно, модно причесана и вся обвешана драгоценностями.

– Симпотная мамаша, – заметил Леонид, – я с такой не откажусь медленный данс станцевать.

– Сиськи силиконовые, – со знанием дела заявил Павлик, – от пластических хирургов не вылезает, может в кровати на части развалиться.

Леня заржал, а Сева, всегда охотно зубоскаливший на тему женского пола, неожиданно разозлился:

– Заткнитесь.

Он встал, подошел к тетке, взял ее под руку и вывел из зала.

– Вот оно что, – протянул Паша, – понятненько!

Леонида охватило любопытство. Он прилип к Павлу с расспросами. Арт-директор живо рассказал сплетню. У Севы есть пожилая любовница, ее имя никому не известно, женщину никто не видел, но поговаривают, что она помогла своему другу, дала ему денег на бизнес.

– Сейчас Севка богаче многих, – вещал арт-директор. – Он совладелец клуба «Катер», ну того, что из дебаркадера на Москве-реке соорудили.

– Погоди, – остановил его Леонид. – «Катер» – конкурент «Туннеля».

– Мы лучше, – в секунду разозлился Пашка.

– Странно, что Севка в оба заведения вложился, – недоумевал Леня, – и в «Туннель», и в «Катер».

Павел хмыкнул.

– Нет, Сева у нас отдыхает, про «Катер» помалкивает, но народ говорит, что у него там основная доля.

Леонид понял, что Ковалев старательно камуфлирует свой статус хозяина ночного заведения, и не стал разубеждать Павла.

– Вдруг его та старая любовница убила? – сказал сейчас Леня. – Из ревности зарезала!

– Имени и фамилии женщины ты не знаешь, – на всякий случай уточнила я, – можешь ее внешность описать?

Парень заерзал на диване.

– Видел ее мельком. Волосы до плеч, темные, блестящие. Лица не помню, платье серебристое, мешком, издали ясно, что кучу денег за него заплатила. Туфли на каблуках. Богатая. Она руку подняла, на пальце большой бриллиант заискрился. Больше ничего не скажу.

– Та, что на меня напала, кассир, – неожиданно ожила Людмила Алексеевна.

– Да ну? – удивилась я. – Почему вы так решили?

Пенсионерка сказала:

– Только сейчас сообразила, когда внук про палец упомянул. У меня есть младшая сестра Анюта, она всю жизнь в одном троллейбусном парке прослужила, народу зарплату выдавала. Как кассир деньги считает? Берет маленькую губку, мочит водой, тычет в нее пальцами, затем шур-шур банкнотами.

– Ба, сейчас у всех машинки стоят, – снисходительно произнес внук. – Положил пачку, нажал кнопку, получил результат.

– Не спорь со старшими, – сердито оборвала его бабка, – очень вы умные, думаете, взрослые из ума выжили. Анюта объясняла: машинка новые купюры хорошо считает, а старые отказывается, мятые не берет вообще, а деньги из банка разные привозят, приходится по старинке руками орудовать.

– Очень интересно, – остановила я Людмилу Алексеевну. – Но непонятно, почему вы приняли свою обидчицу за кассира.

Баркина выпрямилась.

– Деньги руки пачкают в прямом смысле слова. У Анюты на указательном пальце правой руки всегда подушечка черная от купюр. Очень некрасиво. Нюта и пемзой ее трет, и пилкой специальной. Грязь сойдет, а затем снова появляется. Когда психопатка меня душишь собралась и ручищи к лицу потянула, я у нее на правой руке точь-в-точь такую же, как у сестры, черноту заметила. Кассир она!

– М-м-м, – протянула я, сразу вспомнив рассказ Лизы о явлении в «Туннеле» женщины, которая унесла перстень, подаренный Севой очередной мимолетной любовнице Гале.

У тетки, по словам безалаберной школьницы, указательный палец был измазан чем-то темным. Неужели это одна и та же особа?

* * *

В больнице, куда положили Мишу, меня встретили любезно. Симпатичная, очень молодая и от того невероятно серьезная врач Наталья Сергеевна важно произнесла:

– Михаил физически здоров, но не желает идти на контакт. Вы его родственница?

– Близкая подруга семьи, – ответила я. – Надеюсь, вы знаете, что случилось с женой вашего подопечного?

Наталья Сергеевна кивнула.

– Конечно. Кстати, сын Михаила находится у нас же, в другом отделении на пятом этаже. Молодой человек в тяжелом состоянии, но пока держится. Единственный вопрос, который задал Михаил после госпитализации, был: «Как Севочка?» Я немного покривила душой, ответила: «Он жив, врачи настроены оптимистично».

– Доктора, как правило, стараются не делать прогнозов, – сказала я.

Наталья Сергеевна порозовела и стала похожа на второкурницу.

– Мой опыт подсказывает, что больному человеку необходимы приятные новости.

Я подавила желание уточнить, сколько больных было у молодой докторицы до того, как она встретила Мишу: один или два? Вместо этого попросила:

– Разрешите мне поговорить с вашим подопечным.

– Попробуйте, – милостиво согласилось юное создание. – Но сомневаюсь, что Михаил обрадуется, увидев вас.

Меня отвели в маленькую палату, где на кровати лицом к стене лежал муж Жеки.

– Привет, Мишаня, – фальшиво бодро воскликнула я, – как дела?

В ту же секунду я ощутила себя полнейшей идиоткой и добавила:

– Себе намного лучше, он поправляется.

Миша никак не отреагировал на мое заявление.

– Принесла тебе сок, – залебезила я, – ананасовый, свежавыжатый, не из пакета. Налить стаканчик?

Молчание.

– Ты обедал? – не успокаивалась я. – Наверное, тут кормят отвратительно. Что хочешь? Рыбу? Мясо? Съезжу в хороший ресторан и привезу оттуда любое блюдо.

– Нет, – неожиданно ответил Миша.

Я несказанно обрадовалась и продолжила:

– Кофе? Чай? Пирожные? Миша, тебе необходимо поесть.

– Нет, – вяло прозвучало с кровати, – я устал. Спать. Голова болит.

– Сейчас позову доктора, – засуетилась я.

– Нет. Не надо, – без всякой эмоциональной окраски произнес Михаил. – Где Севочка?

Я чуть не захлопала в ладоши, Михаил начинает выбираться из кокона молчания.

– На пятом этаже, его успешно лечат, но пока он в реанимации.

– Почему? – вдруг поинтересовался муж Жеки.

– Что «почему»? – уточнила я.

– Севочка заболел? – чуть громче спросил Михаил.

– Ему намного лучше, – соврала я.

– Мальчик встает, ходит? – забеспокоился Миша. – Разговаривает?

– Конечно! – воскликнула я. – Скоро его отпустят домой.

– Хорошо, – прошептал Миша. – А то у меня ноги сломаны, не шевелятся! Можешь почесать правую лодыжку? Пальцы под гипс не пролезают.

Я растерялась еще больше, встала, откинула тонкое одеяло и увидела, что Михаил одет в полосатую пижаму. Никакого гипса на ногах нет и в помине.

– Почеси мне левую коленку, – еле слышно произнес он.

Я очень осторожно поскребла пальцами в указанном месте и ощутила, что от Миши пахнет одеколоном: тяжелый аромат с сандаловыми нотами.

– Спасибо, Жекочка, – сказал он.

Мне стало жутко.

– Миша, повернись. Я Лампа Романова.

– Я виноват, Жека, – продолжал больной, – нельзя сажать ребенка на переднее сиденье, но Севочка так просил. Таисия Ивановна права, я плохой отец. Умоляю, прости меня.

– Миша, – с усилием произнесла я, – ты помнишь, что случилось?

– Мы поехали с Севой на рыбалку, – бесцветным голосом сказал несчастный, – выбрались на проселочную дорогу, сынишка стал проситься порулить. Я его к себе на колени посадил. Мальчик крутил баранкой, я нажимал на педали. Откуда ни возьмись, телега с лошадью. Дальше провал. Очнулся в «Скорой помощи», ноги сломаны.

В палату заглянула Наталья Сергеевна.

– На сегодня хватит, больной устал.

Я вышла в коридор.

– Михаил сейчас заново переживает неприятность, которая случилась много лет назад. Они с Севой попали в аварию. Мальчик не пострадал, а у Миши оказались сломаны обе ноги. Он принял меня за Жеку. Он в своем уме?

Наталья Сергеевна потуже завязала пояс халата и облокотилась на конторку, за которой сидела пожилая медсестра.

– Информация о самоубийстве жены и тяжелом состоянии сына губительна для Михаила, поэтому мозг ее блокирует. Вместо нее подсознание услужливо подсунило волнительную, но не убийственную, уже один раз пережитую ситуацию. Хорошо, что Михаил согласился с вами побеседовать. Я никак не могла понять, почему он не встает и не садится. Теперь появилась ясность: пациенту кажется, что у него сломаны ноги. Будем лечить.

– Он поправится? – с надеждой спросила я. – Станет прежним?

– Трудно сейчас делать прогноз, – увернулась от конкретного ответа доктор. – Мы применим лучшие методики.

– Наталья Сергеевна, – закричали из другого конца коридора, – Николай Михайлович вас ждет.

Врач, забыв попрощаться, поторопилась на зов.

– Давно она в клинике работает? – спросила я у медсестры.

Та вдруг улыбнулась.

– Месяц. Она очень старательная, отличница, практику у нас проходила, хорошая девочка, хочет по молодости всех вылечить.

– К сожалению, это не получится, – печально произнесла я.

– Оно надо? – спросила медсестра. – Была у нас женщина, потеряла в авиакатастрофе семью: приехала встречать мужа, сына и невестку с отдыха, а лайнер на посадочной полосе развалился. Бедняжку к нам прямо из аэропорта доставили. Юрий Петрович, заведующий, все ее хотел образумить, вернуть, как он говорил, к нормальной жизни. Больная была уверена, что родные до сих пор на курорте, время для нее остановилось, каждый день на календаре было десятое января. Глядела я на потуги Юрия Петровича и думала: может, оставить несчастную в покое? Ей хорошо, любимые живы! Ну вылечите бедолагу, сообразит она: вся ее семья погибла, и что хорошего?

– Вы еще здесь? – удивилась Наталья Сергеевна, появляясь перед конторкой. – Ангелина Петровна, в пятой палате больному нужно померить давление, не забывайте вовремя и в полном объеме выполнять предписания врачей.

Медсестра встала и направилась к одной из белых дверей. Вся ее фигура изображала полнейшее негодование и обиду. А у меня в кармане зазвонил

мобильный.

– Здесь больница, – с возмущением воскликнула юная докторица, – внизу висит объявление, требующее отключать телефоны. Трубка может нарушить работу приборов в палатах интенсивной терапии, разволновать пациентов. В самолете вы об этом помните, потому что боитесь за собственную жизнь, а в клинике наплевать, так как сами здесь не лежите?

– Простите, – пробормотала я, скачками понеслась на лестницу и глянула на дисплей. Номер неизвестен.

– Здорово у тебя получается, – возмутилось в трубке чуть надтреснутое контрольное. – Сколько ждать можно? Долго мне здесь сидеть?

– Где? – не поняла я. – Кто со мной разговаривает?

– Валентина Нечитайло! – гаркнули из трубки.

– Вас уже привели в порядок? – обрадовалась я.

– По-твоему, я была в беспорядке? – разозлилась писательница.

– Я имею в виду прическу, – опомнилась я, – макияж. Подождите меня в салоне, уже лечу.

– Нет, – сурово сказала Нечитайло, – встретимся на месте. Где радио находится?

– Студия размещается в торговом центре в районе Зубовской площади, – смиренно пояснила я.

– Супер, – громогласно заявила Валентина. – Буду там через пятнадцать минут. Успеешь?

– Маловероятно, – честно ответила я, – рассчитывала забрать вас от стилиста позднее и доставить на радиоэфир.

– Придется тебе поспешить, – перебила меня Валентина, – иначе я откажусь от программы. Ты имеешь дело со звездой, а не с бродячей собачонкой.

Я тебе не Смолякова, вот она ради пиара какашку съест, усекала? За меня дерутся лучшие издательства России! Время пошло!

Раздались короткие гудки. Первым моим желанием было позвонить Ивану и отказаться от работы с хамкой. Но потом я вспомнила сумму, которую Адам Корсунский пообещал заплатить нам за услуги, и побежала к машине. Жадность победила гордость. Кроме того, если я сейчас вспыхну спичкой и не отправлюсь в торговый центр, то подведу своего приятеля, Виктора Сойкина, автора и ведущего радиопрограммы. Где он незадолго до начала передачи раздобудет нового гостя?

В здание магазина я ворвалась за минуту до назначенного срока, позвонила Нечитайло и спросила:

– Валя, вы где?

– Здесь, – ответила она.

– Где? – уточнила я и услышала:

– Тут, не задавай идиотских вопросов.

Человек, который хочет заработать, должен четко понимать: он никогда не будет свободен в проявлении своих чувств. Я в очередной раз затоптала некстати поднявшее голову самолюбие и поинтересовалась:

– Тут – это где?

– Прямо перед тобой, – воскликнула Валя, – хорош в телефон пялиться, подними голову.

Я повиновалась и ойкнула. В пяти метрах от двери стоял «леопард». Сначала я решила, что Нечитайло каким-то чудом успела смотаться в родной двор и натянуть на себя выброшенный в гнев комбинезон. Потом мне стало понятно: на сей раз на ней короткий ядовито-розовый костюмчик в черных пятнах и с вырезом, из которого торчит кроваво-красный бюстгальтер с золотым кружевом, напоминающим елочное украшение, именуемое «дождик».

– Господи, – вырвалось у меня, – Валя? Это вы? Что случилось с вашими волосами? Почему они похожи на ионьскую морковку и торчат дыбом, как шерсть шарахнутой током кошки?

Литераторша открыла свою чудовищную сумку, вытащила оттуда литровую бутылку с жидкостью темно-желтого цвета, самозабвенно попрыскалась и с удовлетворением сказала:

– Стилистка дура.

– Сей креатив сотворила Лика? – попятилась я, размышляя, не вызвать ли в спешном порядке к подруге «Скорую помощь».

До сих пор Лика славилась умением делать простые элегантные укладки и красить волосы в спокойные тона. Неужели она предложила Вале наряд обезумевшей Барби, решившей изобразить из себя хищницу? Впрочем, даже эта кукла не согласится натянуть такую «красотищу», ну разве что ее предварительно укусит энцефалитный клещ. А обувь! Сейчас на ногах Нечитайло босоножки, в которых стриптизерши пляшут у шеста. Каблук высотой с Останкинскую башню, платформа нереальной толщины, несколько ремешков – все это из прозрачного пластика. А внутри платформы виднеются цветочки.

– Нравится? – с гордостью спросила Валя. – Обалденно дорогие вещи, прямо из Парижа, с подиума.

– М-м-м, – простила я.

Валентина подошла поближе, задрала ногу.

– Круто?

Я увидела пальцы, которые никогда не знали педикюра, затем поняла, что в платформе не цветы, а рыбки. Они плавно шевелятся, очевидно, внутрь подошвы закачан какой-то гель. Во времена моего детства у младших школьников невероятной популярностью пользовались шариковые ручки с небольшими окошками, в которых трепыхались бабочки или русалки. Один раз я наступила на такое стило, оно треснуло, и на пол вытекла желеобразная субстанция.

Не успела я оценить дизайн босоножек, как увидела кожу на ногах Нечитайло. Стало ясно: непостижимым образом Валя ухитрилась загореть до состояния подрумяненной курицы и одновременно покрыться неровными черными пятнами.

Глава 16

Валентина внезапно указала пальцем на мою сумку.

– Это что?

– Предмет для ношения документов, косметики и разных мелочей, – осторожно ответила я, – из кожи, на цепочке. Муж подарил на Восмое марта.

– Скажите, пожалуйста, у нее мужик есть, – протянула Валя, – без слез не взглянешь, а туда же. Не смей меня позорить.

Я сделала шаг назад.

– Извините?

– Тебе издательство велело мне помогать, – зашипела Нечитайло, – они сказали, что ты будешь со всеми договариваться, ведь не царское дело самой время эфира обсуждать. Еще ты обязана мне напоминать, в чем я наиболее выигрышно буду смотреться на экране. Если весь народ в белом, то я в красном, чтобы быть ярче всех.

– В принципе верно, – согласилась я, – одежда и макияж имеют огромное значение.

– Запомни! – громогласно возвестила Нечитайло. – Лопогие сумки для звезд! Тебе пюкзак. пластиковый пакет. мешок из брезентухи. что уголно. но

не бренд! И ты носишь подделку, настоящая «Шанель» у меня. Вот читай!

Перед моим лицом закачалась огромная кошелка с надписью «Shanel».

– Запиши в блокнот, – с угрозой произнесла литераторша, – звезда – я! И больше не пойду к дурам, которые женщин уродуют и еще фотографии делают.

Ее рука скользнула внутрь пиратской сумки и вытащила снимок. Он запечатлел чуть простоватое лицо жительницы средней полосы России. Не очень большие глаза казались выразительными из-за умело сделанной подводки и искусно наложенных теней. Нежно-розовый цвет лица говорил о хорошем здоровье, аккуратные брови и натуральная губная помада дополняли макияж, волосы медового оттенка красиво обрамляли лицо. Незнакомку нельзя назвать Василисой Прекрасной, но она определенно была милой.

– Нравится? – с ехидной улыбкой поинтересовалась Валя.

Я оказалась в трудном положении. Уже успела понять: при Нечитайло ни в коем случае нельзя хвалить других представительниц слабого пола. Услышав сказанное в чей-нибудь адрес доброе слово, Валя превращается в фурию. Вскоре ей предстоит беседа в радиоэфире, не следует выбивать ее из колеи.

– Э-э-э, – протянула я, – скорее да, чем нет, но нет, хотя определенно да или нет!

Нечитайло скомкала снимок и сказала:

– Не узнала! Вон что из меня, красавицы, твоя тупая Лика сотворила!

Я, мигом забыв о характере Вали, вырвала у нее гляцевый прямоугольник, расправила его, внимательно всмотрелась в добродушное милое лицо и воскликнула:

– Это вы?! Лика добила невероятного эффекта!

– Я зеркало разбила, как это увидела, – деловито сказала Валя, потряхивая мелко завитыми красно-рыжими кудрями, – вылетела из салона, по сторонам поглядела, по улицам поехала и нашла центр красоты «Гаспаччо». Вот там мастер меня в порядок привел, волосы нормально причесал, покрасил, одежду правильную подобрали, обувь шикарную принесли. Теперь я только туда хожу, вот, держи, пусть Корсунский счет оплачивает, он тебя нанял, ему расходы и нести. Да и ты можешь раскошелиться! По твоему совету я к Лике поперлась! Прекрати моргать! Где радио?

– На втором этаже, – вздохнула я, – лучше подняться на эскалаторе.

Интересно посмотреть на человека, который назвал парикмахерскую в честь холодного супа из томатов.

Витя опытный профессионал, на своем веку он навидался звезд всех мастей и рангов, но даже он недоуменно посмотрел на меня, когда Нечитайло кокетливо произнесла:

– Валечка. Вся в вашей власти.

Мгновение Виктор молчал, но быстро очнулся и повел гостью к микрофону. Меня посадили в комнате звукорежиссера. Через большое окно в стене мне было видно и ведущего, и гостью. Длинная стрелка больших часов скакнула вперед, и сочный баритон Вити наполнил комнату:

– Еще раз добрый вечер, продолжаем разговор. У нас сегодня замечательный гость, писательница Валентина Нечитайло.

– Приветик, – промурлыкала Валя, – хочу уточнить, не просто писательница, а лучший прозаик страны, автор нашумевших бестселлеров, самая талантливая, красивая, сексуальная звезда современности, юная, прекрасная, пока незамужняя. Мужчин вокруг много, каждый хочет заполучить богатую супругу, которая без напряжения будет его вывозить на отдых в Турцию. Я устала от постоянного внимания, отталкиваю от себя олигархов, президентов. Очень трудно быть мегабогатой, суперизвестной и талантливой. Витя, хочешь такую жену, как я?

– Я давно связан узами брака, – поспешно ответил журналист, – давайте поговорим о вашем творчестве. Вы сказали, что являетесь лучшим прозаиком России.

– У вас есть в этом сомнения? – проворковала Валя. – Понимаю, вы ждали, что я представлюсь номер один в мире, но я скромная.

– В Интернете, на сайте «Мнение граждан», читатели поставили на высшую ступень пьедестала Миладу Смолякову. Как вы относитесь к ее произведениям? – опрометчиво поинтересовался Виктор.

Я вскочила со стула и отчаянно замахала руками в надежде, что Сойкин правильно оценит мою жестикуляцию и больше не упомянет в эфире фамилию заклятого врага Нечитайло. Но поздно.

Валя стукнула кулаком по столу. Стоявший перед ней микрофон подпрыгнул, звукооператор поморщился и подвинул какой-то рычажок на пульте. Очевидно, он полагал, что гостья уже выдала наиболее агрессивную реакцию и сейчас будет толкать речь. Но он ошибся. Валентина схватила ведущего за шею и с силой впечатала его голову в ноутбук. Витя слабо пискнул.

– Ах ты...!...! – заорала писательница. – Смолякова ему лучшая! Она...! А я гений! Сравнил!

Дверь распахнулась, в студию влетела девушка. Я, в полном ужасе наблюдавшая за событиями, подумала, что на помощь Вите явилась коллега, но та схватила микрофон и зачистила:

– В нашем эфире разгорелась нешуточная баталия. Писательница Нечитайло в кулачном бою отстаивает свое право называться властительницей умов россиян. Хрясь! Это ломается стул нашего ведущего. Бум! Валентина разбивает его ноутбук! Где адекватный ответ Виктора? Пора забивать шайбу в ворота противника! Куда смотрит тренер? Почему он не выпускает на лед свежие силы? Вау! Виктор летит в правый верхний угол студии. Жаль, очень жаль, что технические возможности радио не позволяют нам дать изображение. Но тогда мы были бы телевидением! Ха-ха! Не переключайтесь, время коротких новостей!

Девушка вскочила, на ее место быстро сел только что вошедший парень в джинсах и монотонно забубнил:

– Сегодня в Москве состоялось совещание...

Под аккомпанемент его голоса Валя самозабвенно мутузила Виктора.

– Где охрана? – воскликнула я. – Немедленно вызовите секьюрити!

Но звукооператор, сидевший в наушниках, не услышал моей просьбы, а у микрофона в студии снова оказалась девушка.

– Петь, есть звонок? – спросила она у звуковика.

– Анна из Казани, – ответил тот.

– Выводи, – распорядилась девушка. – Анечка, привет. Какой у тебя вопрос к литератору Нечитайло?

– Она там взаправду дерется или вы подставу устроили? – защebetал детский голосок.

– По-настоящему кулаками размахивает, – заверила ее коллега Сойкина.

– Вау! Прикольно! – обрадовалась девочка. – А чего там журчит?

– Это Валя на голову Виктору минералку вылила, – прокомментировала ход баталии новая ведущая. – Кстати! Вода в нашей студии представлена компанией «Химия в дом». Более тысячи разных средств, облегчающих труд домашней хозяйки, и замечательная газировка – вот что такое наш спонсор. Он же предоставляет и прогноз погоды.

У микрофона волшебным образом возник другой парень, на этот раз длинноволосый, и вкрадчиво произнес:

– Завтра будет тепло и мокро. После завтрашнего вечера температура ночью опустится до плюс двадцати пяти, днем воздух прогреется до семи

– Завтра будет тепло и мокро. Дождя не предвидится, температура почвы от нуля до плюс двадцати пяти, днем воздух прогреется до семи градусов. Гроза. Снег. То есть ливень. Спонсор выпуска фирма «Домашняя химия». То есть «Химия в нос». Ой, простите!

Девушка оттолкнула парня.

– Тем временем страсти на нашем поле накаляются!

Я бросилась в холл, который разделяет студию и помещение, где сидит звукорежиссер, распахнула дверь, схватила Нечитайло за руку, выдернула ее из тесного душного пространства и, не давая ей опомниться, потащила к эскалатору. Валентина намного крупнее меня, но злость придала мне сил, а Нечитайло по непонятной причине не стала сопротивляться.

Минут через пять я дотащила «звезду» до ее кошмарного джипа и сурово сказала:

– Ты никогда не затмишь Смолякову! Можешь перевернуть свой автомобиль, швырнуть его мне в голову, но ничего не изменится. Милада останется первой, а ты закрепилась в конце второй сотни писак.

– Почему? – вдруг совсем мирно поинтересовалась Нечитайло.

Я сделала шаг назад, заняла выгодную для побега позицию и честно ответила:

– Писатель не должен быть вульгарен, скандален, глуп и самонадеян. Твой наряд более всего подходит даме древнейшей профессии, а макияж ей под стать.

Валя раскрыла сумку, вытащила бутылку духов, щедро опрыскалась и пробормотала:

– Вспотела вся, жарко у них. Чего я не так сейчас сделала? Смолякова дерьмо, ей издательство эфиры покупает и первые места в рейтингах. Почему Милада вечно на экране звездячит, а меня там нет? Я моложе, красивее, умнее, сексуальнее, талантливее, гениальнее. Я супер, а она старая, морщинистая, уродливая зебра! Ответ есть! За Смолякову платят, а за меня не хотят! Прямо сейчас поеду к Адаму, объясню ему: хотите иметь в портфеле рукописи лучшего автора России? Раскошеливайтесь, жлобы!

– Если послушаешься совета специалистов, – устало сказала я, – оденешься на следующий эфир так, как скажет Лика, и будешь вести себя поскромнее, то, поверь, предложения от редакторов с разных программ не заставят себя ждать.

– Вау! – подпрыгнула Валя. – Где я выступать буду?

Мне не слишком понравился глагол «выступать», но я решила не придирается к мелочам.

– Договорюсь с шоу «Интерес» на кабельном канале. Давай попробуем изменить твой имидж.

– Хочешь нарядить меня душой? – напустилась Валентина. – Фигли-мигли, бежевое платье?

– В образе безумной сексапильки ты особого успеха не достигла, – расхрабрилась я. – Глупо совершать постоянно одни и те же ошибки и ждать другого результата. Слушай, почему у тебя такой странный цвет кожи? Желто-коричневый в черных пятнах?

– В солярий сходила, – пожалала плечами Нечитайло, – там новая фишка. Сначала тебя обмазывают кремом, потом специальными пластинами выкладывают орнамент – и под лампы. Татуировки сейчас не в моде, на пике комбинации загара.

Я заискивающе заулыбалась.

– Давай еще раз договорюсь с Ликой? Сделаем вторую попытку.

– Ну ладно, – неожиданно согласилась Валя, – будь по-твоему.

Она начала открывать дверь джипа. Я быстро пошла к своей «букашке». Неужели удалось сдвинуть дело с мертвой точки?

Едва я устроилась за рулем, как в подставке запрыгал мобильник.

– Лампа! – кричал Виктор. – Романова!

У меня моментально вспотела спина.

– Витенька, – залезила я, – солнышко! Ты как?

– Супер! – воскликнул Сойкин. – Рейтинг зашкалил!

Мне с трудом удалось выдохнуть. Виктор воспитанный человек, нас связывает не один год приятельских отношений. Вежливый радиоведущий не собирается ругать меня за то, что я привела к нему хулиганку.

– Хочу сказать тебе спасибо, – воскликнул Витюша, – за драку в эфире!

У меня моментально испортилось настроение. Ну вот! Виктор не может открыто заявить: «Лампа, ты поставила нашу радиостанцию в идиотское положение», он начал ерничать, типа: «Мерси, дорогая, народ в восторге от мегаскандала».

– Вить! Беги к главному, шеф велел тебя из-под земли выковырнуть и в кабинет в любом состоянии припереть! – закричал на заднем плане пронзительный дискант. – Ты у нас сегодня герой вечера.

– Перезвоню позднее, – быстро пообещал ведущий, – босс меня к себе требует!

Я бросила трубку на пассажирское сиденье. Сейчас Вите достанется от хозяина радиостанции. Бесплезно оправдываться и говорить озлобленному начальнику: «Я не виноват. Лампа Романова попросила побеседовать с ее протеже, писательницей средних лет. Никто не ожидал, что литературная дама окажется безобразницей, от нее не ждали рукоприкладства!»

Очень надеюсь, что Сойкина из-за меня не накажут, не лишат его части оклада, не применят строгих репрессивных мер.

Телефон снова затрезвонил, я вцепилась в него.

– Витюша?

– Это Сергей, – пропищал тоненький голос. – Слышите меня?

– Здравствуйте, – ответила я. – Какой Сергей?

– Вы дали мне свою визитку, – уточнил тенор.

– Извините, я постоянно раздаю свои карточки, уточните, пожалуйста, где мы с вами встречались? – попросила я.

– Вы приходили к Вальке, – зачистил Сергей.

– Голова медведя! – подпрыгнула я и стукнулась макушкой о потолок «букашки».

– Вспомнили! – обрадовался мой глюк. – Валька сегодня ушла и забыла телефон спрятать! Помогите! Спасите! Заберите меня отсюда! Скорей! Вау! Она возвращается! Черт! Я перезвоню!

Из трубки полились дробные гудки. Я вернула телефон в держатель. Что происходит? Неужели я схожу с ума? В доме у Нечитайло слишком много красного цвета, и там стоит странный запах. Вот я и решила, что говорящая голова Михайло Потаповича – это моя галлюцинация. Я обладаю чутким нюхом, мне может стать плохо от резкого аромата. Но сейчас-то глюк обратился ко мне по телефону. Я нахожусь в своей машине, в салоне приятно пахнет, ничего раздражающего нет. Правда, нос до сих пор ощущает вонь духов с кокосом и ванилью. Может, парфюм Валентины вызывает глюки?

Глава 17

Добыть контактный телефон владельца клуба «Туннель» Игоря Завьялова оказалось очень просто.

– Кто меня разыскивает? – удивился он. – Какая Лампа Романова?

– Мы расследуем смерть Евгении Ковалевой и нападение на ее сына Всеволода, – пояснила я. – Люди, с которыми я общалась, утверждают, что Сева владелиц клуба «Туннель», а его мать была уверена: ее сын служит там управляющим. Но если верить документам, хозяином ночного заведения является господин Игорь Николаевич Завьялов.

– Лучше просто Гарик, – попросил мужчина. – Севка жив?

– Скорей да, чем нет, – вздохнула я, – ему перерезали горло. Есть вторая тема для нашей беседы. Не так давно были убиты ваш бармен Костя, завсегда «Туннеля» Ахмет и еще две девочки, постоянные посетительницы клуба.

– Можете приехать прямо сейчас, – предложил Гарик, – подкатывайте к клубу, паркуйтесь на служебной стоянке, вас встретят.

Несмотря на то что часы показывали половину одиннадцатого вечера, на Садовом кольце стояла пробка. Я решила использовать время и позвонила Костину с вопросом:

– Ты выяснил, что случилось с компанией ребят из ночного клуба?

– Кто рассказал тебе про их смерть? – поинтересовался в свою очередь Вовка.

– Девочка Лиза, – ответила я. – Та, чья мама Марина Степановна пыталась вытянуть из Жеки миллион за мнимое изнасилование дочери.

– Бармен Константин был задержан за торговлю марихуаной, – пояснил Володя, – его взяли с мешком травы, сейчас парень в ОВО. Ахмет лежит в больнице со сломанными ребрами и носом, кто его отпустил, не признается, врет, что сам упал. Шел спокойно, ел мороженое, и, бумс, поскользнулся... Анну родители, обозленные тем, что девчонка нахватала в году двоек, заперли дома. В прямом смысле этого слова, на ключ. Отобрали у любительницы гулянок мобильный, кошелек, засадили за учебники. Вот Галя действительно погибла, став жертвой насильника, который задушил девочку. Но никому горло не перерезали. Лиза передала тебе глупые слухи, которые тиражируют посетители ночного заведения.

– Понятно, – протянула я, – значит, буду беседовать с Игорем Завьяловым исключительно о Севе.

– Надеюсь, он сообщит тебе хоть крупицу правды, – съехидничал Костин. – Похоже, в системе развлечений крутятся сплошные вруны.

Я знала, что владельцу «Туннеля» недавно исполнилось двадцать восемь лет, но Гарик выглядел студентом первого курса. Кудрявый паренек в простых джинсах, скромной рубашке и кроссовках никак не походил на хозяина успешных заведений. По документам у Игоря имелось еще восемь клубов и пара ресторанов.

– У вас в офисе тихо, – отметила я, усаживаясь в кресле.

Гарик открыл бар.

– Звучит странно, но я не люблю шум. Что предпочитаете? Шампанское? Вино? Коньяк?

– Простите, я за рулем, если можно, чай, – попросила я.

– Рекомендую фруктовый, – улыбнулся Игорь, – он из свежих ягод. Что с Севкой? На него напали? Говорят, его обокрали на крупную сумму и хотели отрубить голову?

– Пока идет следствие, я не могу разглашать подробности, – ответила я. – Всеволод в больнице, состояние тяжелое. Вы его хорошо знаете?

Завьялов скрестил руки на груди.

– Кто ж не знает Севу? Севу знают все. Мальчик-мажор, сын обеспеченных родителей, бизнесмен, богатый-пребогатый! Квартира на Китай-городе, десять комнат! Автопарк из «Мазератти»-«Ламборджини»-«Феррари». Еще он тайный агент, выполняет особые задания правительства. Севке принадлежит «Туннель», но это страшный секрет! Я тут просто для прикрытия, мне Ковалев деньги платит. Еще он владеет радиостанциями, магазином «ЦУМ» и Первым каналом телевидения.

Мое лицо вытянулось, Игорь рассмеялся.

– Филипп, наш управляющий, мой двоюродный брат, когда эту лабудень впервые услышал, то предложил: давай вруну в нос насуем и велит фейс-контролю никогда его в «Туннель» не пускать.

Но я отказался. Пусть болтает, мне плевать, нехай президентом земного шара называется, главное, чтобы деньги платил. У Севки много положительных качеств, на него девки западают, он сюда народ притаскивает и всегда без скандала расплачивается, не буянит, не дерется, со всеми дружит. А то, что из себя крутого олигарха корчит? Фиг бы с ним. Если каждого, кто врет, в клуб не пускать, заведение пустым останется. Смотрите.

Игорь щелкнул пультом. Дверца одного из шкафов отъехала в сторону, появилось несколько экранов, они показывали танцпол клуба, зону у бара, чил-аут и гардероб.

– Видите мулаточку в кресле? – спросил Завьялов. – В зеленом мини?

Я кивнула.

– Мэри, дочь короля Танзании, – давась смехом, сообщил Гарик. – Ее папа, богатейший человек, отправил девочку русский язык изучать, инкогнито. Поэтому Мэри лишь паре самых близких людей правду сообщила. Папуля настолько озаботился соблюдением секретности, что единственной наследнице денег не присылает. Мэри смиренно ждет, пока ее угостят коктейлем. И желающих поднести девчонке угощение много. Мэри забавная, танцует хорошо, не противная, не избалованная, рада любому подарку, обожает секс. На диване, чуть левее принцессы, развалился Николай Аханькин. Знаете, кто он?

– Боюсь предположить, – вздохнула я, – наверное, сын голливудского продюсера?

– Берите выше, – обрадовался Гарик, – первый ребенок Романа Абрамовича, родился, когда отец еще не вознесся на вершину богатства, так сказать, грех молодости. Коля человек хороший, он в семью миллиардера не лезет, не хочет ему мешать. А папа мальчику деньги дает без писка. Ну что Абрамовичу миллиончик? Он их не считает! Миллиардер в завещание отпрыска написал, приобрел ему алмазные копи царя Соломона. Аханькин регулярно в Африку катается, контролирует добычу алмазов. К нему у нас тоже претензий ноль. Не буянит. Вот внебрачную дочь английской королевы Наташу Иванову мы в черный список внесли, она любила подраться, а мне скандалы не нужны. Аханькин сидит тихо, девчонок снимает, танцует, четыре вечера в неделю тут клубится, постоянный клиент. Материального профита от «сына миллиардера» ноль, он за ночь один коктейль цедит, который за входной билет положен, но из-за него сюда много девочек прибегает. Сейчас Николай обнимает Тату Айвазову. Вот ее отец на самом деле из золотой сотни «Форбс». Айвазова влюблена в Аханькина, приходит с большой компанией, всех угощает, денег не считает. До Таты за Аханькиным Влада Самонина бегала, известная манекенщица, с ней всегда папарацци прибывали. Понимаете?

– Вас да, – ответила я, – а вот остальных нет. Неужели люди верят таким побасенкам?

Игорь закрыл шкаф.

– Большинству завсегда «Туннеля» нет и двадцати. Девочкам хочется сказки, мальчики мечтают разбогатеть.

– У Всеволода не нищие родители, – вздохнула я, – но они никогда не давали ему денег на роскошную жизнь. Покойная мать Ковалева была уверена, что сын служит в «Туннеле» управляющим. Клубные завсегда держат Севу за крупного бизнесмена. Ладно, шикарную квартиру на Китай-городе никто из тех, с кем я беседовала, не посещал. Но шикарные машины Севы люди видели.

Игорь открыл ящик стола и протянул мне визитку.

– Компания «Платиновый рай», ею владеет мой знакомый, дает напрокат вип-автомобили от джипов экстра-класса до эксклюзивных моделей. Ему

был нужен рекламный агент, не простой парень на окладе, а тусовщик, якобы богатый, меняющий тачки. Ему будут завидовать, говорить: «Вау! Какие у тебя машины. Мне такую не купить!»

А парень шепнет кому следует: «Зачем тратить миллионы, когда можно обойтись тысячами? Вот телефончик, звякни и бери любые колеса напрокат, удивляй девочек. Тачки на съемные совсем не похожи, все будет тебе завидовать».

Я порекомендовал Севку и не ошибся, Ковалев ко двору пришелся. Он лентяй, работать не хочет и не умеет. Знаете, что мажор старше меня? Но вот раскатывать каждую неделю на шикарной тачке ему понравилось. Тем более бензин оплачен. Но при условии: машина дается исключительно на вечер, к шести утра ее вернуть надо. Севка перед тусой заезжал на фирму, оставлял там свою раздолбайку, брал «Мазератти», «Бентли», «Порше», и в клуб.

– С автомобилями разобрались, – вздохнула я. – Но откуда деньги? Вход в «Туннель» платный.

– Севке, как постоянному клиенту, скидочную карточку вручили, – сказал Игорь.

– Все равно, – продолжала я, – Ковалев слывет щедрым человеком, угощает девочек, делает им подарки. Спокойно отдал соседу по подъезду дорогую кожаную куртку, недавно подарил матери туфли за семьдесят пять тысяч рублей. Хотя...

Я примолкла. Назвать презентом сие подношение трудно. Всеволод взял необходимую сумму из семейной кассы. Получается, Жека сама оплатила несуразно дорогую обувь.

– Чек видели? – деловито спросил Гарик. – Не верю я его словам. У меня есть сестра, пятнадцатилетняя оторва. Меня родители строго воспитывали, лупили ремнем за любое прегрешение. А Юльку избаловали. Я отлично знаю индустрию развлечений, поэтому заявил сестре: «Никаких походов с подружками по бывшим складам и фабрикам, которые превратились в танцполы с барами. В двадцать три ноль-ноль ты дома».

Матери велел денег ей не давать. А потом мне стукнули, что Юлия в «Карантине» веселится! Мало того, что мерзавка всех обманывала, после полуночи из окна вылезала (мамина квартира на первом этаже, и менять ее она ни под каким видом не желает), так еще поганка поперлась к моим злейшим конкурентам! Хорошо хоть журналисты не узнали, а то бы понаписали про родную сестру Завьялова, которая скачет у Митьки Никитина. Он обо мне исключительно матом говорит.

Игорь укоризненно покачал головой.

– Ну не дура ли! Я ее сначала отругал по полной программе, а потом вдруг испугался: откуда у Юльки деньги? Мать ей только на необходимые расходы дает – проездной, школьный обед, оплата подготовительных курсов. Тогда я сходил к классной руководительнице, заглянул в колледж, куда сестра поступать готовится, и выяснилось: в гимназии Юля давно не ест, приволокла местному врачу липовую справку с диагнозом «аллергический гастрит», распечатала ее на принтере и больше не заглядывает в столовую. А маме наврала, будто теперь надо больше за еду платить, трехразовое питание ввели. Мать у нас человек наивный, она поверила, стала доченьке по утрам пару купюр в кошелек вкладывать. Ешь, дорогая! Белки, жиры, углеводы растущему организму необходимы. Потом хорошая девочка придумала про повышение платы за курсы. И вообще ей все время требовались рублики. То она абонемент в консерваторию оплатила, то захотела изостудию при музее посещать, то в литературный кружок записалась. Мама радовалась: вот какая неординарная у нее доченька, у других старшеклассниц в голове мальчишки да гулянки, а Юленька ищет свой путь в жизни. И расходы мать не смущали, бесплатных кружков теперь нет. Были у Юлии еще источники дохода: продукты, химчистка, хозяйственный магазин.

Я с удивлением воззрилась на Гарика, а тот подтвердил:

– Вы не слышались! Мама в последний год на сестру нахвалилась не могла. Стоило мне к ней приехать, разговор начинался с эпитетов в превосходной степени. Юля стала заботливейшей помощницей! Раньше девчонку не допроситься было за хлебом в соседний магазин сгонять, а теперь! На рынок спешит, в супермаркет рысью, вещи в химчистку по три раза в неделю таскает! Вот только цены растут, как на дрожжах, куда правительство смотрит!

– Понятно, – протянула я.

– Тут и понимать-то нечего, – зло продолжил Игорь, – сестра купит еды на тысячу рублей, а маме врет, что две истратила. Вот откуда у нее финансы. Может, и Сева такое проделывал? Где он те туфли купил? Проверьте в магазине, сколько они стоили! Да, Севка отлично одевается, но я вам рассказал, откуда шикарные автомобили брались. Думаю, со шмотками он тоже по-хитрому устроился, многие фирмы готовы платить за рекламу своего товара.

Я молча слушала Гарика, а память тем временем подсовывала воспоминания о вроде бы ничего не значащих деталях. Вот мы с Женькой сидим на кухне и болтаем о пустяках.

– Мама, – кричит из прихожей Сева, – я кошелек вчера в офисе забыл, замотался. Дай мне тысячу, бензин кончился.

– Севочка, ты же знаешь, где деньги лежат, – отвечает Жека.

– Там все по пять штук, – говорит тот.

– Деточка, значит, возьми ту купюру, что есть, – велит Ковалева.

– Спасибо, мамуля, вечером верну, – обещает сыночек.

– Господи, Севочка, перестань, – смеется Жека, – а то Лампа подумает, что я тебе в долг даю.

Или другой случай. На сей раз пикник на даче, и у нас заканчивается минеральная вода.

– Мамуля, я сейчас съезжу! – подсказывает Сева и уходит.

Через пару минут он возвращается и смущенно говорит:

– Пап, можно на твоей тачке в магазин сгоняю?

Миша не жадный человек, но он терпеть не может, когда кто-нибудь, даже Сева или Жека, садятся за руль его скромной иномарки. Он делает вид, что не слышит просьбы сына, Евгения же спрашивает:

– Что случилось с твоей машиной?

– Бак пустой, – нехотя произносит Сева, – вчера я так устал на работе, что поленился на заправку заехать.

– Сейчас залейся, – предлагает Миша, – колонка недалеко.

Сева мнется, потом все же признается:

– В кошельке одни стодолларовые купюры, в Москве мне с такой сразу сдачу дадут, а в деревне побоятся валюту брать!

– Ох уж эти дети, – смеется Жека, – вечно у них проблемы! Без родителей никуда! Возьми в моей сумочке сколько надо на бензин и минералку.

– Ма, у меня есть деньги, – машет руками Всеволод.

– В долларах! – напоминает Жека. – В местном сельпо их не берут!

– Разменяю вечером баксы и тебе верну, – обещает Сева.

– Непременно, – хохочет она, – еще не забудь родителям за постой рублики оставить, и воздухом ты на даче дышал. Мы с папой жадины, сейчас запишем, сколько ты сосисок съел.

Я шла после разговора с Завьяловым к своей машине и вспоминала все новые и новые подробности. Вот Сева везет нас с Жекой в торговый центр.

Она хотела купить люстру, я была приглашена в качестве консультанта. А вот сына Ковалева не просила об услуге, тот сам предложил:

– Мамуля, у меня выходной, мы так редко бываем вместе. Поеду с вами, ты не против?

Желание сына поучаствовать в выборе светильника вызвало у Ковалевой бурный восторг. Мы залезли в автомобиль Севы, отъехали пару кварталов от дома, он зарулил на заправку и сказал:

– Уж извините, придется недолго подождать.

– Вечно у тебя бензина нет, – укоряет обожаемое дитячко Ковалева.

– Прости, мамуль, – тянет Севочка, – знаю, надо было, когда с работы ехал, заправиться, но я так устал! Вы торопитесь?

– Нет, солнышко, – успокаивает его Жека.

Сева идет к кассе и возвращается.

– Ма, дай тысячу, у них сдачи с пятерки нет. Разменяю и верну.

Ясное дело, Жека открывает кошелек, вытаскивает несколько бумажек и велит:

– Залей топлива под завязку! Что за глупая манера капать по чуть-чуть на дно бака! Не понимаю я этого! Вот отец всегда с верхом наливает.

– У каждой птички свои замашки, – отшучивается Сева и благополучно заправляет машину.

Потом мы ходим по моллу несколько часов, Жека так и не подбирает люстру, Сева постоянно отбегает от нас, заглядывает в многочисленные бутики, потом звонит матери по телефону.

– Выросла на свою голову! – делано возмущается та. – Взрослый уже, хорошо зарабатывает, а без матери в магазине теряется. Пошли, Лампуша, глянем на рубашку. Севочка никак определиться не может, какой цвет лучше.

Мы отправляемся в магазин, обсуждаем сорочку, Сева еще приглядывает пару пуловеров, джинсы и какую-то ерунду вроде парфюма. Пакеты относят на кассу, он протягивает кредитку, но из терминала выползает бумажка с надписью «не хватает денег на счете».

– Что за ерунда! – возмущается Всеволод. – Да там достаточно средств на приобретение всего бутика!

Он соединяется с банком и говорит кассиру:

– У них там какой-то сбой, связь не работает. Отложите мои покупки до завтра, приеду в районе обеда и оплачу.

– Не надо! – восклицает Жека и протягивает свою карточку. – Надеюсь, у меня платеж пройдет.

Потом мы тесной компанией обедаем. Деньги за еду отдает Жека. Я не люблю быть в долгу, поэтому через час приглашаю Ковалевых попить кофе с пирожными.

Домой Евгения возвращается без люстры.

– Вроде полно всего, – сокрушается она, – а подходящего нет.

– Не расстраивайся, мамуля, – утешает ее обвешанный пакетами сынуля, – в конце концов ты ее непременно найдешь.

Я остаюсь на ужин, а Сева, одетый во все новое, уезжает. Парня в выходной день внезапно вызвали на работу. И таких вот случаев, когда у «ребенка» в кошельке оказывались неразменные деньги или происходил сбой с оплатой по кредитке, было немало. Остается только удивляться, почему я раньше не акцентировала внимание на системе в поведении Севы.

Глава 18

В девять утра меня разбудил звонок Костина.

– Яд медузы, обнаруженный в организме Ковалевой, использует только фирма, выпускающая «Кобратин», – сказал он, – более никто. В объединении есть лаборатория, они там ведут научные изыскания.

– Больше в Москве отравы нигде нет? – уточнила я.

– В России, – поправил Вовка. – Только в объединении «Пешка».

– Странное название, – удивилась я.

– Фамилия владельца предприятия Пешков, – пояснил приятель. – Олег Григорьевич владеет лицензией на использование этого вида медуз. Поскольку в доме Жеки «Кобратин» не обнаружен и, судя по медкарте, у нее не было никаких заболеваний, требующих его применения, я предлагаю порыться в «Пешке».

– Отличная идея, – почему-то разозлилась я. – Сейчас помчусь к Олегу Григорьевичу и спрошу: «Мил-человек, не ты ли отравил Евгению Ковалеву? Что она тебе плохого сделала?»

– Ты не выпалась! – констатировал Вовка. – Лампа, ты делаешься немотивированно раздраженной, если не продрыхла десять часов подряд.

– Извини, – сказала я, – вообще-то я злюсь исключительно на себя. Частенько заглядывала к Жеке и, что греха таить, недолюбливала Севу. Мне он почему-то всегда казался вруном. Но я и предположить не могла, что он лжет на каждом шагу. Всеволод обманывал и родителей, и приятелей, прикидывался хорошо зарабатывающим человеком, а в действительности нигде не служил, только развлекался в клубе, затевал мимолетные интрижки со школьницами, изображал перед наивными девочками олигарха, хвастался не своими машинами, врал, врал, врал. Вероятно, кого-то его ложь допекла, и этот человек решил убить его. Или Сева взял в долг большую сумму, не смог отдать и был наказан. Возможна и месть родственников обиженной им девочки. Беда пришла в дом не из-за Жеки.

– Надо отработать все версии, – остановил меня Костин, – у нас есть надежда на выздоровление Севы. Я звонил в клинику, мне сообщили об улучшении его состояния.

– Сомневаюсь, что он пойдет на откровенность, – фыркнула я.

– Если тебя пытались убить, то ты захочешь наказать человека, покусившегося на твою жизнь, – возразил Вовка. – Вернемся к Жеке. Яд обнаружен только в ее крови. Анализ Всеволода показал кокаин.

– Еще и наркотики! – воскликнула я. – Здорово! Получается, что бедная мать совершенно ничего не знала о милом сыночке. Она считала его хорошим мальчиком, работающим, талантливым, радовалась, что тот не курит, практически не употребляет алкоголь. Правда, как я выяснила, Жека знала о сексуальных подвигах сынули, давала кое-кому из его многочисленных девочек деньги, чтобы нейтрализовать пикантные ситуации. Но, полагаю, в душе она гордилась Севой, который вырос настоящим мачо, обожал женский пол. Согласись, в наше время мужчины нормальной ориентации встречаются все реже.

– Глупости, – буркнул Вовка, – у нас на службе голубых нет. Шоубиз, мир моды, театра – там, вероятно, много странных парней, и о них часто пишут журналисты. Но в конторах, на заводах, в учреждениях работают обычные мужики. Хватит обсуждать ерунду, давай копать с разных сторон. У нас два направления: Всеволод и Женя. Кто-то решил убрать парня, перерезал ему горло, подумал, что он умер, и убежал. А мать, обнаружив сына в крови, выпрыгнула из окна. Обращаю твое внимание на то, что Ковалева из-за наличия яда в организме стала неадекватной. Думаю, иначе она бы догадалась вызвать врачей. Следовательно, в кончине Жеки виноват тот, кто ее травил. Да, Ковалева сама шагнула с подоконника вниз, но суицид

спровоцировал токсин, под его влиянием она не смогла трезво оценить ситуацию.

– Трудно сохранить холодную голову при виде любимого сына в луже крови, – вздохнула я. – Севе невероятно повезло, при таких ранениях человек, как правило, быстро погибает.

Костин не замедлил меня перебить:

– Убийца не повредил крупные сосуды, он полоснул клинком по шее, потекла кровь, но вена и артерия остались целы. Киллер не профессионал.

– Повезло Севе, – повторила я.

– Но только не Жеке, чей мозг находился под воздействием яда, – добавил Володя. – Есть второй вариант. Одурманенная токсином Ковалева напала на сына, ранила его и покончила с собой. Но давай временно отвлечемся от того, почему и кто напал на Всеволода, ведь если б не яд, Жека не стала бы бросаться из окна. Вспомни, травили только ее. Насколько я знаю, она не тот человек, который станет нападать с кулаками на окружающих.

– Жека всегда была сдержанной, – грустно подтвердила я. – Во многом благодаря своему характеру она сумела превратить школу в успешное заведение. Ковалева никогда не принимала в расчет сплетни и спокойно говорила всем, кто пытался распространять в коллективе слухи: «Меня волнуют исключительно рабочие вопросы. Кто что о ком сказал, кто на кого как посмотрел, мне неинтересно».

Большинство сотрудников делали правильные выводы и прекращали досужие разговоры, но порой в гимназии появлялись люди, любившие чесать языками. И тогда Ковалева поступала жестко: она увольняла сплетников. С родителями она была крайне вежлива, но со всей определенностью объясняла им: «У нас высокие требования к детям, в особенности к их моральным качествам. Если ученик плохо усваивает материал, мы всегда ему поможем, организуем дополнительные занятия и добьемся хорошей успеваемости. Но если увидим, что школьник хвастается материальным положением родителей, демонстрирует барство, устраивает в классе дедовщину, то мы расстанемся с ним без промедления. Употребление наркотиков, курение, грубость, хамство у нас неприемлемо».

И Ковалева на самом деле отчисляла паршивых овец. В ее гимназии царит обстановка образцовой, подчеркиваю, образцовой советской школы.

– Следовательно, мы имеем довольно большой список обиженных, – остановил меня Вовка. – Дело за малым – установить фамилии уволенных учителей, отчисленных учеников и понять, кто из них или членов их семей имел доступ к яду медуз. Ну, допустим, Ковалева попросила из гимназии мальчика N, а его тетя-дядя-мама-бабушка трудятся в лаборатории, где разработали «Кобратин».

Я приуныла.

– Или у мамочки того самого N на фирме работает подруга, соседка. Может, кто-то из научно-производственного объединения приторговывает ядом? Представляешь, какую нужно провести работу? Придется проверить каждого человека, имеющего доступ к токсину, и не забыть тех, кто уволился. Нельзя исключить вероятность, что яд украден или куплен давно, просто лежал у преступника в укромном месте, ждал своего часа.

– Никто не обещал легкого пути, – бодро заявил Вовка. – Но есть и хорошая новость. В лаборатории работает всего двадцать девять человек.

– О господи, – вздохнула я. – Если учесть, что у каждого примерно по три родственника и человек пять друзей, то...

– Предлагаю не поднимать шума, – перебил меня Вовка, – пусть отравитель думает, что его идея с токсином никому не известна. Ты поедешь на предприятие как журналистка. Корреспонденту охотно расскажут о работе, о людях, глядишь, всплывет интересующая нас информация.

– Извини, но мы до сих пор не определились, кого хотели устранить, а кто случайная жертва, – напомнила я. – Сева или Жека?

– Кого травили? – задал вопрос Вовка.

– Судя по личностным характеристикам, Всеволод более подходит на роль объекта убийства, – не сдалась я, – он неупорядоченный человек. Давай я поработаю в его направлении.

Но заставить Костина изменить свое мнение вообще трудно, а сейчас он особенно заупрямился.

– Лучше смотайся в лабораторию. Я договорился с их ученым секретарем, Варварой Павловной Пискуновой, дама готова ввести корреспондента в курс дела. Не вздумай назвать ее секретаршей! Варвара Павловна – доктор наук.

– Мне известна разница между обычной секретаршей и человеком, чья должность называется «ученый секретарь», – перебила я Костина, – диктуй адрес.

Варвара Павловна встретила «журналистку» с распростертыми объятиями и начала тараторить без остановки. Наверное, настоящий корреспондент испытал бы огромную радость, встретив на своем пути такого информатора. Никаких наводящих вопросов тетушке задавать не потребовалось. Она ничего не скрывала, правда, говорила одно хорошее, ни одного слова критики не произнесла.

Через полчаса у меня появились первые признаки морской болезни, а Пискунова продолжала петь хвалебную оду лаборатории. Вкратце ее речь состояла в следующем:

– Гомеопатия способна вылечить все. Природа заготовила для человека лекарства от всех болезней. Яд медузы гениален. Коллектив, создавший «Кобратин», гениален, хозяин предприятия, Олег Григорьевич, гениален. Люди, которые покупают мазь, гениальны. Сейчас в научном объединении создают новое средство, оно гениально.

Монолог прерывали сотрудники, которые без стука вваливались в кабинет ученого секретаря и говорили:

– Варя, подпиши заявку. – Или: – Варвара, поставь закорючку.

Пискунова не глядя черкала ручкой и радостно восклицала:

– Знакомься, Таня (Маша, Катя, Коля, Сережа), к нам журналистка пришла, пишет о лаборатории статью. Евлампия, разрешите представить вам Таню (Машу, Катю, Колю, Сережу), нашего сотрудника, гениального человека!

В конце концов я не выдержала и, когда очередной «гений» покинул кабинет, спросила:

– Неужели вы целый день возитесь с документами? Я думала, человек вашего ранга занят исключительно научной работой.

– Ерунда! – беспечно махнула рукой Варвара. – Мне совсем не трудно расписаться. Лаборатория работает с ядами, склад не выдаст сотруднику отравляющие вещества просто так, они дорогие, почти все закупается за границей, необходима отчетность!

– А еще ядом можно убить! – прямым текстом заявила я.

Варвара заморгала.

– Исключено. У нас опытные сотрудники, отлично понимают, с чем имеют дело. Прежде чем остановиться на медузах, мы занимались жабами, летучими мышами, змеями. Среди этих представителей фауны встречаются весьма опасные экземпляры. Мы тщательно соблюдаем необходимые меры предосторожности. За все время существования лаборатории мы не имели ни одного несчастного случая. Почему? Олег Григорьевич гениален! Сотрудники получили лучшие средства защиты, начиная от многослойных гениальных перчаток до гениальных анализаторов воздуха.

– Я имела в виду другое, – вкрадчиво промурлыкала я. – Вы не изучали внимательно заявку, не спрашивали у коллеги: зачем тебе столько граммов яда?

Варвара всплеснула руками.

– А смысл? У меня голова лопнет, если начну во все влезать. Я координирую работу в целом, смотрю на конечный результат. А уж как человек к нему шел, его дело. Я полностью в курсе лишь собственных изысканий.

– Значит, если я принесу вам бланк с просьбой выделить мне десять граммов токсина медузы, вы его подпишете не задумываясь? – бесцеремонно осведомилась я. – Не спросите: моя дорогая, не многовато ли?

Пискунова рассмеялась.

– Вам ничего не подмахну, вы не умеете работать с ядами. А своим – с дорогой душой. У нас не принято лезть в творческий процесс коллеги. Все сотрудники гениальны! Неприлично задавать вопрос вроде того, что вы озвучили.

– Получается, что яды не учитываются, – подвела я итог.

– Глупости! – вспыхнула ученый секретарь. – У нас строжайшая отчетность. Допустим, Оля Михайлова взяла два грамма. За рабочий день она их использовала и составила бумагу, из которой становится ясно: две меры отпущены со склада и израсходованы.

– На что? – поинтересовалась я. – Куда подевалась отравка?

Варвара чуть склонила голову.

– На исследование. Эксперимент. Научный поиск. Если потребуется, можно посмотреть лабораторные записи.

Я мрачно кивала в такт речам дамы. Вот вам и безупречный контроль. На первый взгляд в объединении идеально ведут дела, склад выдает токсин исключительно по требованию, подписанному Пискуновой. Вот только Варвара не проверяет цифр, подмахивает бланки обеими руками.

– Не бойтесь, что кто-нибудь утаит немного опасного средства и использует его в преступных целях? – спросила я в разгар ее монолога.

Варвара поперхнулась словами.

– Создадут новую, гениальную разработку и продадут ее конкурентам? Это невозможно! Мы одна семья, знаем друг друга не один год. Предателей среди нас нет!

– Я говорю не о промышленном шпионаже, – усмехнулась я, – об элементарной уголовщине. Отлили отравы и угостили тещу.

Пискунова подпрыгнула в кресле.

– Надо же сочинить такое! Мы ученые! Борджиа тут не работают. Все сотрудники думают исключительно о новых лекарственных средствах! Мы помогаем человеку, а не убиваем его. Экая глупость!

Глава 19

Варвара Павловна снова принялась петь хвалебные оды коллегам. Ее прервал очередной посетитель, приятный мужчина, который тоже вошел в кабинет с листком.

– Андрей Яковлевич! – обрадовалась Пискунова. – Как вы, дорогой наш?

– Спасибо, Варечка, – грустно ответил посетитель. – Держусь благодаря вам. Тамара Михайловна окружила меня такой заботой, что даже неудобно.

– Мы вас очень любим! – заверила Пискунова и повернулась ко мне. – Евлампия, разрешите представить вам удивительного человека, Андрея Воронкова. У Андрея Яковлевича оригинальное хобби, он шьет обувь. Благодаря его золотым рукам мы ходим в шикарных туфлях. Вот, хочу похвастаться, получила на свой день рождения.

Варвара выставила из-за стола ногу, я увидела на ней ярко-красную туфельку, простую, но очень элегантную.

– Вы мастерите такую красоту? – удивилась я.

– Ерунда, – смущенно ответил Воронков, – дед мой был сапожник, я у него частенько в мастерской сидел в детстве, ремеслу обучался и, честно признаюсь, мечтал шить туфли. Но родители и слышать не хотели, что их сын будет тачать ботинки, поэтому заставили меня получить высшее образование.

– К счастью для людей, которым нужна хорошая гомеопатия, – тут же сорокой застрекотала Варвара, – Андрей Яковлевич гениальный ученый!

– Варюша, не конфузь меня, – попросил тот, – я самый обычный человек.

– Перед вами автор мази «Кобратин», – не сдала своих позиций Пискунова. – Гениальное средство разрабатывала группа ученых под руководством гениального кандидата наук Воронкова. Андрей, миллионы людей говорят тебе каждый день «Спасибо!».

– Ну, пожалуйста, Варенька, – поморщился ученый, – я чувствую себя неловко от излишних похвал. Я среднего полета специалист. Вот туфельки мне удаются. Извините, побегу, в лаборатории центрифуга работает.

Андрей Яковлевич поклонился и ушел.

– Ах, как мне его жаль, – с чувством произнесла Пискунова, когда Воронков исчез за дверью, – никак не оправится. И при взгляде на Тамару сердце кровью обливается. Но что тут поделать? Трагедия.

Не успела я проявить интерес, как Варвара Павловна вытащила из стола большой альбом, перелистала страницы и указала на одну фотографию.

– Узнаете?

Снимок запечатлел пару молодоженов, мужчину и женщину. Андрей Яковлевич, одетый в темный костюм, белую рубашку и галстук, держал под руку высокую стройную девушку в голубом платье, фате и с букетом тюльпанов в руках. По бокам от новобрачных виднелись радостные лица друзей.

– Не так давно мы отмечали свадьбу Андрюши и Жанны, – печально сказала Варвара, – я тост произнесла, пожелала им долгой счастливой жизни. Но очень скоро... Ой, просто шекспировская трагедия. Сбылось предсказание бабушки Жанны. Жена Воронкова покончила с собой. На Тамару было страшно смотреть. Жанночку положили в гроб одетой, как на бракосочетании, Тома хотела, чтобы она ушла в мир иной прекрасной, в платье, которое ей лаборатория подарила, и в туфельках, сшитых Андреем. Воронков любовно мастерил лодочки, получились прямо черевички, как у Гоголя. Помните «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Кузнец Вакула просит у царицы ботиночки для любимой.

Только после этой фразы я перестала разглядывать людей на снимке и обратила внимание на туфельки невесты: серо-голубые, с брошкой-бантиком из разноцветных камушков на мыске.

– Их сделал Воронков? – удивилась я. – У моей подруги точь-в-точь такие, произведены фирмой «Яковини». Очень дорогие, эксклюзивные. Ученый секретарь засмеялась.

– Подружка была с вами неоткровенна, а вы понятия не имеете, что она знакома с нашим Воронковым. Яковини – это Андрей Яковлевич. Он так в шутку свои изделия помечает.

– Кандидат наук, ученый, шьет обувь на продажу? – засомневалась я.

– Воронков ни копейки с людей не берет, – отвергла мое предположение Варвара. – Дарит обувь. Полагаю, она ему дорого обходится, Андрей использует только натуральные материалы. Я считала его увлечение ерундой. Какой смысл в индивидуально сделанных шпильках, если в магазинах сейчас богатый выбор? Но наши сотрудницы за Андрюшей табуном ходили и мне, закатив глаза, о невероятно удобных туфлях докладывали. Кончилось тем, что я тоже попросила себе пару изготовить и теперь понимаю: Воронков маг, чудодей, колдун. В его обуви не ходят, а парят. Ну почему с ним трагедия случилась? За что? Он гениален!

Я не успела ответить на этот вопрос, Варвара Павловна выхватила из альбома еще одну фотографию, на которой была запечатлена пара молодоженов, одетых в темные костюмы, белую рубашку и галстук, и высокую стройную девушку в голубом платье, фате и с букетом тюльпанов в руках. По бокам от новобрачных виднелись радостные лица друзей.

ля не отрываясь смотрела на нога новаторской. Варвара Павловна получила возможность говорить без умолку и погрела меня под лавиной информации.

Андрей Яковлевич работает на предприятии со дня его основания. Воронков скромный, воспитанный человек, его жизнь крутится вокруг службы, а минуты досуга, как уже говорилось выше, он посвящает шитью обуви. Родители его умерли, семьи ученый не имел. Пять лет назад на фирму пришла перспективная сотрудница Тамара Михайловна Кислова. Очень скоро всем стало понятно: женщине нравится Воронков. Всем, кроме самого Андрея Яковлевича.

Чтобы привлечь внимание Воронкова, Тамара старалась, как могла. Она приносила коллегам домашние пирожки, пирожные, торты, соленья. Коллектив ел и нахваливал Кислову. Народ понимал: милая, бездетная, хозяйственная Тамарочка станет замечательной супругой, именно такой, какая необходима Андрею. Они были созданы друг для друга, но Воронков не обращал внимания на Тому. Нет, он хвалил кулинарные таланты коллеги, восхищался ими, с удовольствием лакомился плюшками, но никаких шагов к сближению не делал.

Сообразив, что самозабвенная хозяйка Воронкову неинтересна, Тамара мудро сменила тактику. Продолжая баловать сотрудников вкуснятиной, она стала помогать избраннику в работе и довольно скоро превратилась в правую руку Воронкова. Впрочем, это сравнение не совсем правильно. Томочка избавила Андрюшу от всех проблем. Между ними возникла крепкая дружба. Без Кисловой Андрюша не мог вспомнить, где лежит его ежедневник и что к ужину следует купить хлеб. Тамара стала нянькой ученого, домработницей, личным поваром, секретарем, но не любовницей. Андрей относился к ней как к сестре. Сотрудники лаборатории поголовно болели за Тамару, безостановочно хвалили ее, если рядом материализовывался Воронков. Даже сам Олег Григорьевич как-то раз сказал:

– Андрюша, нехорошо холостяковать, оглянься вокруг, посмотри внимательно на женщин. Например, на Кислову. Чем тебе не супруга?

– Ну что вы, Олег, – смутился ученый, – какой из меня муж? Я не приспособлен к семейной жизни. С Тамарой у нас великолепные товарищеские отношения, зачем их рушить глупостями?

В конце концов ситуация законсервировалась и не сдвигалась с мертвой точки. А потом в коллективе появилась лаборантка Жанна, и Андрей Яковлевич пал жертвой амура.

Когда Варвара поняла, что Воронков влюбился, она откровенно изумилась. Жанна не отличалась ни умом, ни красотой, ни талантом. Скромная серая мышка, которая не пыталась понравиться ни коллегам, ни начальству, Жанна четко исполняла служебные обязанности и без задержки уносила домой, где ее ждала кошка – единственное близкое ей существо.

Первой о том, что Андрей живет с Жанной, догадалась все та же Варвара Павловна. Пискунова заметила на пиджаке Воронкова рыжую шерсть и поразилась:

– Андрей, у тебя же аллергия! Неужели ты завел домашнее животное? А что думает об этом Тамара?

– Я ее не спрашивал, – быстро сказал ученый и перевел беседу на иную тему.

Но Варвару трудно спихнуть с намеченной дороги. Пискунова пошла к Кисловой и без стеснения поинтересовалась:

– Андрюша купил собаку?

– Нет, – после небольшой заминки ответила Тома, – у него теперь кот.

– Ну и новость! – неодобрительно протянула Варвара. – У аллергика?

– Андрей таблетки принимает, – уточнила Кислова.

– Глупее не придумать, – разошлась Пискунова. – А ну как у него анафилактический шок случится? Ты должна потребовать убрать мурлыку!

– Жанна не согласилась без Маркиза переезжать, – еле слышно добавила Тома, – кот ей вместо семьи.

– Час от часу не легче! – всплеснула руками Варвара. – С какой радости лаборантка Воронкову кота подарила? Тамара, ты меня удивляешь! Зачем разрешила Андрею принять такой презент?

Тома стащила с рук резиновые перчатки.

– Жанна любит Маркиза, она без него никуда. Кот всегда с ней. Андрюша пьет лекарство, не стоит волноваться.

Только сейчас до Пискуновой дошел смысл услышанного. Новость показалась ей невероятной.

– Жанна и кот перебрались к Воронкову? – завопила Варвара. – Они живут вместе? А ты?

– Что я? – заморгала Тамара. – Мы с Андреем дружим по-прежнему.

За считанные минуты новость облетела лабораторию. Народ загудел, все осудили Жанну, ее называли захватчицей, предлагали выжить из коллектива, устроить нахалке бойкот. Одни демонстративно игнорировали лаборантку, другие, едва завидев Жанну, принимались вслух превозносить Тамару, но ни Воронков, ни его любовница, ни Кислова никаких комментариев не давали.

Мало-помалу в лаборатории привыкли, что Андрей и Жанна – пара, а Тома – их ближайшая подруга. Страсти улеглись, все ждали свадьбы. Но Воронков не спешил в загс. Варвара решила узнать, каковы планы ученого, и ничтоже сумняшеся спросила:

– Андрюша, нам на подарок скидываться?

Воронков неожиданно разоткровенничался:

– Три раза делал Жанне предложение, но она не желает оформлять отношения.

– Почему? – рассердилась Пискунова. – Надеется найти богатого мужа? Считает тебя недостойным?

– Конечно, нет, – печально ответил Андрей, – мы любим друг друга.

– Тогда в чем дело? – попыталась Пискунова. – Детей у вас от других браков нет, родители покойные, никто против вашего союза возражать не станет. В чем загвоздка?

– Давай перестанем обсуждать мои личные дела, – рассердился Воронков, – они никого, кроме нас с Жанной, не касаются.

Варвара примолкла, но долго язык за зубами у нее не держится, ученый секретарь по секрету рассказала о проблеме одной коллеге, второй, третьей...

Через пару недель к Варе заявилась Жанна – нагло, прямо домой. Вошла в прихожую, не сняла ни ботинок, ни пальто и без экивоков спросила:

– Вас очень интересуют подробности чужих отношений?

Варвара попыталась свести все дело к шутке, предложила гостье чаю, но Жанна продолжала:

– Я посоветовала Андрею сменить работу, понимая, что вы не отлипнете, начнете, как курица лапой, в нашей жизни ковыряться. Чтобы вы наконец-то утешились, расскажу правду. Очень много лет назад на мою прапрабабку наслали проклятие. Она увела чужого мужа, и первая жена того человека в гневе воскликнула: «Чтоб все бабы твоей фамилии до десятого колена личного счастья не имели. Как только выйдут замуж, сразу умрут!»

И с той поры так и получалось. Едва кто-то из женщин нашей семьи идет в загс, потом в короткий срок на тот свет уходит. Я в могилу не тороплюсь, поэтому не собирайте деньги нам на подарок к свадьбе.

– Глупости, – решила поспорить Варвара, которая, будучи ученой, исповедует материализм. – Кто тебе это рассказал?

– Тетка, – сурово ответила Жанна. – Моя мама скончалась через три дня после моего рождения. Они с мужем и года вместе не прожили.

Лаборантка хотела смутить Варвару. Наверное, Жанна полагала, что, узнав правду, Пискунова оставит влюбленных в покое. Но Варя мгновенно

поделилась новостью с окружающими. Жанна оказалась в непростом положении. С одной стороны, ей постоянно делал предложение руки и сердца Андрей, с другой – активизировались сотрудники лаборатории. Некоторые советовали заказать молебен в церкви, другие притаскивали адреса экстрасенсов, колдунов, бабок, способных снять порчу. Любой разговор в присутствии Жанны неизбежно скатывался к теме проклятия. В конце концов лаборантка не выдержала и принесла заявление об увольнении.

Варвара Павловна прочитала бумагу, заперла кабинет и спросила:

– Ты любишь Андрея?

– Очень, – подтвердила Жанна, – но благодаря вам житья мне в коллективе нет.

– Если бросишь работу, потеряешь Воронкова, – предостерегла Варя. – Вот ты на нас злишься, а ведь народ добра тебе желает. Если мужчина в загс зовет, надо соглашаться, иначе он передумает.

– Мне и в гражданском браке хорошо, – возразила Жанна. – И пока вы к нам не полезли, мы с Андрюшей жили счастливо.

– А потом тут новенькая сотрудница появится, – деловито объяснила Пискунова, – ты дома, она около Андрея, помогает ему в работе. И как? Не рискуй, соглашайся. Воронков человек чрезмерной порядочности, он от законной супруги не уйдет. Разговоры стихнут, будешь спокойно работать.

– После оформления отношений я умру, – горько сказала Жанна.

Варвара вышла из себя:

– Неужели не стыдно верить этим побасенкам? Небось твоя тетка боялась, что ты прямо со школьной скамьи бросишься под венец, поэтому запугала тебя. Ни на минуту не сомневаюсь: она придумала байку про семейное проклятие.

– И мама, и бабушка ушли на тот свет, едва родив ребенка, – ныла Жанна.

– Какова была причина их смерти? – догадалась поинтересоваться Пискунова.

– Порок сердца, – всхлипнула лаборантка. – Доктора запрещали им беременеть, но семьи без детей не бывает!

– При чем тогда порча? – скривилась Варвара. – Не разрешил врач иметь потомства, и не надо. У тебя как с сердечно-сосудистой системой?

– Проблем нет, – призналась Жанна. – Считаете, можно сыграть свадьбу?

– Конечно, – кивнула Варвара, – да поскорей, пока Андрей не передумал.

– Он меня любит, – вдруг похвасталась Жанна, – туфли очень красивые сшил, взял за образец башмачки из кинофильма про фею, точь-в-точь их повторил.

– Вот видишь! – обрадовалась Пискунова. – Не глупи.

На следующий день пара отнесла заявление в загс, через несколько месяцев сыграли свадьбу, веселились в ресторане. Тамара стала свидетелем со стороны жениха, Варю, в знак примирения, сделали подружкой невесты. Новобрачная в красивом платье и сшитых руками жениха туфельках была очаровательна. Все желали Андрею и Жанне долгих счастливых совместных лет жизни, детей и внуков. Но до рождения младенца дело не дошло. В конце мая этого года Жанна заболела, а в середине июля скончалась.

Глава 20

Покинув кабинет говорливой Пискуновой, я соединилась с Костиным и попросила:

– Выясни, что случилось с Жанной, женой Андрея Яковлевича Воронкова. Он работает в лаборатории, Жанна служила там же.

– Учитывая научно-технический прогресс, ответ выдам почти мгновенно, – пообещал Костин. – Нашел! Жанна Алексеевна Зорькина после свадьбы взяла фамилию супруга, да, она погибла, перебегая дорогу, и...

Связь оборвалась, договорить Костин не успел.

– Спасибо, – вздохнула я и пошла к машине.

Поездка в квартиру Ковалевой и возвращение в лабораторию заняли больше двух часов. Мне не хотелось сталкиваться с Варварой, поэтому я позвонила секретарше офиса, попросила:

– Соедините меня с Воронковым.

И спустя пару мгновений услышала:

– Слушаю.

Андрей Яковлевич совершенно спокойно согласился на встречу в кафе и через четверть часа пришел в небольшое заведение, открытое в соседнем с лабораторией доме.

– Надеюсь, вы не представитель желтой прессы, не напишете глупостей? – поинтересовался ученый. – Хотя чем я могу привлечь внимание папарацци? Я не знаменитость.

Я вынула свое настоящее рабочее удостоверение, не раскрывая бордовой книжечки, показала ее Воронкову и осторожно сказала:

– Вы кажетесь мне человеком, который, в отличие от госпожи Пискуновой, не страдает недержанием речи. Я расследую убийство, след привел в вашу лабораторию. Извините, придется задать вам несколько вопросов, некоторые покажутся бестактными.

– Меня трудно смутить, – с непроницаемым выражением лица отозвался Воронков, – начинайте.

Я решила не тратить времени на ненужные разговоры.

– Ваша жена стала жертвой ДТП?

Андрей молча взял чашку, отхлебнул кофе и коротко ответил:

– Да.

– Жанна погибла под колесами грузовика? – уточнила я.

Воронков протянул руку к сахарнице и отдернул ее.

– Полагаю, вы все равно узнаете правду. Да, Жанну сбил самосвал. Но я просил не наказывать шофера.

– Ну и ну! – воскликнула я. – Странное решение для человека, который внезапно потерял жену.

Андрей Яковлевич хрустнул пальцами.

– Водитель не виноват. Почитайте дело, я уверен, в архиве оно есть. Там показания свидетелей, их трое, девушки-студентки шли с занятий, остановились на светофоре возле Жанны. Моя жена повернулась к одной из них и заявила: «Времени нет. Если вас спросят, скажите, я так решила сама. Не хочу превратиться в чудовище».

И бросилась прямо под колеса многотонной машины.

К сожалению, чтобы докопаться до правды, подчас приходится быть бесцеремонной.

– Жанна покончила с собой? По какой причине? Вы недавно сыграли свадьбу, были, наверное, счастливы.

Воронков посмотрел на часы.

– Верно. Вопрос «Почему это случилось с ней?» я задаю себе теперь много раз на дню. Ответа нет. Вернее, тот, что есть, мне совсем не нравится. У

супруги через несколько дней после свадьбы стало развиваться психическое заболевание.

– Жанна сошла с ума? – напряглась я.

Андрей чуть отодвинул свой стул от стола.

– Вначале мне показалось, что она очень напугана. Жанна несколько раз отказывалась идти в загс. Я буквально уломал ее. К сожалению, тетка, воспитавшая ее, не отличалась особым умом. Она постоянно рассказывала девочке о проклятии, которое якобы висит над женщинами их рода. И мать, и бабушка Жанны скончались в молодом возрасте, но на то имелась объективная причина – порок сердца. У Жанны же было отменное здоровье. Однако она боялась порчи, наведенной в прошлых веках. С огромным трудом мне удалось уговорить ее оформить отношения. Я хотел ребенка и считаю, что дети должны появляться на свет в законном браке.

Спустя неделю после свадьбы Жанна стала меняться, причем не в лучшую сторону. Спокойная, милая женщина принялась скандалить по каждому поводу.

Андрей Яковлевич подался чуть вперед.

– Когда она впервые заорала, я ошел. Не ожидал столь бурной базарной реакции. Повод для ссоры был ничтожный, речь шла о сущей ерунде – едем мы в гости на собственной машине или заказываем такси.

Воронков сложил руки на столе. Внешне он казался спокойным, голос его звучал размеренно, даже бесстрастно, но на шее, чуть ниже подбородка, сильно пульсировала вена. А еще мне показалось, что я уже слышала похожий рассказ. Правда, в нем речь шла о других событиях, но некоторые детали совпадали полностью.

До того дня у Андрея не было повода упрекнуть любимую в истеричном или нервозном поведении. Наоборот, Жанна всегда реагировала на раздражители спокойно, разумно, не впадала в гнев по пустякам. Если на работе не удавался эксперимент, она говорила:

– Значит, сегодня день такой. Завтра все получится.

Собственно говоря, незлобивый характер Жанны и привлек к ней Воронкова.

Она не умела управлять машиной и не имела автомобиля. Андрей не пьяница, но иногда ему хотелось выпить бокал вина, поэтому, собираясь в гости или в ресторан, он вызывал такси. Жанна никогда не возражала. Представьте удивление Воронкова, когда его супруга вдруг побагровела, затопала ногами и заорала:

– Не сяду в старую, заплеванную тачку!

Сначала Андрей попытался урезонить жену, сказал:

– Я всегда обращаюсь в одну компанию, там приличные автомобили, новые, комфортабельные, шоферы трезвые.

Но в Жанну словно бес вселился, Андрей внезапно выяснил, что у его молодой жены может появиться визгливый тон голоса и она владеет базарным лексиконом. А еще тихая Жанночка швыряла на пол посуду.

В тот день они никуда не пошли. Супруга заперлась в ванной, Андрей в полном недоумении сел за компьютер.

Спустя четверть часа Жанна с видом побитой собаки возникла в комнате и зашептала:

– Прости. Не понимаю, что случилось. Это не я кричала! Я так не умею!

Воронков обнял супругу.

– Нормальное состояние человека, который пережил стресс. Свадьба непростое событие, а из-за вашей семейной истории тебя она травмировала.

Предлагаю укатить на недельку к морю.

Жанна заплакала.

– Ты лучший муж на свете.

В пятницу Андрей полазил по Интернету и крикнул:

– Жаннуль, иди сюда!

– Сейчас, только тарелки в посудомойку запихну, – мирно ответила она.

В кабинет Жанна вошла минут через десять, Андрей услышал ее шаги и, не отрываясь от монитора, заговорил:

– Есть пара хороших отелей в Египте, страна недорогая, лететь близко и...

– Да пошел ты! – завизжала Жанна, сметая на пол рабочие бумаги супруга.

Андрей вскочил, а жена начала бесноваться. На сей раз скандал продолжался дольше, Жанну в конце концов стошнило на ковер. Испуганный Воронков вызвал «Скорую помощь».

Когда медики приехали, Жанна рыдала на диване. Пожилой врач померил ей давление. Оно оказалось высоким, но не угрожающим.

– Мы недавно поженились, – растерянно лепетал Воронков, – все было хорошо, и вдруг припадки. Это уже второй.

– Купите тест на беременность, – посоветовал доктор, – может, прибавления ждете, гормоны шалят. Не дадите мне стакан воды?

Андрей отвел врача на кухню и там продолжил беседу.

– Мы жили долго в гражданском браке, малыша планируем, но чуть позднее, пока предохраняемся.

Врач посмотрел на дверь.

– Знаешь, я три раза женился, – по-свойски сказал он, – и понял: как только отведешь бабу в загс, все, наутро она другой человек. Куда девается заботливая женщина, с которой ты дружно жил? Почему они, заполучив штамп в паспорте, звереют? Фиг знает. Но мои жены как под копирку оказались. Сначала сладкие персики, а после криков «горько» – жгучая крапива. Если в жене все прекрасно, то это, мужик, не твоя жена, а чужая. Сейчас я живу без регистрации и купаюсь в заботе. Возьми на заметку мой опыт. Пока твоя орет просто так, из капризности. Но скоро примется денег требовать, свою мамашу тебе на шею посадит. Беги прочь, пока на каждом плече по спиногрызу не висит.

– Жанна не такая, – без особой уверенности возразил Воронков.

– Все такие! – подытожил врач. – Исключений нет.

Мрачного пессимиста из «Скорой помощи» Андрей никак не мог забыть, потому что Жанна теперь стала впадать в ярость чуть ли не ежедневно.

Приступ наступал внезапно. Он мог случиться на улице. Один раз Жанна изо всех сил толкнула маленького ребенка, Андрей едва умаслил разъяренную мать. Потом Жанна ни с того ни с сего напала на Томочку, которая пришла в гости. Лучше не повторять слов, которые орала Жанна.

Когда она выдохлась и умчалась из комнаты, Тамара потрясла головой.

– Давно с ней такое? – спросила она.

– Практически со дня свадьбы, – мрачно сказал ученый.

– Покажи бедняжку психиатру, – посоветовала Тома.

В ту же секунду Жанна с воплем:

– Я не сумасшедшая, а ты убирайся из нашего дома! – вновь влетела в гостиную.

Андрей не успел отреагировать, Жанна вцепилась Тамаре в волосы, зарычала, как подстреленный медведь, повалила Кислову на ковер, села на нее верхом и начала пугать ее по голове. Успокоить разбесившуюся жену ученый смог лишь вылив на нее таз холодной воды.

вскрикнув и начав лупить ее по голове. Воронков восторгившись жену ухватил за плечи, лишь вывалив на пол на холодную воду.

Едва он окатил Жанну, она лишилась чувств. Андрей не знал, что предпринять: то ли кидаться к супруге, то ли помочь Тамаре, лицо которой буквально на глазах распухло. Ситуацию взяла под контроль избитая Кислова. Она встала и велела Андрею:

– Сунь Жанне под голову подушку, накрой ее пледом, пусть спокойно полежит.

– Что это было? – в ужасе спросил Воронков.

Тамара опустила глаза.

– Ну... вероятно... стресс... впрочем, Андрюш, я всегда говорю тебе правду и сейчас не стану лукавить. Жанна больна психически, ей срочно необходима помощь хорошего специалиста. Мой тебе совет, заведи ее с работы, пока она там бенц не устроила. Я распушу слух, что она беременна, будто ее положили на сохранение. Обычная ситуация, долго обсуждать ее не станут.

– Пройдет время, люди начнут спрашивать, где ребенок, – вздохнул Андрей, идя за Кисловой на кухню.

Тамара взяла из ящика салфетку, намочила ее в холодной воде и приложила к быстро проявлявшемуся синяку на скуле.

– Ну, можно будет наврать про выкидыш или мертворожденного. Девять месяцев большой срок, вероятно, специалисты смогут реабилитировать Жанну. В лабораторию ей, на мой взгляд, ни под каким видом возвращаться не следует. Любопытных я заткну, народ у нас обожает языки почесать, но гарантирую, к тебе никто с вопросами не полезет. Будут потом изредка говорить: «Как Жанна? Передавай ей привет». Если человек хочет соблести тайну, он сможет. Ты же знал, на что идешь, и я тебя уважаю: не всякий согласится связать свою судьбу с женщиной, если он в курсе ужасной правды о ее семье.

Андрей изумленно посмотрел на подругу.

– О чем ты?

Тома отступила к окну.

– Извини, придется признаться в не очень красивом поступке. Я давно заметила у Жанны странности. Она подчас выдавала неадекватные реакции. Когда у вас сложились серьезные отношения, я решила узнать немного больше о семье лаборантки. Мною двигало не простое любопытство, а желание понять, будешь ли ты счастлив. Когда открылась истина, я откровенно спросила у Жанны: «Ты считаешь возможным оформить брак с Андреем? Рискнешь, учитывая свою семейную историю, родить ему ребенка?»

Она ответила: «Нет. Мне очень хорошо с Воронковым, но я не имею права играть свадьбу».

А потом, когда вы подали заявление в загс, Жанна мне позвонила и заявила: «Тамара, я рассказала Андрюше свою семейную сагу, она его не испугала. Очень надеюсь, что ты не станешь лезть сапогами в наши души. Чужая семья – это чужая семья. Да, ты лучший друг Андрея и оставайся им, не делайся врагом. Некрасиво ковыряться в прошлом даже очень близких людей. Сделай одолжение, не вламывайся в нашу жизнь со своими советами и поучениями».

Почему ты молчишь? Жанна же сообщила тебе о том, что случилось с ее бабкой и матерью?

– Женщины скончались в молодом возрасте вскоре после родов, у них был порок сердца, – ответил Андрей.

На лице Тамары появилось выражение изумления.

– Это тебе Жанна напела?

Воронков кивнул.

– Больше некому. А что?

Тома сделала глубокий вдох, как человек, собравшийся прыгнуть в ледяную воду, и отчеканила:

– Андрей! И бабка, и мать Жанны закончили свои дни в сумасшедшем доме, куда их поместили мужья. В семье твоей супруги генетически наследуемое, передаваемое по женской линии безумие.

Глава 21

Андрей потер шею.

– Понимаете мои чувства?

– Наверное, нет, – ответила я. – Вы спросили у Жанны, почему она вас обманула?

Воронков кивнул.

– Наутро у нас состоялся очень трудный разговор. Я был жесток. Понимаете, болезнь супруги меня не пугала, хотя, конечно, я понимал, что перспектива у нее не очень радостная. Но меня возмутила ложь. Негоже начинать совместную жизнь с обмана. Я всегда думал, что основа прочного брака – это откровенность и доверие. Я не приемлю вранья.

– Есть вещи, о которых не хочется рассказывать даже самому близкому человеку, – возразила я.

– Неправда, – резко воскликнул Андрей, – значит, он тебе не близок. Сию простую мысль я и попытался донести до Жанны. Но продуктивной беседы не получилось. Она плакала, твердила про порок сердца. В конце концов мне пришлось показать ей копии историй болезни, которые раздобыла Тамара. Тогда Жанна присмирела и замолчала. Я ей еще раз сказал: «Заболеть может каждый, лечиться не стыдно, есть препараты, которые помогают человеку существовать в стабильном состоянии. Но, единожды солгав, кто тебе поверит? Теперь я буду вынужден проверять любые твои слова. Между нами что-то разрушилось».

Жанна не проронила ни слова, пару дней вела себя тихо, старалась лишней раз не подходить к Андрею. В четверг она сказала, что больна, осталась дома, Воронков уехал в лабораторию. Около трех часов дня ему пришло от Жанны голосовое сообщение...

Андрей Яковлевич прервался, достал из кармана телефон, положил на стол, нажал на кнопку, и я услышала усталый печальный голос:

– Милый, я никогда не видела ни бабушку, ни маму. Они, как мне говорила тетка, умерли молодыми. Она же сообщила о проклятии, наложенном на нашу семью, и о том, что мне не следует выходить замуж и рожать детей. Где похоронена моя бабка, я понятия не имею, а могила мамы находится в Барнауле. Там она очутилась сразу после свадьбы вместе со своим мужем-военнослужащим. Когда мать умерла, тетка привезла меня в Москву. Что случилось с моим отцом, почему он не захотел воспитывать дочь, я понятия не имею. Я его не помню, не общалась с ним, алиментов он не присылал. Я никогда не сомневалась в словах тети, не проверяла обстоятельств кончины матери и бабки, не бывала в местах их захоронения. Я не обманывала тебя и до недавнего времени не сомневалась в правдивости тети, но сейчас во мне зародились подозрения. Может быть, она решила скрыть от меня правду? Как Тамара узнала про безумие? О нем ведь тебе сообщила она, больше некому. Значит, моя участь печальна. Сумасшествие прогрессирует, я не узнаю себя, не способна подавить вспышки ярости. Пройдет несколько месяцев, и я исчезну, появится озверелое животное, которое запрут в палате, посадят на цепь, будут лечить уколами. Я превращусь в страшную, распухшую от гормонов тетку и все равно никогда не вернусь к нормальной жизни. У нас не будет детей, счастья, мира и любви. Зная твою уникальную порядочность, я понимаю: ты не бросишь потерявшую человеческий образ супругу. Но я хочу, чтобы ты запомнил меня молодой и красивой. Андрюша, я очень тебя люблю и никогда не обманывала. Пожалуйста, в день похорон одень меня в свадебное платье и сшитые тобой туфли. Не надо зарывать гроб в землю, кремируй меня. Постарайся не переживать, у нас были счастливые времена.

Пожалуйста, не живи один, женись на Тамаре, она любит тебя. Я буду спокойна на небесах, зная, что ты не одинок.

Послышался тихий щелчок, Андрей накрыл телефон ладонью.

– Не могу стереть это сообщение. Кажется, если уничтожу запись, то окончательно и бесповоротно потеряю Жанну. А так она вроде еще жива. Тамара в курсе случившегося, она очень меня поддержала и ни единой душе не рассказала правду. В лаборатории считают, что произошел несчастный случай. В полиции прослушали запись и признали смерть жены самоубийством. Шофера, который задавил Жанну, не наказали. Это все.

– Понимаю, что сейчас вам очень тяжело, – тихо произнесла я, – но вынуждена попросить вас посмотреть на одни туфли.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Но зачем?

Я молча достала из пакета серо-голубые лодочки.

– Вам знакома эта пара?

Воронков отшатнулся.

– Да. Где вы их взяли? Невероятно! Это же... Я сшил эти туфли для Жанны. Она очень любила кинофильм «Фея-красавица», мне захотелось сделать ей сюрприз. Туфельки – точная копия обуви главной героини. Жанна мечтала быть похожей на добрую волшебницу. Она сохранила детское восприятие жизни, ее восхищение феей было искренним.

– Вы уверены, что это та самая пара? – уточнила я.

– Без сомнений, – отрезал Воронков. – Смотрите, на стельке золотыми буквами написано «Яковини». Я в шутку придумал название «бренда», идея пришла мне в голову очень давно, в девяностые годы. Тогда в России существовал полнейший дефицит всего. О науке позабыли, ученые голодали, я был молод, нуждался в деньгах, вот и начал шить обувь в заказ. Несколько лет тачал туфли и ботинки. Но в России штучные экземпляры не ценятся, нашим людям подавай нечто пусть некачественное, но с иностранным клеймом. Отсюда и «Яковини». Я шил лодочки, а потом продавал их, беззастенчиво привирая про несуществующего итальянца. Мало-помалу российский рынок стабилизировался, необходимость подрабатывать сапожником отпала, но хобби осталось. Поинтересуйтесь у моих коллег. Я делаю женщинам на дни рождения босоножки, ботильоны, туфли, кто что попросит. Года три назад мне пришлось в голову шить сапожки с голенищем, напоминающим стеганое одеяло. А в прошлом сезоне точь-в-точь в такие сапоги весь мировой подиум обулся. Можно сказать, я предвосхитил тенденцию.

– Значит, эта пара сшита для Жанны? – вернула я Андрея Яковлевича к теме.

Воронков взял одну туфлю.

– Могу рассказать, как выбирал кожу, искал бусины для броши. Но лодочки слегка видоизменили, на подошву наклеена другая профилактика, темно-синяя. Я использую исключительно черную. И набойка на каблуке стальная, я ставлю другую, мне не нравится железка! Хорошо помню Жанну в гробу, она лежала в свадебном платье и этих туфлях. Я еще подумал: «Смерть пощадила жену, у покойных, как правило, распухают ноги, а у Жанны ступни остались узкими». Как туфли оказались у вас?

– Лодочки Жанны могла надеть другая женщина? – предвидя ответ, все же спросила я.

– У жены был стандартный тридцать восьмой размер, – сказал Андрей. – Но эти туфли не должны существовать! Они сгорели в печи крематория.

– Жанна часто надевала их? – продолжила я.

– В день свадьбы первый раз, – произнес Андрей, – потом практически целую неделю не снимала, нас постоянно звали в гости. Да, супруга активно носила туфельки.

– Странно, что они остались с виду совершенно новыми, – пробормотала я, – выглядят так, словно только что вышли из рук мастера.

Воронков неожиданно усмехнулся.

– Это мое ноу-хау, особая пропитка, которая сохраняет и внешнюю, и внутреннюю часть изделия нетронутой.

– Вы не пытались передать свое изобретение крупным производителям? Наверное, они с радостью купят его, – предположила я.

– Нет, это очень дорогое удовольствие, – не согласился Андрей, – я долго экспериментировал, пока подыскал нужные ингредиенты. Многие женщины носят обувь на босу ногу, в особенности в теплое время года или если у них вечернее платье длиной в пол. Можно обработать стельку консервантами, но, понимаете, на ступне находятся все важнейшие точки человеческого организма. Знай люди, как для их здоровья важны ноги, они бы ежедневно тщательно ухаживали за ними. Неудобная обувь, слишком высокий каблук или его полное отсутствие, узкий нос, плоский верх, туго впивающиеся в подъем ремешки – все окажет негативное воздействие на здоровье. У вас случаются мигрени?

– Иногда болит голова, – призналась я.

– Смените обувь, избавьтесь от излишне тесных, модных нынче ботиночек фасона а-ля «маленький Мук», – посоветовал Воронков, – они нарушают кровообращение в стопе и вызывают скачки давления. Почему во многих восточных странах популярен массаж ног? С его помощью налаживается функционирование всего тела. Устали? Хотите в разгар рабочего дня поспать? Думаете, если покемарите полчаса, проснетесь бодрячком? Нет, вам станет еще хуже. Для обретения ясности мышления советую сделать пятнадцать приседаний. Еще лучше походить босиком по насыпанной на пол гречневой крупе.

– Встать коленями на горох, – не удержалась я от ехидного замечания.

Но Андрей Яковлевич отреагировал на мои слова серьезно:

– Да, в мужских гимназиях царского времени существовала подобная практика. А в начале сороковых годов прошлого века ученые Великобритании доказали, что пятиминутный жесткий точечный массаж коленей способствует улучшению умственных способностей. Что же касается гречки... Ее зерно имеет острую форму, если использовать эту крупу в качестве массажера, то можно улучшить зрение, память, слух. Теперь о моей пропитке. Через поры кожи в человеческий организм могут поступать разные субстанции. Ну, допустим, составляющие части крема или масла. Многие женщины после душа ими пользуются. Настоятельно советую перед употреблением изучить состав того, чем вы собрались намазаться. Вполне возможно, что получите ударную дозу вредных красителей. Знаете, как в Средние века травили врагов? Наиболее распространенным способом у знати были пропитанные соком ядовитых растений чулки и перчатки.

Я спросила:

– Почему?

Воронков оживился:

– Капрона, нейлона, эластика не существовало. Нечто отдаленно напоминавшее современные колготки или лосины вязалось вручную, стоило дорого и редко стиралось. В прежние века люди боялись через воду заразиться чумой. Поэтому одежду проветривали, а тело обсыпали пудрой. Речь, как понимаете, идет о знати, а не о бедняках, у тех не было ни ароматических присыпок, ни парфюма, призванных замаскировать запах грязного тела. Чулки опускали в яд, высушивали и помещали в гардероб жертвы. Человек надевал их, потел, отравляла активизировалась и убивала беднягу. Одни умирали быстро, другие уходили на тот свет не сразу, многое зависело от иммунитета. Если на ногах имелись раны, ссадины или человек страдал псориазом, процесс мог исчисляться часами. Я долго искал безопасную комбинацию веществ, в конце концов составил ее и преуспел. Все, кто получил сделанную мною обувь, могут спокойно снимать ее в присутствии посторонних, стелька никогда не окажется поврежденной, на ней не будет следов пота или загрязнений. Человек, увидевший впервые такую обувь, решит, что туфли совершенно новые. Вот только крупным производителям надо продавать

побольше товара, и они не заинтересованы в дорогом составе. Скажите, как лодочки Жанны остались целы?

– Честно? Не знаю, – ответила я, – их купил для своей матери за очень большую сумму Всеволод Ковалев. Где парень их взял, неизвестно, сам он лежит в больнице в тяжелом состоянии. В вашей лаборатории придумали мазь «Кобратин». Почему вы до сих пор работаете с токсином медуз?

– Ничего странного в этом нет, – пожал плечами Андрей Яковлевич. – Сейчас мы создаем пластыри от артрита, в их составе тот же яд. Вы можете вернуть мне туфли?

– Простите, нет, – отказала я, – это улика.

* * *

Выслушав мой рассказ, Костин покосился на стоящие у него на столе туфельки.

– Если я правильно понял, ты считаешь, что они пропитаны ядом?

Я кивнула.

– Верно. Лодочки Андрей сшил специально для невесты, подарил их ей за пару часов до свадьбы. Жанна почти неделю носила туфли каждый день, потом у нее начались истерические припадки, и в конце концов она покончила с собой. Я полагаю, что неожиданные приступы ярости вызваны токсином. Мы знаем, что он губительно действует на нервную систему, вызывает немотивированный гнев, агрессию. После смерти Жанны туфли «Яковини» попали к Жеке.

– Как? – тут же спросил Вовка.

Я ответила не сразу.

– Могу лишь предположить. Севе постоянно нужны деньги. Он нигде не работает, но пытается производить впечатление богатого человека. Думаю, мелкие подарочки, которые он преподносил глупым школьницам, стоили копейки, но все-таки за них надо платить. И в клуб за красивые глаза не впустят, коктейли бесплатно не нальют. Всеволод постоянно искал средства, он брал деньги у матери, умело их выцыганивал, вероятно, занимал у ростовщиков. Жека вечно выручала сына, насколько мне известно, откупалась от девочек, которые сообщали ей про изнасилование или беременность. Лиза и ее мать Марина признались, что хотели вытребовать у Ковалевой миллион. На мысль о том, как получить эту сумму, их натолкнула некая Таня Иванова, тоже активно тусующаяся по клубам девочка. Она таки обзавелась деньгами, ее мать предложила Жеке сделку: Ковалева платит, а Таня молчит об изнасиловании. Если денег нет, дочь идет в полицию и заявляет, что Сева принудил ее к сексу. Даже если все произошло добровольно, ему не поздоровится: Таня несовершеннолетняя. И Евгения, по словам Марины, безропотно заплатила.

– Поверила им на слово? – рассердился Вовка. – Дура, что ли?

– Полагаю, нет, – вздохнула я. – Мне кажется, что Жека понимала, какой у нее никчемный сын, но признать это вслух не могла. Она покрывала Севу, всем рассказывала о его замечательной карьере, трудолюбию, выдавая желаемое за действительное.

– Оставим Севу в покое. Ты понимаешь, как к Ковалевой попали чужие туфли? – снова задал тот же вопрос Костин.

Глава 22

– Без Всеволода тут не обошлось, – грустно сказала я, – он ключевая фигура. У милейшего Севы было много способов пощипать маму. Учтившись с ней в магазине, он говорил, что у него в кошельке лежит стодолларовая или другая крупная купюра, валюту не принимают. Понятно, что Жека давала ему свои деньги. Еще у него частенько зависала кредитка. «Ай-ай-ай, платеж невозможен, глюк в банке!» И снова мать платила. Но нас должен заинтересовать другой совсем простой трюк, любимое занятие нечистых на руку домработниц. Покупаете в самом дешевом магазине продукты, а потом сообщаете, что приобрели их в гастрономическом бутике. Взяли яйца по тридцать рублей на оптушке, а соврали, что это биопродукт из элитного супермаркета от породистой несушки, которую заботливый фермер кормит отборным зерном и поит минеральной водой. Такие тянут на триста рублей за десяток. Производим вычитание и кладем в свой карман навар в двести семьдесят «тугриков».

– Хорошая хозяйка проверит чек, – надулся Костин.

– Жека у Севы отчета не требовала, – заметила я, – но если заехать в какой-нибудь «Остров гурмана», то там в тележках и корзинках валяются чужие чеки, а у касс есть проволочные мусорницы, набитые ими же. Все очень просто!

– Туфли! – поднял указательный палец Костин. – Речь о них! Взял их и предъявил!

– Андрей Яковлевич осмотрел лодочки и отметил, что подошва и набойка у них иные, их поставил другой мастер, – зачатила я. – Внутри и снаружи туфли пропитаны особым составом, он сохраняет их в первозданном виде, а вот по подметке станет понятно: обувь носили. Думаю, туфли починили и сдали в комиссионку. Хозяин торговой точки выдал их за новый товар. Сева приобрел их за небольшую стоимость, маме же соврал, что они потянули на семьдесят пять тысяч рублей, которые он взял из семейной кассы. Если ты велишь своим сотрудникам обойти комиссионки, то найдешь того, кто приволок туфли в магазин, у него должны были потребовать паспорт.

– Значит, отравить хотели Жанну, – подвел итог Володя. – Жека стала случайной жертвой? Ладно, если Роман обнаружит в туфлях яд, приму твою версию. Но возникают новые вопросы. Кем является женщина, напавшая на пенсионерку Людмилу Алексеевну? Как к ней попала обувь Жени? Почему туфли вернули в квартиру Ковалевой? Откуда дамочка знала, где она держит запасные ключи? Какова роль этой тетки в смерти Жеки? Почему нож, упавший с высоты, не разбился? Каким образом он оказался под телом у левой руки Евгении? И, самое важное, кто покушался на жизнь Всеволода? Почему? Сына хотела убить Евгения? Или она выпрыгнула из окна, посчитав Севу мертвым?

В моей сумочке запищал мобильный, на дисплее высветилась надпись «Валентина», я приложила трубку к уху и постаралась как можно ласковее прочирывать:

– Здравствуйте, Валечка! Вы уже приехали к Лике?

– Меня похитили! – закричала Нечитайло.

– Кто? – ахнула я.

– Мерзавцы в масках! – заголосила Валентина. – Я нахожусь по адресу улица Емельяненко, дом шесть, квартира десять. Помогите! Спаси! Меня привязали к стулу! Освободи!

Продолжая держать мобильный в руке, я бросилась вон из кабинета Костина, сказав ему:

– Соединись с тобой позднее.

Подъехав к нужному зданию, я посмотрела на часы. В городе пробки, издатель Адам Корсунский, которому я позвонила с дороги, где-то застрял. Надеюсь, он все же успеет попасть на представление. Вам кажется странным, что, услышав шокирующую новость о похищении, я, находившаяся в кабинете начальника следственного отдела, не подняла тревогу? По какой причине я не попросила помощи у Вовки, не потребовала от него немедленно связаться со специалистами, которые занимаются похищением людей? Ответ прост. Я ни на миг не поверила Нечитайло, потому что знаю:

связавшись со спецслужбами, которые запишутся полнейшим людоед: Ответ прост. Я ни на что повесить не поверила Нечитайло, потому что знаю, похититель никогда не позволит жертве связаться с родными, максимум на что он пойдет, – это разрешит несчастной крикнуть в трубку: «Я жива». И уж совершенно точно преступник не даст назвать точный адрес места, где удерживает жертву. Валентина задумала некую акцию, сама написала сценарий, сама поставила пьесу... Два последних обстоятельства настораживают. Нечитайло способна на удивительные глупости.

Не успела я пристроить во дворе свою «буклашку», как издали раздались вой сирен. С каждой секундой он делался все громче, надрывнее, и спустя кратчайшее время перед подъездом остановились «Скорая помощь», пожарные, аварийная служба «Мосгаза», фургон с надписью «Защита животных» и бело-синяя не новая «девятка». Захлопали дверцы, на тротуаре образовалась небольшая толпа, которая стала быстро расти, так как с проспекта во двор ворвались мини-вэны с наклейками «Желтуха», «Телевидение нашего района», «Шоу на кабеле», «TV-интернет», «Новости для блогеров».

– Уберите прессу! – заорал толстый полицейский, высываясь из окна «Жигулей». – А ну, пошли вон! Фу! Брысь!

К сердитому стражу порядка сразу потянулись палки с микрофонами, камеры расцехлились и направили объективы на краснолицего дядьку в фуражке. Тот нырнул назад в салон машины.

– Дайте комментарий! – потребовали из толпы корреспондентов.

– Вам не удастся скрыть правду, – пропищала девица в мятом ситцевом сарафане. – Похититель писательницы Нечитайло связался с ведущими СМИ страны, он позвонил в нашу газету, потому что доверяет объективности еженедельника «Голос улицы Петрова».

– Не имеете права игнорировать свободную печать, – талдычил подросток в огромных кроссовках. – Я интернет-портал «Кляксы города», меня читают двести миллионов россиян.

Я бочком стала протискиваться к подъезду, около которого замерли с открытыми ртами две старухи и три мамы с детьми. У людей начисто отсутствует инстинкт самосохранения. Даже мужчинам, увидевшим скопище спецмашин и папарацци с теле- и фотоаппаратурой, нужно побыстрее удирать, а не замирать в предвкушении скандала. А уж пожилым дамам и тем, кто гуляет с детьми, надо срочно уносить ноги во избежание неприятностей. Но нет, вот они, пенсионерки и юные мамочки: глаза сверкают от возбуждения, из карманов вытащены сотовые, чтобы снимать происходящее. Вот он, прогресс, разбушевался по полной программе. И, если мне не изменяет память, по результатам последней переписи, население России составляет чуть больше ста сорока миллионов человек. Откуда у интернет-портала взялось столько зрителей?

Передняя дверь «Жигулей» распахнулась, из салона вышел совсем молодой полицейский, который попытался навести порядок:

– Граждане корреспонденты и корреспондентки! Никто ничего не скрывает! Я, Николай Глаголев, проинформирую вас. Два часа назад наше отделение приняло звонок от женского лица. Оно сообщало, что является писателем Валентиной Нечитайло и удерживается неопознанными людьми с целью получения выкупа и причинения ущерба здоровью, психическому состоянию и моральному настроению гражданки Читалка.

– Нечитайло, – поправила я.

– Точно, – выдохнул полицейский, – ошибся из-за жары.

– Как вы узнали адрес? – спросили из группы папарацци.

– Писательница сказала, – признался страж порядка.

– Почему так долго ехали? – полез на рожон парень из Интернета. – Ваше отделение на соседней улице.

– Машину ждали, у нас с колесами напряг, – честно ответил Николай, – составляли план захвата. А сейчас отойдите, не мешайте.

– Сначала расскажите, как собираетесь действовать, – потребовал представитель «Желтухи».

– Войдем внутрь и освободим писательницу! – храбро пообещал Николай. – Операция взята на контроль нашим начальником, поэтому должна пройти успешно. Иначе нам с Геннадием Михайловичем по шапке надают. Теперь, когда я ответил чистосердечно по сути заданных вопросов, просьба отвалить культурно и не мешать активным действиям по вызволению человека. Начинаем. Гена, ты где?

С заднего сиденья машины, шумно дыша, выбрался толстяк. Было понятно, что Геннадий Михайлович не испытывает ни малейшего желания геройствовать, но альтернативы-то нет.

Стражи порядка прошествовали в подъезд, я ловко шмыгнула за ними, опередив задержавшихся корреспондентов.

– Пешком пойдём? – безнадежно поинтересовался Гена.

– Лучше на лифте, – предложил Коля.

– Не работает, – угрюмо сказал Геннадий. – Вон, бумага висит!

– Везет нам, – протянул Николай, – как утопленникам. Вечно нас подставляют. Ну, поперли!

Кряхтя и хором жалуясь на жизнь, мужчины подкрались к «нехорошей» квартире. На меня они не обращали никакого внимания, может, приняли за дворовую кошку. Хотя, думаю, наличие киски в подъезде могло вызвать у них хоть какую-то эмоцию, а меня они дружно игнорировали.

– Открыто, – сообщил Коля, замирая у двери.

Я покосилась на него. Незапертая дверь в помещение, где удерживают человека, должна натолкнуть бравых стражей порядка на нехорошие мысли.

– Неохота мне туда соваться, – нервно произнес Геннадий, – иди первым.

– Нашел дурака, – парировал Николай.

Сзади раздалось дружное сопение, орда журналистов заполонила лестничную клетку.

– Прокомментируйте ситуацию, – попросил кто-то из них.

Николай вздернул подбородок.

– На данном этапе операции успешно вскрыта дверь, вам лучше отойти на безопасное расстояние.

– Ребята, эксклюзив наш! – завопила девица с пирсингом в губе. – «Желтуха» форевер! Леха, я вперед, ты за мной.

Прежде чем все остальные успели моргнуть, прыткая красотка ужом проскользнула в щель и исчезла в глубине квартиры. Остальные корреспонденты взвыли и кинулись за предприимчивыми коллегами. Жаждавшие сенсаций репортеры оказались храбрее стражей порядка.

– Ну чего, теперь пойдём? – скучно поинтересовался Коля в ту секунду, когда я заходила в прихожую.

– Ща, если стрелять не будут, – элегически протянул Гена.

Длинный коридор привел меня в просторную комнату, застеленную белым пушистым ковром. Наплевав на хорошие манеры, я растолкала потных корреспондентов, протиснулась в первый ряд и остановилась, немало удивленная увиденным зрелищем.

Посреди гостиной на удобном мягком стуле с широкими подлокотниками восседала Нечитайло в ярко-красном коротком кожаном платье с глубоким декольте. Из выреза вылезал лифчик с золотыми кружевами, тот самый, что красовался на литераторше вчера. Вероятно, она закупила эпатажное бельишко оптом, приобрела сразу двадцать бюстгалтеров, или попросту носит не снимая один в течение месяца. Крепкие, а скорее, толстые ноги похищенной казались еще массивнее из-за сетчатых колготок, смахивающих на авоськи, с которыми во времена моего детства хозяйки ходили за продуктами. На Нечитайло красовались сапоги с вырезанными мысками. Мне всегда было непонятно, когда можно носить такую обувь. Летом в ней жарко, осенью-весной мокро, зимой холодно. Сапожки были еще ярче платья, и мне в первую секунду показалось, что Валентине ободрали кожу с ног. Я ойкнула, но затем увидела неповрежденные пальцы с обломанными ногтями и успокоилась. Руки Валечки были привязаны шелковыми лентами к подлокотникам, ноги слегка разведены в стороны и тоже привязаны к стулу, на запястьях и щиколотках похищенной трепетали большие банты. Изо рта

жертвы торчал кружевной (угадайте, какого цвета) платочек, а волосы, тщательнее взятые до объема пуховой подушки, неорежно рассыпались по плечам. Макияж страдальцы напоминал раскрас пигмея, который решил своим видом отпугнуть от родного шалаша тигра-людоеда. Правда, сегодня коричневый загар в черных пятнышках потускнел, зато Валюша щедро покрыла лицо тональным кремом в гамме «Молочный шоколад», добавила на щеки сиреневые румяна, на веки зелено-розовые тени, намазала ресницы голубой тушью, а брови сделала похожими на хоккейные клюшки. Увидев меня, Валя замычала и начала извиваться на стуле. Я подошла к страдальце, выдернула у нее изо рта кружево и спросила:

– Что случилось?

– Немедленно сунь кляп на место, – чуть слышно приказала Валентина, – меня должна освободить полиция.

Я с большим удовольствием заткнула рот писательницы и хотела отойти, но тут появились Гена с Николаем. Они сообразили, что ни малейшей опасности в квартире нет, и теперь горели желанием спасти бедную женщину.

Николай живо отгеснил меня и выдернул кляп.

– Спасибо, – закричала Валя, – о! Я столько пережила! Слов нет! Но ответу на все вопросы! Спрашивайте скорей!

Коля наклонился и дернул за хвост один из бантиков, лента, которая удерживала ногу Нечитайло, легко развязалась.

– Как вас похитили? Кто привез сюда? Кому принадлежит квартира? – зафонтанировали вопросами корреспонденты.

Валентина, чьи руки тоже оказались на свободе, начала излагать свою версию событий:

– Утром я вышла на балкон своего пентхауса и увидела в доме напротив блеск бинокля. Я сразу поняла! Это он!

– Кто? – деловито уточнила девчонка с пирсингом.

– Жабя губастая, – пояснила писательница, – сексуальный маньяк, мой бывший издатель. Он мечтает жениться на мне, хочет сделать меня не только своей интимной игрушкой, но и скважиной для выкачивания денег. Он меня постоянно преследует! Гадничает! Подкупил все телевидение, чтобы меня не показывали! Нарочно продвигает тупую, бесталанную Смолякову!

– Вы давайте про похищение, – попросили из толпы корреспондентов.

Валентина сверкнула глазами.

– Не успела я ахнуть, как с четвертого этажа в пентхаус спустился альпинист на мотоцикле, схватил меня и умчал прочь!

Я изо всех сил прикусила губу. Лампа, не вздумай расхохотаться. Интересно, что ответит Нечитайло, когда папарацци спросят, почему ее пентхаус расположен на третьем этаже, или поинтересуются, каким образом преступник ухитрился проделать все вышеописанное, сидя на байке.

– Мы неслись как ветер, – стенала Валентина, – потом негр внес меня сюда!

Ага, преступник-то чернокожий! Ну и ну! С каждой секундой история становится все интереснее.

– Шесть человек в масках заковали меня в наручники, – пела Нечитайло, – и сказали: «Или ты переходишь в наше издательство, или мы плохо с тобой поступим. Думай». Я испугалась! Разве слабая женщина справится с пятью китайцами, у которых в руках бейсбольные биты?

Я закашлялась. Интересно, в книгах Нечитайло столько же глупых неувязок, сколько сейчас в ее истории? Хватило бы одного альпиниста на мотоцикле. Прямо вижу, как он, пыхтя от натуги, спускается с крыши по стене высотного здания в пентхаус на третьем этаже. И вы встречали чернокожих китайцев? Мне пока не довелось, но, с другой стороны, какие мои годы, еще успею. Да, кстати, сколько же их было, мучителей, сковавших несчастную Валю шелковыми ленточками? Шесть или пять? Литераторша запуталась в цифрах.

Валя зло покосилась в мою сторону. Я справилась с кашлем. Ох, некрасиво быть злой! Вероятно, Нечитайло забыла счет до десяти из-за перенесенного стресса. Представьте, как к вам через окно гостиной врывается куча негров-китайцев на байке, и поймете ее состояние.

Валентина вскинула подбородок.

– Но, используя ум и сообразительность, я смогла добраться до телефона и позвонила в...

– Подведомственное мне отделение полиции, – произнес грубый бас. – Здравствуйте всем людям. Никитин Егор Фомич я.

– Явился, – прошипел за моей спиной Гена, – сливочки слизать припер.

Глава 23

– Кто освободил тело? – нахмурился начальник.

– Ну, мы, – дружно ответили Николай и Геннадий.

– Нарушение субординации, – пробурчал Никитин, – беспорядок, понимаешь! Вот что, ребята-журналисты, пресса-папарацци. Надо нам поправку в действие внести. Николай, привязывай бабу назад. Гена, впихни ей кляп. Я ее сам вызволю.

Подчиненные начали понуро завязывать ленты.

– Не на простой узел, на бантик, – капризничала Валя.

– Скользкие тесемки, – пожаловался Николай.

Он живо схватил кружевной платок и, скомкав его, засунул в рот Вале. Та моментально выплюнула его и завопила:

– Аккуратно! Расправь кайму! Припудрите мне лицо! Поправьте волосы!

Егор Фомич встал около стула и отчаянно заулыбался.

– Нужно действие, – потребовал парень из интернет-портала, – наклонитесь!

Начальник с криком согнулся.

– Нет, выпрямитесь, – приказал юноша, – вы очень покраснели.

Егор Фомич покорно принял требуемую позу.

– Освобождайте писательницу, – велел теледеятель.

Никитин снова переломился в пояснице.

– Ну нет, так не пойдет, – остановил его оператор, – я же просил стоять прямо, некрасиво на картинке получается. Развязывайте жертву выпрямившись!

– Я похож на орангутанга? – разозлился Никитин. – Руки до щиколоток дорастил?

– Композиция не станцовывается, – упорствовал юноша. – Кадр рушится!

Егор Фомич встал перед Валентиной и старательно вытянул вперед руки. Оператор скривился и прикинул к камере.

Чем менее человек профессионален, тем больше ему мешают в работе разные незначительные обстоятельства. У меня есть приятель Руслан Рощупкин, он работает фотографом на телевидении, шелкает звезд разных мастей, а потом пиар-служба канала отдает его снимки в печатные издания. Не все знаменитости милы и приветливы с Русиком, порой на него кричат, иногда швыряют в интеллигентного парня разные предметы. Думаете, Рощупкин потом бредет к боссу и ноет:

– Не смог запечатлеть певицу N, потому что она мне в бок от всей своей доброты воткнула вилку, которой салат ела.

Нет, в тот момент, когда звезда с вилкой наперевес ринулась на фотографа, Рощупкин успел сделать сто пятьдесят четыре кадра разными

камерами, коими он всегда обвешан с головы до ног. Русик добрый человек, поэтому на его снимках N будет выглядеть вполне пристойно, а занесенная вилка покажется безобидным приспособлением. Ну захотела певичка поесть, с каждым случается. Да Рощупкин успеет нащелкать целую серию, выбегая из горящего дома, вдобавок держа в руках парочку домашних животных, – Русик никогда не бросит в беде ни кошку, ни собаку, ни хомяка. Как он будет в этом случае управляться с камерами? Не задавайте профессионалу глупых вопросов. Слов «не смог сделать снимок» в лексиконе Рощупкина нет. Вот почему он работает в Останкино и дружит почти со всеми звездами первой, второй и прочих категорий. Стой Русик сейчас рядом с Валей, он бы ухитрился запечатлеть Егора Фомича в любых позах. Но не все купившие объективы автоматически превращаются в мастеров своего дела.

– Вы присядьте, – посоветовал горе-оператор.

Никитин раздул щеки и начал медленно сгибать колени.

– Ну е-мое! – снова выказал недовольство юноша.

– Лешка, ты здесь не один! – крикнула девушка с пирсингом.

Но Алексей никак не отреагировал на это, он зачистил:

– Неправильно! Начальник отделения! Слушайте меня внимательно. Спина прямая, подбородок поднят, руки чуть разведены в стороны, пузо втянуто, стопы находятся в параллельной позиции, зад не отключивайте. Начали! Стоп!

Егор Фомич, который попытался чуть-чуть подобрать живот, коротко ругнулся и спросил:

– Чего теперь не так?

– Попудрите голову, – приказал Леша, – блестит, картинка теряет жизненность и красоту. Зритель подумает, что вам башку маслом поливают.

Никитин скрипнул зубами.

– Я в фуражке!

– А лоб? А нос? А щеки? – пошел в атаку Алексей.

– Так у меня с собой косметики нет, – жалобно произнес Егор Фомич.

– Не носите при себе пудреницу? – укоризненно зацокал языком Леша. – Это неправильно. Всегда нужно иметь минимальный набор для макияжа, неизвестно, как день повернется, куда тебя судьба занесет.

– На подоконнике полно грима лежит, – сказала девушка с колечком в губе, – возьмите кисточку и обмахнитесь.

Егор Фомич беспомощно огляделся по сторонам.

– Как? Не умею я этого!

– Ох уж эти мужики, – с презрением вымолвила журналистка.

Она схватила коробку, кисточку, быстро нанесла на лицо Егора Фомича дисперсный порошок и не забыла себя похвалить:

– Молодец, Наташенька.

Пудра оказалась цвета загара, Наташа забыла предварительно промокнуть вспотевшее лицо Никитина салфеткой, поэтому сейчас он стал похож на мулата, страдающего болезнью витилиго. Лоб Егора Фомича оказался почти коричневым, правая щека стала желтой, левая серой, нос сохранил белизну, а подбородок приобрел красноватый оттенок.

– Что здесь происходит? – шепнул мне прямо в ухо мужской голос.

Я повернула голову и увидела Адама.

– Что ты придумала? – нервничал Корсунский.

– Автор идеи госпожа Нечитайло, ее украли, сейчас идет процесс освобождения жертвы из лап преступников. Я не имею ни малейшего отношения к этой истории, – живо открестилась я от происходящего.

– А где похититель? – вдруг догадалась спросить Наташа.

Никитин как раз в этот момент выдернул изо рта Нечитайло кружевной платочек. Бравому начальнику наконец-то удалось соблюсти все требования капризного Леша. Егор Фомич ухитрился присесть с прямой спиной, правда, в процессе он пару раз пошатнулся, но смог удержать равновесие и теперь был бесконечно доволен собой.

– Куда подевался уголовник? – надрылась девушка. – Кто его видел?

– Я просил привести идиотку в нормальный вид, – шипел Адам мне в ухо, – облагородить ее, и что? Почему она сидит, разодетая, как... как... как...

У Корсунского закончились слова.

– От кого спасают писательницу? – закричал Леша. – Приведите немедленно киднеппера в кадр! Да не забудьте его напудрить!

Похоже, Алексей не знал, что заковыристое иностранное слово переводится на русский язык как «похититель ребенка», иначе бы он сейчас его не употребил. Валентину-то никак нельзя принять за крохотную девочку.

– Без мерзавца нет сюжета, – злился Леша.

Валентина скользнула по присутствующим взглядом и заорала:

– Вон они! Мужчина и баба! Прикидываются обычными людьми!

Рука писательницы с обмотанными пластырем ногтями указала в нашу с Корсунским сторону. Адам вздрогнул.

– Нет, нет, произошла ошибка. Я книгоиздатель писательницы Нечитайло, – жалобно выкнул Корсунский.

– Его грязных лап дело, – громогласно объявила автор психологических и любовных бестселлеров.

Корреспонденты нацелили на Корсунского объективы, а я, судорожно прижимая к груди нектати затрезвонивший телефон, пригнувшись, благополучно выскочила на лестницу, спустилась во двор и решила ответить на звонок.

– Сергей беспокоит, – зашептала трубка, – помогите. Валентины нет. Я временно нахожусь один.

– Опять вы! – возмутилась я. – Очень хочется вас назвать настырным чучелом!

– Обзывают меня как хотите, только спасите, – взмолился Сергей.

– Сейчас приеду, – пообещала я.

– Правда? – обрадовался собеседник. – В своей следующей книге я назову главную героиню Лампой, сделаю ее красавицей с двадцатым размером бюста.

– Не стоит, – остановила я излишне болтливую парня. – Сомневаюсь, что с такой грудью можно передвигаться в вертикальном положении, я буду постоянно падать носом в землю.

* * *

Конечно же, дверь в квартиру Нечитайло была заперта, я нажала на звонок и довольно долго давила на него пальцем, пока не услышала робкое:

– Вы Лампа?

– Именно так, – заверила я, – открывайте.

– Не могу, – прозвучало изнутри.

– Почему? – удивилась я и не удержалась от ехидства: – Хотите сказать, что несчастная, прибитая к стене медвежья головушка не в состоянии справиться с замком? У нее нету рук, простите, лап. Но тогда странно, что башка сумела пробраться в коридор, ноги-то у нее тоже отсутствуют.

– Видите железную дверь в стене? – зачастил Сергей. – Распахните ее, не бойтесь, увидите ключи. Валька их там прячет. Хорошо вам надо мной подсмеиваться, а я и впрямь несчастнее всех на свете!

Я шагнула в указанном направлении. В годы моего детства москвичи клали запасные связки под коврики у входной двери. Похоже, сейчас жители столицы изменили «секретное место» и хранят ключи в электрощитках. И Жека Ковалева, и Валентина поступали именно так. Я без проблем обнаружила ключ, в один миг открыла дверь, увидела на пороге шуплого подростка и удивилась:

– Ты кто?

– Писательница Нечитайло, – всхлипнул паренек.

– Нехорошо врать, – укорила я его. – Валентина сейчас пытается изобразить из себя жертву похищения перед журналистами пятисортных изданий столицы и никем не включаемых телеканалов. Начнем сначала: ты кто?

– Сергей Неписайло, – сообщил отрок, – муж Вали Нечитайло. То есть по паспорту она тоже Неписайло, но взяла себе псевдоним, на мой взгляд, неудачный.

– Сколько тебе лет? – с недоверием поинтересовалась я.

– Чуть больше тридцати, ближе к пятидесяти, – промямлил Сергей. – Вас не затруднит пройти в мою тюрьму? Вдруг Валька вернется? Разорвет меня тогда когтями!

Я была настолько удивлена, что молча пошла за тощей фигурой в глубь квартиры и очутилась в кукольной по размеру спальне, где с трудом поместились софа и малюсенький стол с колченогой табуреткой. Окно здесь отсутствовало.

– Устраивайтесь на кровати, – радушно предложил хозяин.

– Вашу обитель нельзя назвать просторной, – сказала я.

– Раньше тут располагался шкаф, – всхлипнул Сергей, – когда я потребовал себе справедливую долю денег и славы, Валентина гардероб переоборудовала и меня в нем погребла.

– А как вы умудрились беседовать со мной из головы убитого мишки? – спросила я.

Сергей показал пальцем на стену, где висел календарь.

– Единственная моя радость. Отодвинул его в сторону, расковырял в стене дыру и очень удачно попал прямо в голову. Хотите полюбопытствовать?

Сергей привычным движением вытянул руку. Мужу Вали даже не пришлось вставать, чтобы сместить глянцевый листок с надписью «1997 год».

– Календарик-то древний, – пробормотала я, прикивая глазами к широкому отверстию.

Соседняя гостиная в багрово-красных тонах была видна как на ладони. Рука у Сережи маленькая, ладошка узкая, а вот пальцы неожиданно длинные, как говорится, «музыкальные». Если захихнуть в рот медвежьей головы небольшой предмет, допустим, визитную карточку, то супруг Нечитайло сможет легко взять ее.

Сережа, обрадованный тем, что получил внимательную слушательницу, говорил и говорил. Скоро мне стала известна история его брака с Валентиной.

В наши времена женщины часто бывают амбициознее мужчин, им хочется славы, денег и всех сопутствующих успеху атрибутов. Валя была из этой породы, и она хорошо понимала, что в родном городке, затерянном на Урале, ей ничего не светит. Нужно отправляться покорять Москву, вот там талантливому человеку есть шанс пробиться. Одна беда, никаких талантов Вале от рождения не досталось, зато у нее имелся муж, главный редактор местной газеты Сергей Неписайло. Смешная для профессионального литсотрудника фамилия не подходила ему. Писать он обожал, сюжеты придумывал легко, но страдал муками творчества и был готов сидеть за компьютером неделями не вставая. Тихий, застенчивый Неписайло не считал свои книги достойными опубликования и просто складывал рукописи в шкаф до того момента, когда Валя вытащила их и отправилась в столицу России.

Из Москвы Валентина прибыла в состоянии эйфории. Хозяин издательства «50 копеек», куда она обратилась, пришел в восторг, увидев более тридцати готовых романов, и коротко сказал:

– Печатаем.

И завертелось. В считанные дни Валя продала все нажитое: квартиру, машину, дачу – и купила крохотную однушку в непрестижном спальном районе столицы. Сергей даже не понял, как он очутился в Москве. Из уважаемого человека, главного редактора газеты, без приглашения заходившего на чай к мэру и ездившего на рыбалку в выходные с первыми лицами района, Сергей превратился в никому не известного мужчину, и это было пережить намного труднее, чем постоянное безденежье и бытовые трудности.

С книгами тоже вышло не очень радужно. Издатель потребовал поправок. Главного героя романов мачо, казанову, секс-гиганта, красавца, ловко стреляющего из всех видов оружия, без проблем управляющего любым транспортным средством, включая космическую ракету, редактор настоятельно попросили превратить в женщину. Сергей сначала уперся, но Валя показала мужу конверт с авансом, и Неписайло смирился.

А потом случилось чудо. На свет появилась первая книга, правда, Сереженька назвал ее «Вперед, на восток», а на прилавки его труд попал под названием «Назад, на запад», но не это было шокирующим. Автором вместо «С. Неписайло» указывался «В. Нечитайло», и на обороте напечатали фотографию Валентины.

Сергей попытался возмутиться, но жена объяснила ему суть произошедшего. Книги сейчас в основном покупают бабы, а они не хотят получать советы от мужчины. Писателю, чтобы стать популярным, необходимо участвовать в разных программах на телевидении и радио, давать интервью журналистам и бегать по тусовкам.

– Милый, ты готов с восьми утра до полуночи общаться с представителями прессы? – вкрадчиво поинтересовалась Валюша.

– Нет! – раздраженно ответил Серж. – А писать когда? Где взять время на творчество?

– Вот именно, – обрадовалась Валя, – поэтому предлагаю тебе замечательный вариант. Писатель Нечитайло будет состоять из двух половинок. Первая, самая главная, это ты, а вторая, вспомогательная, это я. Ты будешь сидеть дома и творить, а я стану колбасой носиться по городу, привлекая внимание к нашему проекту.

Наивный Сергей обрадовался и согласился. Но с течением времени он понял, что события разворачиваются совсем не так, как он думал. Валентина получила статус писателя, приобрела хорошую квартиру, обставила ее по своему вкусу, запирила мужа в переделанный шкаф, лишила его общения с людьми, не разрешает ему покидать апартаменты. Убегая по делам, она тщательно запирает супруга. Когда к Нечитайло в гости заявляются журналисты, от Сергея требуется сидеть тихо. Если он случайно производит шум, а корреспонденты интересуются, откуда он идет, Валя спокойно отвечает:

– Там живет моя собака. старая. больная. совершенно выжившая из ума.

Она разработала свод правил, и мужу крепко достается за их нарушение. Покинуть свой «кабинет» он может лишь тогда, когда Валя уходит. Предусмотрительная дамочка прячет телефон, поэтому связаться с внешним миром Сергей не может. Но больше всего его злит постоянная ложь жены.

– Ну ни слова правды от нее не услышишь, – бубнил он. – Пару дней назад мне наконец-то удалось найти, куда гримза прячет домашний телефон, и я смог до вас дозвониться. Спасите меня! Расскажите людям правду.

– Просто невероятно! – воскликнула я. – Почему никто из представителей прессы не проверил биографию вашей жены, которая всем твердит: «Я не замужем»? И странно, что никто вас не обнаружил.

Сергей скривился.

– Если сидеть тихо, то никто не сообразит. Хотя один раз смешной случай получился. Валентина мне купила новые ботинки. Я ненавижу тапочки, по дому хожу исключительно в туфлях. Валька выставила штиблеты в прихожей, меня она во время работы над рукописью не трогает. Я в тот день увлекся сюжетом, писал долго, а к жене приехал народ с телевидения. И, представляете, Валька забыла про мои новые ботинки.

– И журналисты поинтересовались, чья мужская обувь стоит в прихожей? – засмеялась я.

Крохотное личико Сергея исказила гримаса.

– Нет, вам ни за какие коврижки не догадаться, что далее произошло. Никакого интереса корреспонденты не проявили. Но один из них ушел в моих новых штиблетах! Оставил свои отвратительно воняющие туфли, надел отличные, только что приобретенные Валей, и гуд бай! До сих пор не пойму: он их перепутал или решил разжиться обновкой?

– Но как же борзописцу подошли ваши полуботинки? – поразила я.

Сергей заморгал.

– Ничего удивительного, я ношу стандартный сорок второй размер.

– Не счесть числа женщинам, которые покупают себе лодочки тридцать восьмого размера! – воскликнула я.

– Нет, у меня сорок второй, – повторил Сергей, не заметивший уточнения о женщинах, – все же, думаю, журналюга нарочно обмен совершил.

Глава 24

Дверь в «шкаф» неожиданно резко распахнулась.

– Валя! – взвизгнул Сергей. – Не слышал, как ты вошла!

Нечитайло побагровела, стиснула кулаки, но каким-то чудом справилась с гневом. От неминуемой расправы несчастного, ставшего еще ниже ростом Сержа спасло мое присутствие. Валя временно отложила казнь супруга.

– Все в порядке? – спросил из коридора Адам.

Я быстро прошла мимо злой писательницы и сказала Корсунскому:

– Ты хотел изменить имидж автора в лучшую сторону? Боюсь, нам не справиться с очаровательной Валечкой. Я не способна побороть ее любовь к дешевой вульгарной одежде, вызывающему макияжу и не научу ее пристойно себя вести. Но у тебя есть шанс совершить рокировку писателей. Ступай вон в ту комнату и познакомься с Сержем Неписайло, истинным создателем психологических бестселлеров.

Корсунский не стал тратить время на расспросы. Он сразу ринулся вперед по коридору, а я спокойно покинула «пентхаус» Валентины. Слава богу, больше мне с очаровательной мадам встречаться не придется. Никогда не надо отчаиваться, если у тебя все получается не так, как планировалось. Вот я, например, еще вчера была готова отказаться от работы с Нечитайло, могла подвести Ваню Маслова, пошатнуть репутацию конторы «Ноупро». И пожалуйста: Фортуна вытащила из рукава козырную карту – Сергея. Адам хотел получить вменяемого, послушного автора? Ну, у него сейчас перед носом, я с блеском выполнила задание. И как поступит Корсунский? Он перестанет публиковать книги под псевдонимом Нечитайло и начнет выпускать их как произведения Сергея. Неписайло тихий скромный мужчина, с ним проблем не будет. Надо позвонить Ивану и доложить ему об успехе, а потом поехать к Костину на работу, у меня есть что рассказать Вовке. Заодно заставлю его пообедать. Макс, мой муж, вот уже вторую неделю находится в Питере, открывает там филиал своей фирмы. Капа, свекровь, улетела в Америку. Дома остались лишь две мопсихи: Муся с Фирой и Микки, собачка матери Макса. Я временно незамужняя дама, поэтому окутаю заботой Костина. Отлично знаю, что он сидит сегодня в кабинете с раннего утра и ничего, кроме вредных бутербродов с колбасой, не ел. МВД всерьез занялось перестройкой, милицию переименовали в полицию, но вот у простых трудяг, кто по мере сил и возможностей пытается ловить преступников, как не было в отделениях «на земле» хороших столовых, так их и нет. Впрочем, кое-где поставили автоматы, которые выдают шоколадные батончики, вафли, печенье и жвачку. Отличный рацион для мужчин, занятых умственной и физической работой. Слопает оперативник сладкую плитку, и готов весь день гонять по морозу. Зачем ему борщ со сметаной и кусок мяса с картошкой? Как-то раз судьба занесла меня в Государственную думу, я заглянула в местную столовую и была приятно удивлена не только широким ассортиментом, но и ценами. На пятьдесят рублей там можно отлично пообедать, взять салатик, первое, второе и компот. Вот бы стражам порядка или врачам из районных поликлиник, которые наматывают километры пешком, бегая по вызовам, такие дешевые кафе по месту работы.

К сожалению, пообедать нам с Вовкой не удалось, мы отправились ужинать, потому что пробки охватили всю Москву и я тащилась по улицам не один час. Далеко мы с Костиным отъезжать не стали, побоялись попасть в затор, потому пошли пешком в ближайший ресторанчик, расположенный в гигантском супермаркете.

– Есть дела, которые раскрываются буквально за пару часов, – сказал Вовка, разламывая вилкой здоровенную котлету, – твое предположение верно, туфли Евгении пропитаны ядом медузы. Тот, кто задумал преступление, отлично знал, как подействует токсин, он не вызовет быструю смерть женщины. Кончина наступит не сразу. По мере того, как яд будет накапливаться в организме, Жанна, а извести хотели именно ее, постепенно станет немотивированно агрессивной. Всем вокруг покажется, что у нее после свадьбы резко испортился характер. Девушки, как правило, очень хотят заполучить заветное колечко на пальчик, поэтому до поры до времени прикидываются белыми и пушистыми, из их сахарных уст в основном слетают фразы: «Да, Котик. Как пожелаешь, дорогой. Я обожаю футбол. Конечно, съезди с приятелями на рыбалку. С огромным удовольствием проведу выходные с твоей мамой, она такая хорошая». Но стоит появиться в паспорте красавицы штампу, как речи меняются. Законный супруг из разряда кошачьих переходит в армию парнокопытных, теперь он «козел». Футбол вносится в список запрещенных увлечений, друзей прогоняют мокрой тряпкой, а свекровь становится злейшим врагом.

Вовка засунул в рот кусок картошки и начал его сосредоточенно жевать. Я не стала доказывать Костину, что на свете много женщин, которые искренне любят своих мужей, зовут их «зайчиками», «ежиками» и т. д. К сожалению, у Костина был негативный брачный опыт¹⁶¹, после него Володя категорически отказывается заводить с кем-либо совместное хозяйство. И кое в чем он прав. Некоторые глупые дамочки считают, что поход в загс – это как экспедиция на рынок за покупкой раба. После прослушивания марша Мендельсона мужчина навек привязан к строгой госпоже, никуда ему не деться. Он обязан содержать семью, исполнять капризы жены и навсегда забыть о своих желаниях и привычках.

– В случае с Жанной ситуация усугубилась ее семейной историей, – продолжал Костин. – И мама, и бабушка ее умерли из-за больного сердца, их преждевременную кончину спровоцировала беременность. Думаю, тетка, воспитывавшая племянницу, хотела уберечь ее от раннего ухода на тот свет и

поэтому придумала сказку про проклятие.

– Могла бы честно предупредить девочку: «Тебе не следует рожать», – вздохнула я, поглощая спагетти.

Вовка нахмурился.

– Давай не будем углубляться туда, куда не надо. Почему тетушка придумала эту байку, нам, в общем-то, неинтересно. Важно другое. В окружении Андрея Воронкова оказался человек, точнее, женщина, которая отлично знала о действии яда, умела с ним обращаться и слышала про родовое проклятие Жанны. Наша преступница обожала ученого, хотела стать его женой, потратила много сил на осуществление своей мечты и почти достигла цели. Но тут появляется Жанна. Андрей влюбляется, как подросток. На мой взгляд, в мире существуют две силы, которые способны на любые поступки: банда подростков и уязвленная ревнивая женщина. Наша фигурантка мечтает избавиться от Жанны и действует с выдумкой. Преступница в курсе, что Андрей всегда обрабатывает внутреннюю часть сшитых им туфелек особым составом, который предохраняет их, и не боится, что яд оставит следы. Без разницы, станет ли Жанна носить лодочки на босу ногу или наденет колготки. Чулки имеют мельчайшие дырочки, незаметные человеческому глазу, но вполне подходящие для того, чтобы сквозь них просочилась отравка. Стоит ноге чуть-чуть вспотеть – и все, процесс пошел. Отравительница ждет, когда яд начнет свое действие, с удовольствием наблюдая за истериками соперницы, а потом, словно невзначай, сообщает Андрею Яковлевичу о плохой генетической наследственности Жанны. Расчет злой бабы прост: муж непременно начнет задавать вопросы жене, та окончательно разъярится, и Воронков подаст на развод. Судьба Жанны соперницу не волнует, она знает: если токсин проник в нервную систему человека, обратной дороги нет. Умрет лаборантка или останется жить в полубезумном состоянии, автору идеи без разницы, она мечтает заполучить Андрея Яковлевича. Да, я проверил заявление про сумасшедший дом, это неправда. Преступница изготвила фальшивые истории болезни и показала их Воронкову. На самом деле Вероника, мать Жанны, скончалась через три дня после рождения дочери, а бабушка прожила несколько месяцев, произведя на свет девочку. Мне непонятно, почему мать Жанны решилась забеременеть наперекор советам врачей, она знала о своем слабом сердце и о том, что ее родительница умерла, не воспитав дочку. Но психологический портрет Вероники нам не нужен. Важно другое: никаких психических заболеваний в семье не наблюдалось, только кардиология. Остается удивляться, почему некоторые люди столь легковверны, по какой причине и Жанна, и Андрей не проверили информацию, полученную от постороннего человека. Ну, ты поняла, о ком речь?

– Под твоё описание преступницы подходит Тамара Кислова, – сказала я.

– Верно, – согласился Костин. – Она уже задержана. Долго не отпиралась, была очень поражена, увидев туфли, воскликнула: «Андрей исполнил последнюю волю покойной, уложил жену в гроб в свадебном платье и сшитой им обуви».

– Яд медузы долго сохраняет свои свойства? – перебила я Костина.

– Практически вечно, – вздохнул Вовка. – В сухом состоянии он не опасен, но стоит капле воды попасть на то место, где намазали яд, как он активизируется.

– А ты не поинтересовался у Кисловой, почему она не уничтожила лодочки? – с интересом спросила я. – Сама не сожгла их?

Костин взял кусок хлеба и начал собирать им подливку на тарелке.

– Задал вопрос. Тамара ответила: «Гроб уехал в печь крематория, я полагала, что огонь уничтожит туфли».

– Дело Кириллова! – подпрыгнула я. – А еще те старухи с цветами и тетка с драгоценностями. Помнишь старые делишки?

– Лампа, – неожиданно другим тоном произнес Вовка. – Что у тебя на вилке?

– Макаронина, – отмахнулась я.

– А на ней? – не успокоился Костин.

Я устала на спагетти.

– Сливочный соус и мидия.

– У них нет лапок, – сказал Володя, – а я вижу четыре... нет... вроде шесть ножек.

– Ну, значит, это креветка, – предположила я.

– Темно-рыжая? С усамми? – не останавливался Костин. – Таракан это!

Я потеряла дар речи, а Костин заорал:

– Менеджера сюда! Немедленно!

Из-за стойки бара вышел мужчина лет пятидесяти и снисходительно спросил:

– Денег нет? Кошелек дома забыл? Оставляй свою тетку в залог и двигай за бабками.

– Законом запрещено удерживать людей, даже если они не оплатили счет, – возмутился Вовка.

– Не учи меня жить, – фыркнул дядька.

Костин вынул из кармана удостоверение. Мужчина тут же сказал:

– Ужин в подарок от заведения.

– У нас есть деньги, – дрожащим голосом проблеяла я.

– В чем проблема? – не понял местный начальник.

– В таракане! – гаркнул Вовка.

– Он не свежий? – уточнил администратор.

Я опять потеряла дар речи. А Вовка заорал:

– Нет!

– Значит, вопрос не в качестве еды, – заявил наш собеседник.

– Нет, в смысле я не знаю, не понимаю ничего в насекомых, – забушевал Костин, – не могу определить тараканью пригодность в качестве закуски!

Фу! Лампа заказала макароны с морепродуктами! А ей подали...

Администратор потер руки.

– Нет проблем. Юрий!

В зал выскочил парень в белой куртке.

– Слушаю, Модест Ильич.

– Следует быть внимательным к нашим дорогим гостям, – замурлыкал Модест, – дама заказала лапшу с креветками, мидиями, мини-кальмарами, а ей подали с тараканами. Негоже.

Я постаралась справиться с накотившей тошнотой.

Юрий свесил голову на грудь.

– Виноват! Исправлюсь! Уно моментико! Грация, плиз!

Парень подлетел к нашему столику, схватил тарелку и с виноватым видом прокурлыкал:

– Пяти минут не пройдет, как вы получите наилучших морских гадов. Сам приготовлю.

– В меню есть блюдо из тараканов? – сердился Костин. – Вы нас обманываете.

Модест Ильич воздел пухлые ручки.

– Как вы могли такое подумать? Это китайская кухня!

– Несите карту, хочу лично убедиться в наличии такого пункта, – закусил удила Вовка.

– Юрий! Немедленно исполни желание нашего дорогого посетителя, – отдал распоряжение администратор.

Юноша в белой куртке ускакал прочь, вернулся минут через пять и подал мне кожаную папку. Я открыла ее и прочитала вслух: «Траттория «Маммиа Галья», итальянская кухня, паста и ризотто плюс карпаччио, винначчио и булгаччио. Особое предложение: спагетти с лобстерини. Суперблюдо дня: «макаронни с таракано а-ля Китай в Торонто».

На устах Модеста Ильича заиграла улыбка кота Базилио.

– Вам подали самое дорогое блюдо.

Вовка выхватил у меня меню.

– Вранье. Фраза про суперблюдо впечатана сейчас на принтере, цвет чернил у нее другой, нежели у остальных пунктов меню.

– Гость всегда прав, но и не прав, – громогласно возвестил администратор, – мы специально выделили этот пункт, дабы на него обратили внимание.

– Мы читали карту перед тем, как заказать еду, и не видели ничего с тараканами, – возразила я.

Модест Ильич пожал плечами:

– Тут я вам ничем не помогу. Вероятно, вы не заметили.

– Они нас дурят! – стукнул кулаком по столу Вовка. – Прусак попал в тарелку, пробегая по кухне.

Юрий прижал руки к животу:

– Сердце замирает от несправедливости ваших обвинений. Давайте мирно решим проблему. Предлагаю вариант: вы получаете другое блюдо и не платите ни за таракано, ни за замену.

– Город Торонто находится в Канаде, – взвыл Вовка, – он не имеет ни малейшего отношения к Китаю!

Модест Ильич метнул в сторону Юрия сердитый взгляд.

– Конечно! Я знаком с географией. Но мы заботимся о здоровье наших обожаемых гостей, поэтому не закупаем таракано в Поднебесной, они там с пестицидами и выросли в плохих экологических условиях. Берем ассортимент в Торонто, на особой ферме, расположенной на берегу моря.

– В Канаде есть море? – усомнился Костин.

– Так канадцы называют озеро, – нашелся Модест Ильич. – Озеро Море. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы?

– Нет, – возразила я. – А что там за цифры стоят: сто, двадцать и двести?

– Вес порции, – охотно пояснил администратор. – Если не видите в меню сообщения о весе блюда, значит, пришли в плохой ресторан. Расшифровываю: сто граммов таракано из Торонто, двадцать соуса и двести пасты.

Я потрогала остатки спагетти ножом.

– Смотрите, здесь всего один таракан. Сомневаюсь, что он весит целых сто граммов. Вы обманываете посетителей, недокладываете вкусных таракашек.

Модест Ильич моргнул, похоже, у него исчерпалось вдохновение, зато Юра не подкачал:

– Вы не разобрались. Сто граммов сырого продукта! Таракано уварился!

– Правильно! – с облегчением согласился администратор. – Ушел в подливу. Так вам нести морепродукты? Имейте в виду: насекомые – еда будущего, они состоят из одного белка!

– Спасибо, – быстро отказалась я, – лучше мороженое.

– Юрий! – изогнул бровь Модест. – Неси десерт!

– Сейчас Алиска из отдела бытовой химии вернется, – ляпнул расслабившийся повар, – она уже полчаса как за пломбиром утопала. Только за смертью лентяйку посылать.

– Вы приобретаете лакомство рядом со стиральным порошком? – напряглась я.

Модест Ильич предостерегающе кашлянул, но Юра, довольный тем, что клиенты не стали поднимать скандал из-за таракана, потерял бдительность.

– Там холодильник стоит, – весело ответил он, – у нас свой сдох, временно пользуемся тем, где удобрения хранят. А что с эскимо случится? Оно ж в бумаге!

Глава 25

Решив не пробовать пломбир из отдела бытовой химии, мы с Вовкой покинули кафе, вышли на улицу, сели под большим бело-красным зонтом, заказали кофе и продолжили разговор.

– Дело Кириллова помнишь? – повторила я.

– Борис Андреевич Кириллов, – вздохнул Костин, – сотрудник одного из похоронных агентств, забирал дорогие вещи, которые клали в гроб безутешные родственники, часы, телефоны, а потом продавал их на рынке. Еще были бабушки, они воровали цветы на могилах, составляли из них букеты и торговали у метро. Анна Малкина тоже принадлежала к племени тех, кто грабит мертвых, она снимала с них одежду. К сожалению, при всей мерзости подобных деяний они достаточно распространены. Могилы люди разоряли с древних времен. Жрецы Египта тратили много усилий, пытались сохранить мумии фараонов и богатства, которые укладывались в погребальные камеры пирамид.

– Тамара пропитала туфли Жанны ядом медузы, – задумчиво произнесла я. – Жена Андрея Яковлевича не могла справиться с приступами немотивированной ярости и, опасаясь подкрадывающегося сумасшествия, покончила с собой. Жанна очень любила супруга, не хотела стать для него обузой и превратиться в чудовище и решила броситься под грузовик. Перед тем как лишиться себя жизни, она отправила мужу звуковое сообщение. А сотрудники полиции решили: раз существует письмо, свидетельствующее о суициде, дело можно закрыть. Тамара осталась вне подозрений, в планы Кисловой не входило убивать других женщин, ее счастью мешала исключительно Жанна. Наверное, убийца собиралась уничтожить туфли, но вот незадача: Жанна попросила уложить ее в гроб в образе невесты. Кислова решила, что обувь погибнет в печи, и не беспокоилась. Но один из работников крематория...

– Сергей Парфенов, – перебил меня Вовка, – ранее судимый наркоман, он работает меньше года и, что удивительно, до сегодняшнего утра был на хорошем счету. Сергей раздевал трупы, а вещи сдавал в скупку, небольшой магазинчик на улице Бакеева, это в центре Москвы. Знаешь, кто там частый покупатель?

– Догадываюсь, – поморщилась я, – Всеволод Ковалев.

– А вот и нет! – не согласился Костин. – Его у прилавка не видели, женские вещи, кофточки, юбки, шали, сумки берет дама. Вот обувь она приобрела один раз, думаю...

– Думать тут особо нечего! – перебила я Вовку. – Шмотки комиссионка сдает в порядок, небось потом продаст намного дороже, чем приобрела у населения. Продавцы врут покупателям, что одежка совсем новая, максимум один раз надетая. А вот с обувью такой фокус не проделать, она очень быстро изнашивается изнутри, поэтому уходит за копейки. Незнакомка приобрела туфли «Яковини», серо-голубые, те, что сняли с мертвой Жанны. Воронков нашел способ сохранять свои изделия. Даже после интенсивной носки они смотрятся новыми. В скупках всегда заполняют квитанции. Как зовут тетку?

– Светлана Иосифовна Нелидова, – тут же ответил Вовка.

– И сколько лет красавице? – вздохнула я. – Двадцать? Есть ее адрес? Телефон?

Костин вынул из кармана телефон.

– Она живет на Большой Бронной улице, скупка находится рядом.

– Ну надо же! – восхитилась я. – Дочь богатых родителей? Или сама зарабатывает? Поет в герл-бандз? Или актриса из сериалов? Как она связана с Севой?

Костин почесал шею.

– Комары! Совсем обнаглели, в городе нападают! Светлане Иосифовне хорошо за семьдесят, она давно на пенсии, работала в музыкальной школе, была женой известного дирижера, посвятила ему всю свою жизнь. А когда супруг скончался, Светлана Иосифовна превратилась в секретаря своего сына Никиты.

Я вскочила, чуть не опрокинув шаткий пластмассовый столик, потом села назад на неудобный стул.

– Никита Нелидов! Блестящий скрипач, много лет выступал с концертами по всему миру, потом неожиданно прервал карьеру и исчез. Где он сейчас, никто не знает, поговаривали, что уехал в Тибет, ушел в монастырь.

– Ты его знала? – удивился Вовка.

– Надеюсь, ты не забыл, что в моем кармане лежит диплом консерватории? – напомнила я. – О Никите постоянно говорили наши педагоги, впервые я о нем услышала еще в музыкальной школе, когда училась то ли в третьем, то ли во втором классе. Никита у нас выступал, он окончил ту же школу, что и я, и уже поступил в консерваторию. Помню свой шок, когда на сцену вышел маленький, худенький мальчик и заиграл так, как не умеет большинство взрослых опытных музыкантов. Мне сначала показалось, что он совсем ненамного старше меня, и это, кстати, было почти правдой. Никита в тринадцать лет поступил в консерваторию, он был вундеркинд. После его выступления я поняла, что из меня никогда не получится ничего путного в плане музыки. Значит, Светлана Иосифовна приобретает вещи в скупке?

– Да, – подтвердил Вовка. – Может, она нуждается? Берет тряпки задешево, потом перепродает их подороже, имеет крохотную прибыль. Сама знаешь, на пенсию прожить невозможно.

Я напрягла память.

– А ведь я и ее знаю. Моя мама, оперная певица, покинула сцену, родив меня. Я была поздним ребенком, не очень здоровым, вечно болела. Мамуля страшно боялась за Фросеньку¹⁷¹, меня постоянно кутали, я ходила в валенках до июня, но вот парадокс: чем сильнее мама тряслась надо мной, тем чаще я простужалась. Свекровь Светланы Иосифовны была детским врачом, и однажды мама отвезла меня к ней. Я училась классе в пятом, была послушной девочкой и, естественно, не спорила, когда в один из выходных дней услышала от мамы:

– Фросенька, сегодня мы отправимся к лучшему московскому педиатру.

Я привыкла таскаться по докторам и постоянно лечиться, но тот визит стал для меня неожиданностью. Дверь квартиры нам открыла женщина, отлично знакомая мне по школе, – училка Светлана Иосифовна. Я побаивалась Нелидову, она никогда не улыбалась, была очень строга с детьми. Светлана преподавала у нас танцы, она всегда носила при себе длинную линейку и могла треснуть ею по спине того, кто горбился. А я уродилась неуклюжей, вечно путалась у всех в ногах, и педагог недолюбливала меня. Короче, я, и без того не ожидавшая ничего приятного от посещения педиатра, чуть не разрыдалась. Но вредная тетка вдруг ласково сказала:

– Добрый день, детка! Эк тебя замотали в платки! На улице весна давно.

– Фрося постоянно кашляет, – пожаловалась мама, – надеюсь, Анна Марковна нам что-то дельное подскажет.

– Пойдемте, – гостеприимно предложила Нелидова и повела нас по бесконечным коридорам и комнатам.

О квартире преподавательницы танцев у меня остались смутные воспоминания. Она показалась мне огромной, напоминала музей, повсюду висели картины и стояли статуэтки. А еще там царил нечеловеческий холод. Анна Марковна оказалась старухой с крепкими, пахнущими табаком пальцами. Осмотрев меня, она категорично заявила моей маме:

– Милочка, вы сами вредите девочке. Никаких таблеток ей не надо. Вышвырните вон все лекарства, а заодно толстые свитера, рейтузы, шерстяные кофты. Деточка, как ты спишь?

Я растерянно ответила:

– Под одеялом, на кровати.

Анна Марковна хмыкнула:

– Ну-ка опиши свой отход ко сну в деталях.

Я удивилась, но послушно завела:

– В восемь вечера я принимаю ванну, потом надеваю фланелевую пижаму, носочки, жилеточку из шерсти, повязываю на голову платок и ложусь.

Мне можно почитать до половины девятого, потом мама приносит кружечку горячего молока с медом и гасит свет.

– Одеяльце у тебя пуховое? – уточнила педиатр.

– Их два, – кивнула я.

– Форточка в спальне закрыта? – не утихомиривалась врач.

– На улице холодно, – поежилась я, – может возникнуть сквозняк.

Анна Марковна погладила меня по голове и повернулась к маме.

– С сегодняшнего дня никаких горячих ванн, напитков с медом и укутываний. Холодный душ, дома ходить босиком, есть мороженое, побольше гулять на воздухе. Одежда легкая, никаких шерстяных колготок в апреле, спать с раскрытым окном. Через полгода вы забудете о простудах. Отвезите Фросю на лето в Прибалтику.

– Там море ледяное, – возразила мама, – даже в августе восемнадцать градусов.

– Вот и отлично, – кивнула доктор, – то, что надо. Отдайте ребенка в бассейн. Да! Вы на чем ко мне приехали?

– На такси, – ответила мать.

– А почему не на метро? – задала дурацкий вопрос педиатр.

– Там грязно, инфекция! – воскликнула мама.

– Прекрасно! – обрадовалась Анна Марковна. – Вам необходимо пользоваться общественным транспортом. Иммуитет тренируется. Что случается с рукой, долго закованной в гипс? Она теряет способность двигаться. Так же и иммунная система! Не сталкиваясь с болезнями, она делается уязвимой.

Обратите внимание на цыганских детей: бегают зимой босиком по снегу и даже не чихают!

– Она сумасшедшая, – бормотала мама на обратной дороге, – умалишенная! Посоветовать раздеть девочку и отправить ее, босую, общаться с детьми из табора! Фросенька, прикрой личико платочком, в такси повсюду микробы и бактерии! Надень перчатки!..

Костин рассмеялся:

– Ну, я рос в других условиях!

– Трудно быть единственным чадом у не очень молодых родителей, – вздохнула я, – дай мне телефон Светланы Иосифовны, попробую договориться с ней о встрече.

– А не поздно беспокоить старушку? – усомнился Костин.

– Сейчас полдевятого, еще программа «Время» не началась, – возразила я и взяла трубку.

– Квартира Нелидовой, – ответил звонкий молодой голос.

– Позовите, пожалуйста, Светлану Иосифовну, – попросила я.

– Кто ее спрашивает? – поинтересовалась девушка.

Я замаялась.

– Мне трудно представиться. В давнюю пору я училась у педагога Нелидовой в музыкальной школе, но вряд ли она вспомнит сейчас Фросю Романову.

– Деточка, я еще не впала в маразм, – засмеялась собеседница, – голова пока меня не подводит. Как поживает твоя мама? Она не вернулась на сцену после того, как ты закончила школу?

– Нет, – тихо ответила я.

– Очень жаль, – вздохнула Светлана Иосифовна, – настоящее колоратурное сопрано большая редкость, а у твоей матери оно было блестящее. Но я ее понимаю. Когда рождается ребенок, карьера уходит на задний план. Нуте-с, зачем я тебе понадобилась?

– Мне бы хотелось поговорить с вами, – ответила я.

– Начинай, – приказала Светлана Иосифовна.

– Не по телефону. Если разрешите, я подъеду к вам завтра в любое удобное для вас время, – попросила я.

– Лучше сегодня, – неожиданно предложила Нелидова.

– В Москве пробки, мне понадобится почти час, чтобы добраться до Бронной, – предостерегла я.

– Ты укладываешься спать с петухами? – засмеялась Светлана Иосифовна. – Я страдаю бессонницей, до трех утра телевизор смотрю, буду рада встрече.

Глава 26

– Как мама? – спросила Светлана Иосифовна, когда я сняла балетки.

– Она умерла, – после паузы ответила я, – и папа тоже.

Нелидова прикрыла рот рукой.

– Ой! Прости, деточка. Про кончину твоего отца я знала, а вот мама... мне она казалась совсем молодой женщиной. Хочешь кофею?

– Лучше чаю, – быстро сказала я.

– Ну, пошли в гостиную, – велела Светлана Иосифовна и крикнула: – Катерина, свари мне как обычно, а Фросе сделай чаю, подай сливки, конфеты, печенье! – И обратилась ко мне: – В наше время практически невозможно найти хорошую домработницу! И ведь я их не на улице подбираю, не объявления у метро отрываю! Обращаюсь в приличное агентство! Присылают оттуда баб, все с рекомендациями, а как начнут работать...

Светлана Иосифовна пошла по коридору, ловко лавируя между расставленными в самых неожиданных местах вазами.

– Ничего не умеют, кофе наливают в кружки, лимон нормально не порежут, стол не накроют. Приходится тратить месяцы на обучение. Только обтешешь девицу, а она замуж выскакивает!

Продолжая жаловаться на прислугу, Светлана Иосифовна ввела меня в огромную комнату и усадила за большой овальный стол. Я окинула взглядом интерьер. Не похоже, что Нелидова живет на скромную пенсию. Стены гостиной увешаны картинами, большой рояль у окна заставлен старинными фарфоровыми фигурками, на столе, в самом центре, роскошный букет, неподалеку от него – серебряные сахарница, солонка, перечница, поднос с лопаточкой, на консоли, примостившейся почти вплотную к двери, теснятся фотографии в тяжелых серебряных рамках. Вот снимок Светланы Иосифовны времен моего обучения в музыкальной школе, далее несколько изображений незнакомых мужчин и женщин, вон Никита со скрипкой, совсем маленький, ему, похоже, лет пять, и...

От удивления я привстала, а Нелидова засмеялась.

– Понимаю, почему ты обо мне вспомнила! Хочешь устроить своего ребенка в музыкальную школу, минуя конкурсные испытания? Знаешь, я абсолютно уверена, что дети наших бывших воспитанников имеют приоритет перед остальными. Даже если твой малыш начисто лишен данных, я его возьму. Кто у тебя? Мальчик или девочка?

Я постаралась расслабиться.

– Я не обзавелась потомством.

– Не беда, – кивнула Нелидова, – еще успеешь, сейчас многие рожают после тридцати. Одна моя знакомая в сорок семь стала матерью прелестной девочки. Думаю, сначала надо создать материальную базу, достигнуть успехов в профессии. Что могут дать сыну родители-студенты, а? Но, Фросенька, я теряюсь в догадках. Если не музыкальная школа, то что? Ты чем занимаешься, деточка? Играешь в оркестре? Живешь в России? Концертируешь в Германии или Америке? Многие наши ученики осели за границей.

– Моя судьба не связана с музыкой, – ответила я, – э... в общем, я служу частным детективом.

– Кем? – ахнула Светлана Иосифовна. – Сыщиком? Вот ужас!

Я улыбнулась.

– На самом деле не так страшно. Я не ношу форму, не числюсь в системе МВД, оказываю платные услуги.

– Пинкертон? – неожиданно продемонстрировала знание предмета Нелидова.

– Вроде того, – кивнула я, – и одно расследование привело меня к вам.

– Ко мне? – поразилась она. – Менее криминального человека, чем я, представить трудно. Я не нарушаю даже правила дорожного движения, перехожу улицу исключительно на зеленый свет. Долгов по квартплате не имею. В чем дело, деточка?

– Можно мне задать вам вопросы, которые принято считать не очень приличными? – спросила я.

– Если они тебе помогут, то да, – кивнула Нелидова. – Но, знаешь ли, мне скрывать нечего, возраст давно написан на лице, а жизнь посвящена школе, а затем директор. В чем дело?

школе, я теперь директор. В чем дело?

Я решила заехать издалека.

– Может, вы помните Евгению Ковалеву, скрипачку? Она сначала училась в нашей музыкалке, занималась скрипкой, затем окончила консерваторию, играла в оркестре.

Светлана Иосифовна насупилась, и тут горничная принесла чашки. Хозяйка моментально начала ее ругать:

– Сколько раз говорено! Поставь посуду на поднос. Где ложечки? А? Безобразие!

Чем сильнее Нелидова злилась, тем яснее я понимала, что нажала на очень большую мозоль, хозяйке совершенно не хочется беседовать о Ковалевой.

Я терпеливо дождалась, пока домработница уйдет, и повторила вопрос:

– Женя Ковалева, талантливая скрипачка. Вы с ней поддерживали отношения?

Педагог посмотрела на консоль.

– Деточка, у нас училось такое количество ребят! Вероятно, среди них была и упомянутая тобой Женечка.

– Странно, что вы сразу меня вспомнили, – вздохнула я, – и забыли Ковалеву. Она была в разы талантливее меня, и вон там, среди массы фотографий, на которые вы сейчас посмотрели, есть снимок Всеволода, ее сына.

Лицо Светланы Иосифовны вмиг покрыли красные пятна.

– Ты знакома с Севочкой?

– И очень даже хорошо, – подтвердила я. – Женя моя близкая подруга. Но, простите, я никогда не слышала, чтобы она или Сева произносили ваше имя. Наличие его снимка у вас свидетельствует о вашей близости с Всеволодом, но вы не бывали в доме Ковалевой ни на днях рождения, ни на семейных праздниках. Что вас объединяет с ее сыном?

Светлана Иосифовна сжала руки в кулачки.

– Я увлекаюсь антиквариатом, обожаю старинные штучки. Несколько лет назад увидела в магазине рамочку с этой фотографией. Ну, и купила ее для коллекции.

– Рекламный снимок, – улынулась я. – Изображение незнакомого человека?

– Да, да, – обрадовалась Светлана Иосифовна, – мне понравилось лицо, открытое, благородное, прекрасное.

– Он в больнице, – тихо произнесла я.

– Кто? – испугалась Нелидова.

– Сева, – продолжила я.

– Что с ним? – закричала хозяйка дома. – Вот почему он не звонит! Боже! Он заболел? Это опасно? Где Сева лежит? Надеюсь, его отвратительная мать и жестокий отчим...

Светлана Иосифовна начала шумно дышать. Я вскочила и бросилась за домработницей.

Через полчаса Нелидова, приняв лекарства, снова ожила и засуетилась.

– Надо ехать в клинику. Надеюсь, мальчика лечат в нормальных условиях?

– Всеволода поместили в больницу имени Харитонова, – сказала я.

Светлана Иосифовна схватилась за голову.

– Муниципальная клиника! Бесплатная! Скоромощная! Сева лежит в коридоре! Хотя если учесть жадность и черствость Ковалевой, то ничего поразительного в этом нет!

Я перебила Нелидову:

– Нет, он в реанимации.

– Инфаркт? – пролепетала пожилая дама. – Инсульт? Севочка человек без кожи, он так близко к сердцу принимает чужие беды, неприятности. Знаете, что он основал фонд «Помоги жертве»? У меня ноги дрожат!

Я усадила Светлану Иосифовну на диван и решила частично ввести ее в курс дела.

– На Всеволода напали и ранили его ножом. Вы правы, больница имени Харитонова государственная, не частная, но там работают хорошие врачи с огромным опытом. Сева лежит в комфортных условиях, вот только вас к нему не пустят.

– Не имеют права! – закричала Светлана Иосифовна. – Нельзя изолировать внука от бабушки.

Я отпрянула от нее.

– Сева – сын Никиты?

– Ну вот! – с отчаяньем воскликнула хозяйка. – Я проговорила! Севочка очень расстроится.

– Ваша тайна останется в сохранности, – пообещала я. – Но чтобы найти того, кто пытался убить Севу, нам необходимо как можно больше знать о нем. Женя никогда не упоминала имени биологического отца своего сына.

Светлана Иосифовна съжилась.

– Ну ладно, раз речь идет о покушении на мальчика, расскажу правду. Слушай, как было дело! Мы со Львом Яковлевичем пережили шок.

В истории, рассказанной Нелидовой, нет ничего необычного. Супружеская пара обожала своего сына Никиту, гордилась его музыкальными талантами. Никита был вундеркиндом, его ждала слава Моцарта. Он оказался не только поразительно одарен, но и демонстрировал редкостное трудолюбие, часами стоял со скрипкой у попюпитра. Как правило, успешные музыканты, получая премии, благодарят своих родителей со сцены:

– Спасибо маме, папе, бабушке, они не обращали внимания на мои слезы в детстве, не отпускали меня во двор, приковали к инструменту. Я стал хорошим исполнителем благодаря упорству родных.

Зал аплодирует, мать, сидящая в партере, заливается слезами радости. Но никто из победителей никогда не говорит правды о своем детстве. На самом деле его, этого самого детства, не было. Все время будущий великий музыкант проводил, разучивая экзерсисы, он никогда не играл с ребятами во дворе, не валялся на диване у телевизора, не ездил в лагерь, не шалил, был с пеленок направлен к нужной цели.

Свой первый международный конкурс Никита выиграл в десять лет, дальше награды посыпались дождем. Талантливого подростка мечтали услышать в разных странах мира, но его отец, Лев Яковлевич, категорически сказал:

– Нет. Ты учишься и до шестнадцати лет не гастролируешь.

Похоже, Никита был одарен не только музыкально. Он получал одни пятерки по всем общеобразовательным предметам, легко перескакивал через класс и поступил в консерваторию, когда ему едва сравнялось тринадцать.

Никиту никогда не требовалось принуждать к занятиям. Он приходил в класс за час до начала урока и уходил домой, когда сторож запирает залы. Никита был настолько одарен и трудолюбив, что его никогда не ставили в пример другим учащимся. Какой смысл сравнивать астероиды с Солнцем?

Студенчество считается самой счастливой, беззаботной порой, оно словно венчает детство. Те, кто обучается в консерватории, мало чем отличаются от своих сверстников с журфака или будущих юристов. Вечеринки, походы в кино, поездки за город. «От сессии до сессии живут студенты

весело», эта поговорка справедлива во все времена. Но Никита не принадлежал ни к одной из компаний, он не интересовался девочками, не пил, не курил, не гулял. Идеальный юноша, мечта педагогов и родителей. Молодежь не любит задавал или тех, кто выделяется на общем фоне, но Никиту никогда не дразнили и не обижали. Даже его однокурсники понимали: самый младший из студентов – гений.

Светлана Иосифовна сильно забеспокоилась, когда ее шестнадцатилетний сын вдруг плохо сыграл на одном из конкурсов. Никите, всегда становившемуся победителем, в тот раз не досталось призового места. Из двадцати участников он оказался девятнадцатым.

Среди музыкантов змеями поползли слухи. Одни говорили, что Никита слишком рано стартовал, использовал весь свой потенциал и сейчас начнет медленно съезжать с вершины. Другие злорадно намекали на нелюбимость Никиты, говорили: «Вероятно, наш Моцарт нестабилен психически». Третьи пытались защитить его, вспоминали о том, что юноше едва стукнуло шестнадцать и ему небось наконец-то захотелось погулять.

Светлана Иосифовна попыталась побеседовать с сыном по душам, но Никита не стал откровенничать ни с отцом, ни с матерью, лишь повторял:

– Невозможно всегда оставаться первым. Я не обещал вам быть вечным победителем.

Через два месяца после провала на конкурсе к Светлане Иосифовне приехала Софья Абрамовна, педагог Никиты, и сказала:

– Света, поклянись, что никому не расскажешь. Я знаю, почему Никита пребывает в расстроенных чувствах. У него родился ребенок.

Светлана Иосифовна решила, что она не так поняла Соню. Она спросила:

– Кто?

– Младенец, – повторила профессор, – ему еще нет года.

Светлане показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Но она взяла себя в руки и категорично заявила:

– Соня, я тебя уважаю и люблю, но принесенная тобой дичайшая сплетня – нонсенс! Она не имеет ничего общего с Никитой. Он ходит по маршруту дом – занятия – дом. Заведи он любовницу, я первая узнала бы о романе, да сын даже по телефону с девушками не разговаривает!

Соня укоризненно посмотрела на Светлану.

– Интим случился всего один раз. Юношу попросили позаниматься с группой учащихся музыкальной школы, в ее составе было три восьмиклассницы. Одна из них соблазнила твоего сына прямо в классе.

– Развратница! – возмутилась Светлана Иосифовна. – Мерзавка!

– Света, ей было тринадцать, – уточнила Софья, – а Никите пятнадцать. Лучше тебе осторожно поговорить с мальчиком. Не дави на него, он в депрессии.

Светлана Иосифовна с трудом дождалась возвращения сына. Едва он вошел в прихожую, как мать объявила:

– Я знаю все! Немедленно рассказывай, как появился ребенок!

Никита смутился, но куда ему было деваться? Мать услышала банальную историю.

Женечка Ковалева давно была влюблена в Никиту, она ходила на все его выступления, всячески пыталась обратить на себя внимание гениального скрипача, но тот не замечал ее. Впрочем, Никита вообще не смотрел в сторону девушек, тратил все силы на скрипку.

Не знаю, как сейчас, но в советские годы студенты консерватории обязаны были проходить трудовую практику. В стройотряд пианиста или скрипача послать нельзя, поэтому будущие музыканты отправлялись в школы, вели там кружки. Никиту, как самого талантливого, направили не в обычное общеобразовательное учреждение, а в музыкальное, то самое, которое он сам заканчивал. Заниматься с Никитой после уроков захотели три юные скрипачки. Затем двум надоели дополнительные уроки, а Женечка осталась.

В интимные отношения подростки вступили всего один раз. После того случая Никита прервал практику, испугавшись содеянного. И, если честно, он не испытывал к Ковалевой ни малейших чувств.

Первое время Никита нервно вздрагивал от каждого телефонного звонка, не желая выяснять с Жекой отношений, но девочка ни разу не позвонила. Никита решил: все, инцидент исчерпан!

Месяцев через шесть после памятного вечера Никита спешил домой и был остановлен окликом:

– Эй, погоди!

Юноша с удивлением посмотрел на приближающуюся девушку и спросил:

– Вы ко мне обращаетесь?

– Не узнаешь? – спросила круглолицая девица.

– Нет, а должен? – напрягся Никита, решив, что его во дворе поджидает фанатка.

– Здорово! Я Женя Ковалева, – представилась девушка.

– Как ты изменилась! – попятился юноша. – Потолстела.

Она вплотную приблизилась к студенту.

– Я беременна. От тебя.

– Врешь! – в ужасе воскликнул Никита. – Мы всего один раз... ну... того... самого.

– Хватило и этого, – мрачно произнесла Женя. – У меня нету денег, чтобы заплатить врачу!

– Какой доктор тебе нужен? – спросил юноша.

– Аборт сделать, – сердито произнесла Женечка. – В женской консультации у всех требуют паспорт. Если восемнадцати лет не исполнилось, вызовут милицию. В больницу без направления не берут. Я очень долго гинеколога искала, не знала, что по закону от младенца только до двенадцати недель избавиться можно. И упустила все сроки. Нельзя никому рассказывать, что со мной случилось! Меня мама убьет.

Глава 27

Никита слышал слова Жени словно сквозь вату. Он внезапно понял, в какое ужасное положение попал. Если девушка не сделает аборт, ему придется жениться на ней. Мало того, что он получит совершенно не нужную, нелюбимую жену, так еще и младенца. Если Никита еще как-то был способен представить себя супругом, то роль отца показалась ему отвратительной.

– Может, и обойдется, – сердито говорила Женя, – мама пока думает, что я расту, много ем, поэтому толстею. Живота у меня нет, он в бока ушел.

Короче, давай четыреста рублей, и ребенка не будет.

– Сколько? – попятился Никита. – Где мне взять такую сумму?

– У родителей, – огрызнулась Ковалева. – За аборт всегда мужчина платит.

– Почему? – глупо поинтересовался Никита.

– Потому что он мужчина, – зло ответила Женя. – Времени тебе до среды, поспеши, иначе я принесу конверт с малышом и суну твоей маме. То-то она обрадуется!

Никита представил реакцию матери, испугался до рези в желудке и пообещал:

– Достану.

– Отлично, – сразу повеселела Женя.

Ночь Никита провел без сна, утром поехал в консерваторию и обратился с просьбой о займе к Илье Николаевичу Егорову, самому молодому преподавателю, с которым у юноши вроде намечалась дружба.

– На что собрался их потратить? – насторожился Илья.

– Я отдам, – пообещал Никита, – буду вам приносить каждый месяц всю свою стипендию.

– Помогу только в том случае, если узнаю, что произошло, – решительно сказал Егоров.

Никита покаялся в совершенном грехопадении. Илья развеселился, похлопал паренька по спине и начал учить неоперившегося птенца уму-разуму:

– Молодо-зелено. Все мужчины рано или поздно с такими бабами сталкиваются. Отправимся на встречу вместе, я улажу твою проблему.

Едва увидав Женю, Илья поехал на нее танком:

– Докажи, что беременна именно от Никиты.

Она покраснела.

– Мы с ним... ну, вы понимаете...

– Нет, – не моргнув глазом произнес Илья Николаевич. – Что вы с ним? Спали вместе?

– Да, – с облегчением выдохнула Жека.

– И как долго длились ваши отношения? – деловито спросил Егоров.

– Один раз, – потупилась Ковалева.

– И больше вы не встречались? – вел допрос Илья.

– Нет, – призналась Женечка.

– Отлично, – потер руки Егоров, – ступай, красавица, поищи другой объект для обмана. Никита здесь ни при чем.

– Как? – опешила Женя. – Я беременна.

– Вероятно, но не от Нелидова, – решительно заявил Егоров. – Ты думала, он такой наивный?

Об анализе ДНК тогда не слышали, а исследование крови ребенка и предполагаемого отца давало не стопроцентно точный результат. Но Женя, похоже, ничего не знала об анализах, она повернулась к Никите.

– Скажи ему!

Илья живо наступил Нелидову на ногу.

– Нет, Никите говорить не о чем! У тебя есть свидетели?

– Чего? – разинула рот Женя.

– Всего, – жестко ответил Илья, – знаю я вас! Валялась в койках со всеми подряд, а теперь, когда хвост прищемило, вспомнила про Никиту. Верный расчет. Парень из достойной, обеспеченной семьи, карьера у него впереди волшебная, поди плохо с таким породниться.

– Я прошу денег на аборт, – прошептала она.

– Знаем, уже ели! Известная сказка, – оскалился Илья. – Сначала возьмешь четыреста рублей, затем под дверью возникнешь, зарыдаешь: «Простите, не сделали мне операцию!» Поищи другой объект. Имей в виду, если не отстанешь от Нелидова, его родители устроят тебе карнавал под бананами, докажут, что их сын в указанный тобой день сидел дома, а не развлекался с проституткой в чулане школы. На свет вытаскают все твои похождения, разберут по косточкам, и плевать, что тебе мало лет, Никите тоже восемнадцать не исполнилось. Заведешь речь о соращении малолетней, услышишь в ответ про соблазнение мальчика. Закон работает в обе стороны. Вопросы есть? Да, вот еще что непонятно: откуда появилась сумма в четыре сотни? Я знаю цены. Избавление от нежелательной беременности стоит пятьдесят целковых вместе с наркозом. Ну?

Женя бросилась к Никите:

– Не молчи! Объясни ему, как было дело!

– Иди, иди, – приказал девочке Илья, – канай лесом, ни на что не рассчитывай.

Ковалева заплакала, сделала несколько шагов, повернулась, вытерла слезы и зло сказала:

– Вот приползешь на коленях прощения просить, а я тебе сапогом в нос дам! Не смей ко мне подходить ближе, чем на километр! От ребенка я все равно избавлюсь! Четыреста рублей стоит операция на позднем сроке, пятьдесят дают, если вовремя на аборт приходят.

– Ну и хорошо, – кивнул Илья, – успеха тебе!

Когда Женя исчезла из зоны видимости, Егоров стал отчитывать Никиту:

– Запомни, казанова, секс без презерватива недопустим. Всегда имей при себе изделие номер два. Да, оно снижает удовольствие, но избавляет от последующих неприятностей. Никогда не плати случайной бабе, не давай денег на аборт мимолетной любовнице.

– Мужчина несет ответственность, потому что он сильный пол, – заикнулся было Нелидов.

Илья скривился.

– Но только не в случае одноразового траха. Если отсчитал рубли, значит, признал факт интимного общения. Бабье хитрое, залетят от кого попало, а ты плати ей каждый месяц в течение восемнадцати лет. Эй, чего побледнел?

– Не подумал об алиментах, – признался Никита. – Значит, если Женя родит и подаст на меня в суд, я обязан содержать младенца до его совершеннолетия?

– В принципе, да, – кивнул Илья, – скажи спасибо, что я тебя удержал от оплаты аборта, это было бы фактическим признанием твоего отцовства.

– Надо ей помочь, – задергался Никита.

Илья похлопал юношу по спине.

– Не дрейфь! Она все уладит. Если на самом деле девица в положении, непременно к гинекологу обратится.

– Полагаешь, она могла соврать? – спросил скрипач.

– Наивный ты мой, – засмеялся Егоров. – Девкам солгать как чихнуть, у них в голове с пяти лет одна мысль: найти мужа, сесть ему на шею и потом всю оставшуюся жизнь его пинать. В следующий раз будь умнее.

Через год после происшествия Никита шел по парку неподалеку от станции метро «Новые Черемушки». Его в тот район занесло случайно. Стояла теплая солнечная погода, и Никита решил немного прогуляться.

Он прошелся по аллеям и ненароком забрел в лесную зону. Никаких указателей там не было, людей тоже. Парень сообразил, что заблудился. По счастью, минут через десять он вышел на опушку, увидел скамейку, на ней девушку в широкой соломенной шляпе с книгой в руке. Рядом стояла коляска.

Скрипач подошел к незнакомке, но та была настолько увлечена сюжетом, что не оторвала взора от страницы. Он спросил:

– Подскажите, как пройти к метро?

Молодая мать подняла голову, Никита ойкнул: перед ним сидела Женя.

– К станции? – спокойно поинтересовалась она. – Налеро и лалее прямо

– Это кто? – дрожащим голосом задал вопрос Никита, указывая на коляску, из которой неожиданно донесся сердитый крик. Женя встала, вынула круглощекого бутуза и поцеловала его.

– Мальчик.

Никита замер. На него смотрели те же глаза, что каждый день он видел в своем зеркале.

– Ты не сделала аборт, – пробормотал музыкант.

Женя прижала малыша к груди.

– Молодой человек, отстаньте, мы с вами незнакомы.

– Неужели ты меня не узнала? Я Никита, – растерялся парень.

– Впервые вас вижу, – совершенно искренне произнесла Ковалева.

– Я Никита, – в полнейшей растерянности повторил Нелидов, – отец мальчика.

Женя положила сына в коляску и начала ее трясти.

– У Севы нет папы, я его у подъезда в кустах нашла!

– Не ври! – разозлился Нелидов. – Ты обещала сделать аборт! Почему обманула? Надеешься, что я стану алименты платить?

Женя сдвинула брови, жала кулаки и, наклонив голову, двинулась на юношу.

– Ах вот что тебя волнует! А я уж думала, что посмотрел на малыша и сразу полюбил его! Иди вон! Не бойся, твои деньги мне не понадобятся!

Катись прочь! Страдивари недоделанный! Считаешь себя гением? Да ты пиликалка, и только.

Последние слова здорово задели Никиту, и он заорал:

– Ты мне не нужна, а ребенок неизвестно чей! В следующий раз, когда захочешь еще кого-нибудь обмануть, потрахайся с ним хотя бы неделю!

Женя схватила с земли камень и швырнула в Нелидова, Никита ловко увернулся и ушел.

Он постарался поскорее забыть неприятную встречу, запретил себе думать о Ковалевой, но, как назло, всякий раз, укладываясь спать, Никита начинал вертеться под одеялом. Он очень боялся, что Женя возникнет на пороге их квартиры и расскажет его родителям, что они стали бабушкой и дедушкой. Никита отлично знал: отец и мать не потребуют от нее никаких справок, они поверят ей и заставят сына жениться. Никита стал нервным, вздрагивал от любого телефонного звонка, первым бросался открывать дверь и обзавелся привычкой постоянно оглядываться, идя по улице. Нелидову чудилось, что Евгения вот-вот вынырнет из-за его спины и сунет ему в руки сына.

Не зря говорят, если чего-то очень опасаясь, это с тобой непременно произойдет. Двадцать девятого ноября, эту дату Никита запомнил навсегда, к нему во дворе дома подошла незнакомая хорошо одетая дама и спросила:

– Вы Нелидов?

– Да, – ответил Никита.

– А я Таисия Ивановна, – представилась женщина, – мать Жени Ковалевой.

Скрипач врос ногами в землю, а тетка спокойно продолжила:

– Хочу вас предупредить: ни Женя, ни я, ни Севочка ничего от вас не хотим. Нам не нужны ваши деньги и связи, мы вполне способны самостоятельно поднять малыша. Единственная просьба к вам, держитесь подальше от моей дочери и никогда не приближайтесь к ребенку. Всеволод никогда не услышит вашего имени, если вы сами к нам не пристанете. Договорились?

Студент кивнул, он на время потерял дар речи. Таисия Ивановна повернулась, сделала несколько шагов, затем остановилась.

– Нелидов! Я не стану вам говорить, сколько горя вы причинили моей дочери. Она вас любила искренне, горячо, а вы наплевали ей в душу, фактически представили девочку проституткой. Вы отняли у моей дочери детство и беззаботную юность, а я в ответ тоже заберу у вас кое-что.

– Пожалуйста, не говорите маме, – очнулся Никита, – у нас нет денег, папа педагог, мать тоже, я пока много не зарабатываю.

– Деньги! – презрительно произнесла Таисия Ивановна. – Да ты, мальчик, червяк! И такому подлому человечешке, который думает только о наживе, свыше дан уникальный дар? Это несправедливо, ты не достоин стать великим музыкантом, у тебя душа слизня.

Ковалева подняла вверх руку и торжественно сказала:

– За горе, доставленное Женечке, за ее слезы и испорченное здоровье проклинаю тебя. Пусть Бог отвернется от тебя, пусть твои пальцы сводит судорога всякий раз, когда они будут брать смычок, пусть твой дар уйдет в песок, сдохнуть тебе в каменном подвале без окон. Аминь!

Как подавляющее большинство детей, рожденных и воспитанных при советской власти, Никита никогда не посещал церковь и не верил в Бога. Атеизм его проистекал от полнейшей религиозной безграмотности. Нелидов не читал Библии, а иконы видел лишь в музеях. В то, что один человек может проклясть другого и у того начнутся беды, парень не верил. Но в тоне Таисии Ивановны было нечто зловещее. На улице стемнело, во дворе – ни души, и юноша струхнул. Ему стало совсем плохо. В ту секунду, когда мать Ковалевой замолчала, раздался сильный треск, на секунду вспыхнул яркий свет. Гроза в конце ноября – редкое явление, и надо же было ей приключиться именно в тот вечер. Потом газеты писали о климатическом казусе, сообщали, что молнии в конце осени – уникальное событие, сетовали на изменение климата, но факт остается фактом. Не успела Таисия Ивановна торжественно провозгласить «Аминь», как молния угодила в высокий дуб, росший во дворе. Дерево загорелось, Никита онемел, а мать Жени задрала голову, крикнула:

– Спасибо, Господи, услышал меня, – и убежала.

Нелидов, обмирая от ужаса, бросился в подъезд.

С того вечера он стал хуже играть. Руки ему не повиновались, их словно стягивали веревкой, едва Никита смотрел на скрипку. Вдобавок он стал хуже слышать, уши закладывало, перед началом концерта у Нелидова начинало чесаться тело, гореть лицо, он никак не мог сосредоточиться, его покинуло чувство восторга, упоения. Парень честно пытался извлечь из инструмента звуки, но он более не был частью симфонии, ее душой, нервом, Никита стал просто человеком со смычком в руках, обычным музыкантом, который научился играть на скрипке. С ним произошло самое ужасное, что может случиться с исполнителем: он потерял музыку.

Глава 28

Никита откровенно рассказал Светлане Иосифовне о Жене, о ребенке, о своих страхах, о встрече с Таисией Ивановной. Всегда замкнутый сын был настолько испуган и измучен ситуацией, что не утаил от матери ничего.

О психотерапии в те годы в России знали мало, Нелидова ничего о подобных докторам не слышала, поэтому она обратилась к школьному хормейстеру Игнатию Николаевичу. Тот не выпячивал свою религиозность, но все знали, что он поет в церковном хоре. Игнатий познакомил Светлану со знающим батюшкой, а тот посоветовал:

– Пусть женщина, наложившая проклятие, снимет его, но Никита должен покаяться перед ней, попросить прощения.

Меньше всего Светлане Иосифовне хотелось встречаться с Таисией Ивановной, но альтернативы не было. Нелидова позвонила Ковалевой, а та

почему-то не стала противиться свиданию. Дамы решили пообщаться на нейтральной территории, встретились в кафе при Доме композитора и неожиданно мирно поговорили. Светлана стала умолять снять проклятие, Таисия быстро ее остановила:

- Я сто раз пожалела, что произнесла злые слова. Простите, я очень нервничала тогда.
- Это вы нас извините, – заплакала Светлана.
- Глупые дети, – всхлипывала Таисия, – им следовало сразу к родителям пойти, признаться!
- Никита испугался, – рыдала Нелидова, – он наивный, не хам, не сволочь. Мы готовы содержать внука, сыграть свадьбу.
- Не надо, – отказалась Таисия. – Моя Женя-дурочка эту историю заварила! И она уже не хочет связывать свою жизнь с Никитой, ушла любовь.

Поплавав от души, матери приняли решение. Нелидовы передают Ковалевой энную сумму денег одноразово, более Никита о Севе не заботится, ни малейшего участия в его жизни не принимает. Женя никогда не беспокоит биологического отца Севы, она сама распоряжается судьбой малыша, без оглядки на Нелидовых. Обе семьи молчат о произошедшем, Севе правду об отце сообщать не станут. Таисия Ивановна вместе с Никитой и Светланой Иосифовной пойдут в церковь, где Ковалева перед иконой снимет проклятие.

Сделали, как договорились. Никита и Евгения более не встречались, к скрипачу вернулся его потрясающий музыкальный дар. Светлана Иосифовна запретила себе думать о внуке, и, надо сказать, ей это удалось.

Шли годы, Никита сделал сверхспешную карьеру, устроил свою личную жизнь. Его избранница Юлия оказалась чудесной, умной, хорошо воспитанной женщиной, пианисткой, со свекровью она дружила, ради любимого отказалась от карьеры. Светлана и Юля посвятили себя Никите и были счастливы. Детей у Нелидовых не было, но Светлана Иосифовна не страдала от отсутствия внуков, понимая, что не сможет делить свою любовь: вся ее нежность без остатка отдана Никите.

Пару лет назад он поехал в Индию. Не иначе как те гастроли подстроил сам дьявол, и он же сделал так, что Нелидов отправился в Дели один. Светлана Иосифовна и Юля одновременно заболели гриппом. Отказаться от концертов Никита не мог, поэтому он улетел за тридевять земель. Конечно же, и Юля, и мать очень волновались, постоянно звонили ему, а он спокойно отвечал:

- У меня полный порядок, ничего форс-мажорного не происходит.
- Нелидов вернулся в Москву в назначенный срок и выглядел прежним, вел себя обычно, много работал. А через полгода он исчез.
- Светлана Иосифовна показала рукой на край стола.
- Вон там он оставил письмо. Могу тебе его прочитать.

Я не успела ничего сказать. Она легко вскочила, подошла к секретеру, выдвинул ящичек, вынула сложенный листок бумаги и начала читать:

– «Дорогие мама и Юля! Очень надеюсь на ваше понимание. Прежде чем делать какие-то выводы, внимательно прочтите мое послание. Я постарался ответить на все вопросы, которые, по моему мнению, должны у вас возникнуть. Где я? Живу при одном из индийских храмов. Его адрес? Не сообщу, потому что не хочу видеть вас. По какой причине не желаю встречаться с семьей, что вы сделали плохого? Ничего, вы здесь ни при чем, дело во мне. Я устал носиться по странам и континентам. Моя жизнь похожа на один бесконечный день. Меняются интерьеры, зрители, но суть одна, я стою перед темным залом, он пугает меня ожиданием. Я не имею права плохо сыграть, нервничать, растеряться, в конце концов, заболеть. Я гений, виртуоз, это моя роль, моя несчастная карма. Когда-то, давно-давно, я любил музыку, хотел славы, денег, восторга. Я получил все и понял: это тлен, зола, ничего у меня нет. Я устал. Я исполнял сначала роль вундеркинда, потом вундерстудента, затем вундерсолиста. Я не хочу быть «вундером», надоело. Пусть исчезнет музыка, навсегда пропадут все звуки, кроме пения птиц, шума ветра и листвы. Я пойду по другому пути. Очень прошу забыть меня. Юля, я оформил на тебя четверть всех своих денежных вкладов в разных странах мира. Необходимые документы прилагаются. Мама, в твое распоряжение поступает три части моих капиталов и все авторские права. Я выписался из квартиры, продал машину, вам останется лишь выбросить мои вещи на помойку. Я теперь живу в таком месте, где материальные ценности ничего не значат, у меня другие имя и судьба. Прощайте. Никита».

Светлана Иосифовна сложила листок.

– Ну, что скажешь?

– Не знаю, – честно ответила я и, опомнившись, добавила: – Вероятно, Никите нужен отдых, он придет в себя и прилетит в Москву. Кризис среднего возраста.

Преподавательница вернулась к столу.

– Не заметила в послании ничего странного?

– Оно само по себе невероятное, – произнесла я.

Нелидова отвернулась к окну.

– Никита завершил московские дела, позаботился о нас с Юлей, распорядился деньгами, машиной, авторскими правами на свои произведения. Сын писал музыку. Но он забыл о скрипке!

Я вздохнула. Инструмент для музыканта сродни ребенку. Обычному человеку все они кажутся одинаковыми, большинство людей не знают разницы между альтом и скрипкой. Просто кусок дерева со струнами. Знаете, скрипка живая, она может обидеться на владельца и перестать звучать, может мстить – струна лопнет в самый неподходящий момент. Если скрипка принадлежит государству, а не лично исполнителю, она может погибнуть при смене владельца. Не со всяким человеком старинная виола найдет общий язык, не каждому захочет помочь. Бывают вредные, злые скрипки, но больше нежных, трепетных, страдающих. Известные инструменты – очень дорогое удовольствие. У Никиты была скрипка работы Николо Амати. Она никогда не подводила хозяина, а тот не расставался с ней, и вот фокус – покидая Россию, Никита бросил ее в своем кабинете. Тщательно позаботившись о счетах, музыкант не вспомнил про скрипку. Значит, он действительно навсегда ушел из музыки.

– Вижу, ты все поняла, – сказала Светлана Иосифовна, – он не вернется. Никита всегда был неординарным человеком, я не очень удивилась его поступку. Вот Юля оказалась в шоке. Да ты ее знаешь.

– Вашу невестку? – переспросила я. – Откуда?

– Юлия Ребятова играла с тобой в одном оркестре, – пояснила Светлана Иосифовна, – она мне часто о коллегах рассказывала, и о тебе в том числе.

Я вздрогнула. Ребятова?! Тихая пианистка, никогда не вступавшая в досужие споры? С Юлией мы почти не пересекались. Ее в коллективе еще менее замечали, чем меня. Ее также никогда не приглашали на вечеринки, мы стояли особняком. Правда, один раз повздорили, когда я сказала по глупости в лицо коллегам, что нельзя сплетничать о Жене Ковалевой. Потом Юля извинилась передо мной.

Светлана Иосифовна улыбнулась.

– Юля всегда говорила, что ты талантлива, но запугана ожиданиями своей матери. Ей казалось, что хорошо играть тебе мешает груз ответственности и боязнь не оправдать доверия. Тебе вбили в голову, что просто так ничего не бывает, хорошее отношение надо заслужить. Вот ты и старалась, прямо до трясушки, и ничего у тебя не получалось.

Я решила прервать Светлану Иосифовну:

– Где вы познакомились с Севой?

Нелидова провела пальцем по скатерти.

– Здесь, в квартире, он сам приехал.

Я опешила.

– Зачем он к вам заявился?

Светлана Иосифовна оперлась локтями о стол.

– Я открыла дверь и чуть не закричала. В первую секунду мне показалось, что Никита вернулся. Я схватилась за вешалку, земля из-под ног ушла. Никогда не распахиваю дверь без того, чтобы не посмотреть, кто на лестнице, наша с Юлей квартира лакомый кусок для грабителей, здесь много антиквариата. Признаюсь тебе, я даже не помню, чего и сколько у нас есть. Недавно потянуло меня в кабинет Никиты, я туда после отъезда сына не заглядывала. Встала посередине, смотрю на картины, вроде другие тут висели, не узнаю их! А уж какие статуэтки где стоят, мне точно не ведомо. Лев Яковлевич постоянно фарфор приносил, покойного мужа нельзя назвать коллекционером, он по теме не собирал, покупал, что на душу легло, но дешевку не брал. Никита редкостями увлекался, из поездок вечно старинные штучки привозил. Среди обожателей сына во всем мире было много настоящего богатых людей, они ему подарки преподносили. Но я отвлеклась. Слушай дальше.

В тот день Нелидова открыла дверь на звонок, потому что ДЕЗ предупредил жильцов: в районе обеда по этажам будут ходить рабочие, предстоит смена батарей, не препятствуйте специалистам. Если они не попадут в какое-нибудь помещение, то весь подъезд останется с допотопными «гармошками». Вот почему Светлана Иосифовна поторопилась отпереть замок. На лестничной клетке стоял Никита.

Нелидова уцепилась за вешалку.

– Пожалуйста, не пугайтесь, – голосом ее сына сказал гость, – я ваш внук, Всеволод Ковалев, вот мой паспорт.

Сначала Светлана чуть не зарыдала. Никиточка в Индии, он не собирается возвращаться к матери. Затем она рассердилась на себя за глупость. Ее сын не юн, а в прихожей стоит молодой мужчина, он просто похож на Никиту! Но потом до Нелидовой дошел смысл слов гостя, и она выдохнула:

– Внук?

– Сын Евгении Ковалевой, – уточнил он. – Бабушка Таисия тайком рассказала мне правду, я знаю, что с моей матерью случилось в подростковом возрасте.

Светлану Иосифовну затошнило, но она справилась с реакцией желудка на стресс и делано спокойно спросила:

– Что тебе надо?

– Ничего, – пожал плечами Сева, – и уж точно не денег. Я богатый человек, бизнесмен, владелец нескольких ночных клубов. Можете к окну подойти?

– Зачем? – встрепелась Светлана Иосифовна.

Сева поднял брови, вытянул губы трубочкой и по-детски просюсюкал:

– Ну, бабулечка, ну, пожалуйста, посмотри во двор!

Теперь у Нелидовой закружилась голова. Давным-давно, выпрашивая что-то у нее, Никита делал точь-в-точь такую же гримасу. Время словно двинулось вспять. Вот сейчас из кабинета выйдет Лев Яковлевич, и Светлана усадит семью ужинать.

Из глаз Нелидовой хлынули слезы. Она так долго сдерживалась, молча переносила горе, ходила с высоко поднятой головой, отвечала на вопросы соседней и знакомых про Никиту: «Спасибо, все чудесно, он восстанавливает силы в нашем доме на Гоа», она так устала, что сейчас не выдержала.

Сева бросился к ней, обнял ее и запричитал:

– Бабулечка, поэтому я и приехал. Подумал, тебе тяжело, ты одна, без помощи близкого человека! Я просто хочу тебя поддержать. Извини за вторжение. Вот, ты любишь манго? Да? Они сладкие, тайские. На, держи!

В руке Светланы Иосифовны оказались заморские фрукты.

– Пошли на кухню, – частил Сева, – я тебе чай приготовлю, сделаю особый напиток, с корицей и медом.

Внук схватил под локотки несопротивляющуюся бабушку, повел по коридору и действительно заварил ей терпкий напиток. Мало-помалу Светлана пришла в норму. Тогда Всеволод подвел ее к окну и показал ярко-красную низкую, какую-то хищную машину, резко выделяющуюся среди остальных автомобилей на парковке. Около кабриолета стояло несколько мужчин. По их жестике Нелидова поняла: зеваки в полнейшем восторге.

– Бабушка, это «Ламборджини», – смущенно произнес Сева. – Догадываюсь, что ты не разбираешься в тачках. Не ради хвастовства, а только чтобы ты поняла – я не нуждаюсь в деньгах, назову тебе ее стоимость: примерно миллион евро. Я богат, но рядом со мной нету родного человека. Поэтому, когда я узнал, что папа тебя бросил...

Светлана Иосифовна на секунду примолкла, а я не смогла скрыть удивления:

– Кто мог рассказать Севе вашу семейную историю?

Нелидова дернула плечами.

– Ты газет не читаешь?

– Очень редко, – призналась я, – некогда интересоваться прессой.

Она прищурилась.

– Есть пасквильный листок под названием «Желтуха». Репортеры его роются в помойках, платят полицейским, врачам, пожарным, чтобы те давали им информацию об известных людях. Естественно, компрометирующую, другие сведения никого не интересуют. Когда Никита с триумфом завершил турне по Японии, ни одно СМИ не откликнулось, а вот когда сын уехал навсегда в Индию, тут репортеры как с цепи сорвались! Думаю, им наслетничала нотариус, оформлявшая ему бумаги. Боже, папарацци сидели в кустах у нашего подъезда, дежурили на лестнице, подстерегали нас в магазинах. Мы с Юлей не успевали среагировать, раздавались щелчки, а наутро в «Желтухе» появлялись снимки. Например, такой: я стою на пороге поликлиники, и подпись: «Великий скрипач Нелидов не думает о своей семье, а тем временем его мать доставили в клинику с онкологией». Осталось лишь удивляться, какая гадость людям на ум приходит! К сожалению, фотографиями дело не закончилось. Была подкуплена наша домработница, глупая жадная баба! Она впустила сюда в отсутствие хозяев журналистов, те наделали кадров и выдали репортаж на несколько полос, что-то вроде: «Посмотрите: картины, люстры, книги, статуэтки, столовое серебро, настоящее богатство. Кому оно достанется после смерти матери Никиты? Уж точно не его сожительнице Юлии, брак с которой скрипач никогда не оформлял официально. Неужели дорогие вещи и шикарная квартира в центре Москвы отойдут государству?» Мерзавцы! Ни совести, ни чести у некоторых людей нет. Но во всем плохом всегда есть хорошее. Сева увидел материал в «Желтухе» и приехал ко мне.

Глава 29

– Понятно, – протянула я.

Светлана Иосифовна вскинула подбородок и в секунду стала похожа на преподавательницу балета, которую до дрожи в коленках боялась я, будучи школьницей.

– Тебе не понять моих чувств, – отрезала она, – я потеряла сына, считай, похоронила его на чужбине. Где оно, то Гоа? Где Индия? Монастырь? Не

доехать, не долететь, не найти никиту. и вдруг он вернулся в ооразе Севы! мои родной, любимыи, прекрасныи, нежныи, заботливыи мальчик. нет, я неправильно говорю. Никита всегда был отстраненным. Он идеально относился к родителям, второго такого ребенка надо поискать, никаких проблем с ним не было, один глупый случай с Женей. Почтительный, уважительный мальчик, невероятно талантливый, гений, но у меня постоянно было чувство, что сын держит меня на расстоянии вытянутой руки. Никита не терпел объятий, поцелуев, сына коробило, если я случайно гладила его по голове, он не выносил прикосновений, даже моих. Ничего не рассказывал мне, не откровенничал. Спросишь у него: «Сыночек, как дела?» Он мигом ответит: «Чудесно».

Даже в детстве он не плакал, не жаловался на обидчиков, не просил помощи, никогда не ластился. Всегда сам по себе. Единственный раз сын приоткрыл душу, когда рассказал мне эту историю с проклятием. Ни до нее, ни после я о переживаниях ребенка не знала. А Севочка!

На лице Светланы Иосифовны засветилась улыбка.

– Вот внуку я нужна. Я в курсе всех его проблем, Севочка ценит мои советы, часто звонит: «Бабусик! Слушай внимательно. Я могу одеть танцовщицу в золото, а могу в серебро, что лучше?»

Ну, конечно, я посоветовала второй вариант, он со сцены более выигрышно смотрится. Золото из зала выглядит тускло.

Севочка меня выслушает и по-моему сделает. Он очень ценит бабушкины советы. Ему всегда не хватало матери.

– Не хватало матери? – эхом повторила я.

Нелидова смутилась.

– Евгения мне никогда не нравилась, я помню ее ученицей. Очень амбициозная девочка, всегда хотела быть в первом ряду. Никаких данных к балету, рост высокий, я поэтому ее в третий ряд определила. Ан нет, начинаю занятия, Ковалева опять впереди. Велишь ей вернуться назад, отвечает: «Хочу здесь стоять».

Пару раз я ей жестко отвечала: «Хочуха в моем классе не живет».

Ну а потом она на Никиту глаз положила, небось решила: раз я в школе средненькая, закручу любовь с гениальным скрипачом.

– У меня о Жене другое мнение, – брякнула я и прикусила язык. «Лампа, не нарушай первое правило детектива, предписывающее никогда не спорить или останавливать собеседника, пусть он побольше болтает».

– Можно дать человеку воспитание, – повысила голос Нелидова, – но суть его останется неизменной. Если трус научится играть на фортепьяно, он не станет храбрецом. Если врун освоит математику, он не превратится в правдолюбца. Это исключено. Евгения уродилась тщеславной эгоисткой, таковой она и осталась.

Нелидова оперлась ладонями на стол, и через пять минут я была погребена под грудой фантастического вранья. Оказывается, Сева вечно ходил голодный, плохо одетый, посещал самую затрапезную школу, где в классе сидело сорок оболтусов. Он мечтал научиться играть на скрипке, но мать ответила:

– Денег на инструмент нет!

– А еще он, наверное, играл железными машинками, прибитыми к полу, – снова не удержалась я.

Но Светлана Иосифовна не уловила в моих словах иронии, она продолжила:

– Вероятно, мир лишился второго гения, даже более блестящего, чем Никита! Сева сейчас хочет брать уроки, но в его возрасте скрипачами не становятся. Мальчик задумал приобрести инструмент, Севочка очень воодушевлен, у меня не хватает окаянства откровенно сказать ему: «Дорогой, время упущено».

– И часто Всеволод у вас бывает? – сквозь зубы спросила я.

Светлана Иосифовна радостно улыбнулась.

– Три-четыре раза в неделю. Порой заскочит на десять минут, но, как правило, сидит часа полтора. Мальчик обо мне так заботится, что даже неудобно. Привозит журналы, газеты, деликатесы, мы обсуждаем все вопросы, у Севочки от меня тайн нет, я знаю его ближайшего друга.

Не помню, в который раз за беседу я опять не смогла справиться со своим удивлением:

– Сева навевается сюда не один?

Нелидова кивнула.

– Иногда. Пару недель назад он привел Виктора, сказал, что тот его лучший друг. Симпатичный брюнет, воспитанный, хорошо одетый. На него большое впечатление произвела моя квартира, он все повторял: «Потрясающее место, всегда мечтал жить в центре Москвы. Если сделать современный ремонт, поставить окна без переплетов, то станет светлее. А кто у вас соседи?»

Очень, очень любезный человек, вел ничего не значащую беседу о чужих апартаментах, но говорил заинтересованно, не упускал деталей, восхитился батареями, сказал:

– Обогреватели ни в коем случае менять нельзя. Современные, плоские, может, и лучше, но смотрятся безлико. А у вас чугунные, украшенные орнаментом из листьев.

В беседу вмешался Сева:

– У бабушки потрясающее жилье, оно сохранило прежний дух. Сейчас люди выламывают роскошные дубовые двери, сдирают старый паркет, покупают створки из фанеры, а на пол настилают плитку. Ну как можно в нашем климате облицовывать пол камнем или керамикой? Насмотрятся на итальянские палаццо, а ума нет сообразить: у нас зимой морозы. Погибает история, исчезает прежняя Москва. А у бабули нетронутая старина. Полюбуйся на лепнину.

Светлана Иосифовна запрокинула голову, я автоматически проделала то же самое и увидела плафон, покрытый гипсовой виноградной лозой и толстыми амурчиками.

– Севочка прав, – с гордостью произнесла Нелидова, – эти апартаменты в давнюю пору принадлежали моему прадеду, впрочем, весь дом его был. После большевистского переворота начали, как тогда говорили, уплотнять хозяев, но мой дед... ладно, семейная история у нас заковыристая, путаная и никому, кроме нас с Севой, не интересна.

Нелидова поправила брошку, прикрепленную под воротником блузки.

– Женя неоднократно выходила замуж, Сева не смог мне назвать точное число своих, так сказать, отчимов, они менялись быстрее, чем стеклышки в калейдоскопе.

Мне стоило больших усилий не треснуть кулаком по столу и не заорать: «Ложь! Да, Жека первый раз вышла замуж не очень удачно, ей попался мужчина, который предложил сдать Севу в интернат. Она обожала мальчика, поэтому быстро оформила развод. Следующим ее спутником стал Миша, который всегда считал Севу родным сыном».

Светлана Иосифовна тем временем говорила и говорила. По ее версии, самым жестоким из хоровода мужчин Ковалевой оказался Михаил. Отчим не только зlobен и жаден, но еще и хитер. На людях он демонстрировал к пасынку любовь, а наедине не упускал случая ударить мальчика, унижить его, обидеть... Миша ограничивал подростка в еде, экономил на его одежде, Сева спал в чулане, ему в родительских хоробах не досталось комнаты. Женя поддерживала супруга, она тоже считала, что сына необходимо, как она говорила, «держат строго». Жалела никому не нужного малыша лишь Таисия

Ивановна. Но что могла поделать немолодая женщина с оголтелыми от ненависти дочерью и зятем? Таисия тайком утешала Севу, совала ему конфету и говорила:

– Все обойдется.

Незадолго до смерти она позвала к себе внука и открыла ему страшную семейную тайну. Юноша узнал имя своего родного отца Никиты Нелидова.

– У тебя есть еще одна бабушка, – шептала старушка, – замечательная, достойная женщина Светлана Иосифовна. После моей кончины кому-то будет тебя пожалеть, дать хороший совет. Если почувствуешь, что тебе совсем плохо, езжай к Нелидовой.

– Бабуля, зачем я ей? – спросил внук. – От меня родной отец отказался, когда я еще в пеленках лежал, навряд ли он взрослому сыну обрадуется.

– Глупости, – отрезала Таисия. – Никита гений, такому человеку все прощать нужно. И он делал Женьке предложение руки и сердца. Но моя дочь отвергла его, тогда у нее завелся ухажер, очень богатый армянин. Она наметила его в мужья, обманула Арама, сказала, что беременна от него, родила тебя, но ничего не получилось. Арам, не будь дураком, сообразил: Сева ему не сын, и бросил ее, та...

– Поняла, – перебила я Светлану Иосифовну. – Можно, я резюмирую услышанное? Сева узнал из «Желтухи», что Никита навсегда покинул Родину, и кинулся помогать своей незнакомой бабушке.

– Да, именно, – кивнула Нелидова. – Севонька так похож на Никиту! Он необычайно светлый мальчик!

Я спросила:

– Светлана Иосифовна, вы покупаете в скупке вещи?

– Откуда ты знаешь? – удивилась она.

– Зачем вам, вполне обеспеченной даме, заглядывать в комиссионку? – вопросом на вопрос ответила я.

Педагог не смутилась.

– Фрося, естественно, я беру там одежду не для себя.

– А для кого? – не отставала я.

Нелидова аккуратно отодвинула чашку, так и не пригубив чай.

– Севочка основал фонд «Помоги жертве». Некоторые люди становятся злыми и черствыми, если в жизни сталкиваются с несправедливостью, жестокостью, равнодушием. А Всеволод – наоборот. Из-за тяжелых испытаний он стал понимающим, сочувствующим, создал благотворительную организацию, привлек к участию в ней многих знаменитостей. Я тебе говорила, что мой внук – хозяин нескольких увеселительных заведений? Туда постоянно ходят звезды всех мастей!

Я кивнула, а Нелидова внезапно рассердилась:

– Не надо снисходительных гримас! Люди должны отдыхать, иначе они умрут от перенапряжения. У Всеволода лучшие клубы в Москве, их посещает элита. Сева решил использовать этих, как нынче принято выражаться, звезд. Он собирал деньги для своих подопечных, тех, кто пострадал от жестоких родителей, покупал подросткам квартиры, машины.

– Да ну? – восхитилась я. – Прямо настоящий Робин Гуд!

– Тот был разбойник! – подскочила Нелидова. – Вот уж неподходящее сравнение! Ничего общего с Севочкой! Мальчик никого не грабит, отдает свое, а если берет у другого человека, то просит. Я тоже захотела поучаствовать в его фонде, решила не остаться в стороне от благородного дела, спросила, что я могу сделать. У Севы открыта бесплатная столовая, он там изголодавшихся сирот кормит. Может, постоять на раздаче супа?

Мальчик ответил: «Бабуля, на кухне жарко, ты устанешь, еще, не дай бог, заболешь. Вот тебе адрес магазина, он находится недалеко от Бронной улицы. Там за небольшие деньги можно приобрести милые вещи, которым обрадуются неизбалованные тинейджеры. Не трать много. Давай сделаем так: соберешься в лавку, позвони мне, я тебя сориентирую. Но будь внимательна, бери лишь новые шмотки».

– И вы стали заглядывать в скупку? – вздохнула я.

– Раз или два в месяц забегала, – кивнула Светлана Иосифовна, – увижу симпатичную блузочку, и соединяюсь с Севочкой, а он уж говорит, брать или нет. Я-то чужие размеры не знаю, а мальчик в курсе, кому чего нужно. Иногда я ему про пальтишко сообщаю, а он в ответ: «Нет, бабуля, сейчас у меня в приюте девочка мечтает о новой кофточке, поищи для нее».

Я открыла сумку, достала оттуда фотографию и положила перед Нелидовой.

– Узнаете?

– Ну конечно, – тут же подтвердила она, – я приобрела эти туфли по просьбе Севы. Поскольку я стала в скупке постоянной покупательницей, продавщицы мне кое-что откладывали, я им рассказала про благотворительный фонд, и девушки прониклись. Эти туфельки они для меня придержали, уж больно хороши, совершенно новые, ни внутри, ни снаружи никаких следов носки. Набойки и профилактика не тронуты, кожа наизящнейшая. Сразу видно, делал дорогой мастер, итальянец. Вон там, видишь, на стельке фамилия латинскими буквами указана. Правда, стоили лодочки дорого, две тысячи.

– Две тысячи! – эхом повторила я, произведя в уме вычитание.

У Жеки-то сыночек взял семьдесят пять тысяч рублей! Неплохой навар, полученный буквально из воздуха, достался «очаровательному мальчику»!

– В магазине я, как правило, больше пятисот рублей не оставляла, – откровенничала Светлана Иосифовна, – а тут сразу две тысячи, и туфли не молодежные, классические. Но продавщицы активно советовали брать, одна из них, Машенька, сказала: «Светлана Иосифовна, поверьте, обувь шикарная, мы б ее сами взяли, но никому по размеру не подходит. Если подростки из фонда не захотят носить, себе оставьте». Да только у меня полный тридцать девятый.

– Хорошо, что замечательные туфельки вам не подошли, – тихо произнесла я.

Нелидова, похоже, не услышала моего замечания.

– Севонька очень обрадовался: «Хватай, бабуля, я знаю, кому они по вкусу придутся. Я тебе деньги верну!»

Светлана Иосифовна внезапно гордо вскинула голову.

– Вот еще! Я не нищая! Могу помочь тем, с кем жизнь жестоко обошлась. Так и сказала Севочке: «Двух тысяч для несчастных детей не жаль. Постоянно тратить такие суммы мне затруднительно, а один раз, учитывая красоту и качество обуви, вполне могу».

Глава 30

Я вышла на лестничную клетку в разобранном состоянии. Несмотря на мои слова о том, что Светлану Иосифовну не пустят в больницу, она собралась завтра непременно поехать к любимому внуку. Следовало рассказать ей правду о «милом мальчике», описать его комнату, кстати, самую большую в квартире, разоблачить владельца сети развлекательных учреждений, сообщить, что никакого фонда «Помоги жертве» и в помине нет, а приобретенные сердобольной бабушкой тряпки и мелочи Сева дарит своим постоянно меняющимся любовникам-нимфеткам. Но я не смогла этого сделать. Почему? Не хватило духа. Ну как открыть Нелидовой нелюбимую истину?

– Фрося. – неожиданно произнес тихий голос.

Ко мне давно никто так не обращался, я теперь Лампа.

– Узнаешь меня? – спросила женщина.

Я вгляделась в полумрак лестницы.

– Простите, здесь тусклая лампочка, вижу лишь очертания сидящей на подоконнике фигуры.

Темный силуэт зашевелился, приблизился, попал в круг тусклого света, и я воскликнула:

– Юля! Сколько лет, сколько зим!

– Много, – усмехнулась Ребятова. – Радостно, что мы пока способны узнать друг друга. В январе я столкнулась в магазине с Ритой Воробьевой, так поверить не могла, что это она, даже после того, как бывшая виолончель мне свою визитку сунула. Она теперь торгует коврами.

Я не поверила своим ушам.

– Воробьева продает паласы?

Ребятова кивнула.

– Ничего удивительного. После того как наш оркестр расформировали, три четверти членов коллектива перестали заниматься музыкой. Ты в «Одноклассники» или на «Фейсбук» ходишь?

– Нет, использую Интернет исключительно как поисковую систему и почту, – призналась я.

Юлия сделала шаг вперед.

– А я часто в социальных сетях зависаю, и наших там полно. Корчагин теперь закупает бытовую технику, Марина Ремизова дает частные уроки музыки, Юра Михайлов квартиры ремонтирует, Катя Савельева переехала с мужем в Омск, Витя Малышев, правда, работает в Болгарии в оркестре.

– Хоть кто-то остался в музыке, – вздохнула я.

– Он директор коллектива, – уточнила Юля.

Я опустила глаза. Директор – это не творческая, а административная работа. Витя более не бьет в барабан и не звенит тарелками, он договаривается об автобусах, покупает билеты музыкантам, обеспечивает гостиницы на гастролях.

– Не стоит удивляться, – фыркнула Ребятова. – Ты ведь служишь в детективном агентстве? Пожалуй, твой слалом из арфисток в сыщики – самый крутой и неожиданный. Я-то просто стала домашней хозяйкой и нянькой Никиты. А после его бегства пытаюсь заново наладить свою жизнь. Спасибо Нелидовой, она, наплевав на сплетни и злые разговоры, взяла меня в свою школу, я теперь училка на окладе. Не слишком весело.

Я почему-то рассердилась.

– Всегда остается шанс пойти торговать коврами.

– Ну уж нет, – поморщилась Ребятова, – есть черта, ниже которой не следует опускаться. Господи, как я одинока! После исчезновения Никиты мне ничто не приносит радости, я полагала, что хуже никогда уж не станет. И тут! Здрате вам! Появился Всеволод, и Светлана буквально с ума сошла. Я слышала из своей комнаты ваш разговор!

Я не поверила Юлии. Да, она стала невидимой свидетельницей моей беседы с Нелидовой, но, учитывая тот факт, что этот дом построен еще в девятнадцатом веке, сомневаюсь в ее словах «из своей комнаты». Раньше в квартирах не ставили гипсокартонные перегородки, полагаю, что Ребятова подслушивала из коридора.

– Гаденыш взаправду в больнице? – возбужденно воскликнула Юля.

Я кивнула.

– Здорово! – обрадовалась бывшая пианистка. – Наконец-то у нее терпение лопнуло.

– У кого? – не поняла я.

– У Женьки, – уточнила Юля, – она его давным-давно убить хотела, но не получалось.

– Кого? – ошарашенно повторила я.

Ребятова ответила, ерничая:

– Севоньку дорогого! Мальчика несчастного! Сиротинку убогую! Гад! Знаешь, сколько ему лет? Он вор, мерзавец, мошенник, но гениальный актер! Так притворяться! Женька аж дышать не смогла, когда от меня правду услышала. Я ведь приехала к ней и все доложила!

Я крепче прижалась к стене.

– Ты дружила с Ковалевой? Странно, что мы ни разу не пересеклись в общей компании.

Ребятова ухмыльнулась.

– Никаких отношений мы не поддерживали, я к ней отправилась, когда узнала правду про Севу. Ну ее и прорвало! Такое наболтала! Безумие! Ее посадят?

– Кого? – задала я уже ставший традиционным вопрос.

– Издеваешься? – прищурилась Юля. – Ну-ну, сделаю вид, что не заметила этого. Ковалеву. Это она Всеволода из окна выкинула? В криминальных новостях сюжет показывали, я знакомую фамилию услышала, но не разобралась, что у них там случилось. Поняла лишь, что Жека Севу убила.

– Он жив, – пробормотала я, – а Ковалева умерла, выпрыгнув из окна.

– Ой, лучше б наоборот! – без малейших признаков сожаления воскликнула Юля. – Значит, он может поправиться?

– Рассчитываю, что да, – ответила я.

Ребятова тряхнула длинными темно-каштановыми волосами и одернула серо-голубую клетчатую рубашку.

– А я надеюсь, что нет.

На этой фразе с меня наконец-то сдуло оцепенение. Я надвинулась на Юлю и зачастила вопросами:

– Зачем ты поехала к Жене? Когда состоялось ваше свидание? Почему ты ненавидишь Севу? По какой причине несешь чушь о намерениях Жеки лишить сына жизни?

– Не горячись, – поморщилась Юля, – не хлопай крыльями. Я специально тебя тут поджидала, хотела ясность внести. Ты на машине приехала? Она на улице стоит? Пойдем сядем, не хочу, чтобы нас тут ненароком Светлана Иосифовна застала.

В молчании мы спустились во двор, влезли в мою «букашку», и Юлия начала рассказ.

Никите Нелидову повезло: его окружали любящие женщины, мама и Юля. Когда у Ребятовой начались серьезные отношения со скрипачом, она поняла: Никите нужно посвятить всю свою жизнь, иначе счастья не видать. Юля без сожаления наплевала на карьеру пианистки и превратилась в тень гения. На плечи женщины легли все нудные хлопоты и обязанности. Она занималась графиком выступлений Никиты и утрясала вопросы с его гонорарами. Думаете, в области оплаты исполнителей классической музыки работают другие законы, чем в финансовых дебрях шоу-бизнеса? Не будьте наивны. Человек, играющий на скрипке-контрабасе-фортепьяно, хочет есть, пить, он содержит семью, заботится о родителях, ясное дело, на все нужны деньги, чем больше, тем лучше, а принимающая сторона, естественно, настроена заплатить поменьше. Сам исполнитель не пойдет выбивать из устроителя гастролей приятную для себя сумму, хотя я знавала нескольких музыкантов со всемирной славой, которые, деловито засучив рукава белоснежных рубашек, торговались так, что легко могли заткнуть продавщицу рыбы севского Привоза.

сделавшая рубашку, горько плакала, что легко могла бы купить рубашку с одесского привоза.

Но это исключения. Как правило, сам музыкант остается в тени, битву титанов ведут его директор и те, кто жаждет заполучить солиста.

Думаете, выколачивание денег было единственной Юлиной заботой? Да что вы! Билеты на поезд-самолет, организация машины, автобуса, бронирование гостиничного номера. Юля не забывала ни о чем. У Никиты от запаха лилий моментально начиналась мигрень. Ребятова стояла в кулисе и орлом глядела в зал. Если ее острый глаз примечал тетку с вонючим венником, Юля налетала на букет, как лев на лягушку, и цветы никогда не попадали Никите в руки. А рубашки? За один концерт Никита мог поменять четыре. Кто их стирал и гладил? Думаете, автоматическая машинка? Как бы не так! Геня раздражал любой посторонний запах, а его рука со смычком постоянно порхала в непосредственной близости от лица. Поэтому пианистка пользовалась тазиком и куском детского мыла. На тумбочке у кровати скрипача всегда стояла бутылочка минералки определенной марки и лежала газета с анекдотами. Да, да, именно это издание. Журналистам Никита рассказывал, что на ночь обожает мечтать над стихами Пушкина, но на самом деле ему нравились юмористические байки. А электрические розетки? Любой музыкант скажет вам, что они самая большая проблема на сцене. Аппаратуру нужно куда-то подключать, а чертовых розеток всегда не хватает! Массаж рук и воротниковой зоны любимого, организация интервью или, наоборот, отстрел тех журналистов, с которыми Нелидов не хотел иметь дела, удаление из гримуборной особо настырных поклонников, покупка витаминов, капель для глаз и слабительного, выслушивание жалоб скрипача, утешение его с постоянным рефреном: «Ты лучше всех, ты гений, ты великий», невозможное перечислить всего, чем занималась Юля. Она даже меняла в гостиничных санузлах туалетную бумагу: Никита любил определенный сорт пипифакса.

Светлана Иосифовна всегда сидела в зале и внимала игре сына, а молодая женщина стояла за кулисами на низком старте, готовая броситься на помощь скрипачу по первому зову, а порой и без него. Юля отлично изучила Никиту, понимала его без слов.

Блистательно отыграв концерт, Никита кланялся и говорил:

– Все ваши аплодисменты я переадресую своей маме, вот она, в пятом ряду. Светлана Иосифовна, встаньте, пожалуйста!

Нелидова поднималась и смущенно улыбалась, это был ее звездный час. О Юле Никита никогда не вспоминал. Думаете, Ребятовой было обидно и она ненавидела свекровь? А вот и не догадались. Юлечка нежно любит Светлану, потому что та заменила ей рано умершую маму. Нелидова всегда была на стороне Юлии и говорила сыну:

– Почему ты не идешь в загс с девочкой?

– Я против штампов в паспорте, – кривился Никита, – они меня раздражают.

– Нам и так хорошо, – быстро поддакивала Ребятова, – благословения государства на любовь не требуется.

Светлана Иосифовна замолкала, но потом укоряла Юлю:

– Дорогая, ты неправильно себя ведешь! Мужчины трусы, им страшно переступить порог загса, но брак необходимо оформить.

– Зачем? – искренне удивлялась Ребятова. – Мы живем в одной квартире, всегда вместе, что нам даст штамп?

– Нет, так нельзя, – расстраивалась Светлана Иосифовна. – А если ребенок появится?

На этой неизбежной фазе беседы Юля улыбалась еще шире и отвечала:

– Ну, тогда подумаем!

Вот только она хорошо знала: в роли матери ей никогда не бывать. На заре отношений Никита весьма категорично высказался по этому поводу:

– Никаких младенцев! Исключено! Я не желаю становиться отцом.

И Юля приняла позицию любимого. Никите бог послал идеальную спутницу жизни. Но он искренне считал, что повезло не ему, а Ребятовой – она живет с гением. Скрипач не страдал комплексом неполноценности.

А потом привычная жизнь рухнула. Никита бросил и мать, и гражданскую жену. Сначала женщины растерялись, затем кое-как устроили свою жизнь. Они работают, Юлечка заботится о свекрови и ждет, что рано или поздно Никита одумается и вернется. И вдруг, словно нетопырь из тьмы, появился Сева.

Глава 31

Когда Светлана Иосифовна рассказала невестке о сыне Никиты, Юля тут же поняла, по какой причине Нелидов настаивал на бездетном браке. Видно, его здорово напугала история с Женей. Потом Ребятова удивилась совпадению. Надо же, одно время они с Ковалевой играли в одном оркестре, и у Юли сложилось хорошее мнение о Евгении. Но Светлана Иосифовна со слезами на глазах рассказала о лишениях, которые испытывал Сева. Она отчаянно ругала Ковалеву, трагически шептала:

– Подлая баба! Затоптала моего внука! Любимого! Единственного!

Ребятова отнюдь не глупа. Она понимала, что происходит со свекровью. Светлана с огромным трудом привыкла жить без Никиты, и вдруг ей подсовывают заменитель – внука. Как на грех, Всеволод походил на отца, словно близнец. Юлю колотило в ознобе, когда она, входя на кухню, видела там Севу. Ей постоянно казалось: Никита вернулся. Приходилось про себя говорить: «Ау! Юлечка! Спустиись на землю! Никита старше! Он в Индии!»

Парень абсолютно не нравился Юле. Светлане Иосифовне хватило невероятной похожести внука и сына, чтобы незамедлительно полюбить Севу. Мать так хотела вернуть Никиту, что довольствовалась обманкой. А Юлию лицо Севы пугало. Парень, которого давно следовало называть мужчиной, казался ей злым троллем, он словно похитил облик скрипача, присвоил себе чужие черты. Иногда Юле хотелось подойти к Севе, пошарить у того на затылке, обнаружить завязочки маски и дернуть за кончики. Ребятова желала увидеть настоящие черты Всеволода. Отчего-то ей казалось, что щеки и лоб новоявленного родственника покрыты язвами, уродливы, мерзки.

Спустя время Юлия стала замечать некоторые несоответствия в рассказах Севы. Светлана Иосифовна, очарованная «мальчиком», съедала любую развесистую клюкву, подsunутую внуком, а на Юлию обаяние Ковалева не распространялось. Она сохранила способность трезво мыслить.

Кабинет Никиты был давно закрыт, но не заперт. Как-то раз, поздним вечером, Юлия пошла в туалет и увидела, что из щели между косяком и створкой рабочей комнаты просачивается тонкая полоска света.

В первую секунду она чуть не заорала: «Милый, ты снова с нами!» – но подавила порыв.

Постояв недолго в коридоре, она осторожно всунула голову в кабинет, увидела на подоконнике горящую лампу и перевела дух.

За год до исчезновения Никиты в квартире сделали ремонт, сменили старую проводку. Не обошлось без ошибок мастера, их исправили. Все, кроме одной. Если включить в кабинете Никиты люстру, то иногда вспыхивает лампа на окне. Казус случается не всегда, примерно раз в месяц. Но вот если люстру выключить, то светильник на подоконнике продолжает гореть. Надо подойти и дернуть за шнурок, свисающий с него. Тот, кто сегодня проник в вотчину Никиты, не знал этой детали. Уходя, он щелкнул выключателем и удалился в полной уверенности, что обесточил все. Днем тонкий лучик в коридоре незаметен, ночью в темноте виден. И кто посещал кабинет?

Юля внимательно осмотрелась и ахнула. Два дорогих полотна на стенах оказались заменены на похожие, но не представляющие никакой ценности работы. Исчезла часть фарфоровых фигурок и кое-какие серебряные безделушки. В доме Нелидовых за последние годы не появлялось новых людей. Никого, кроме Севы.

Сначала Ребятова решила разбудить Светлану Иосифовну, но удержалась. Юлия очень любила свекровь и не хотела доставить той даже крохотное огорчение.

Утром она завела беседу про кабинет и услышала от Светланы:

– Юленька, если собираешься устроить в комнате генеральную уборку, пожалуйста, но я не желаю в ней участвовать. И не спрашивай, как переоборудовать интерьер. Я не помню, что там из вещей имеется. Правда, недели две назад я вдруг решила зайти к Никите. Зачем? Я много месяцев туда не заглядывала. Так вот, смотрю на стены, как баран на новые ворота, и думаю: «Кажется, пейзажи тут висели другие». Но ведь это бред! Извини, не помощница я тебе в вопросе уборки. Может, Севочка озаботится? Он меня спрашивал про кабинет отца, а я ему сказала, что мы никогда туда не заглядываем.

Юля откинулась на спинку переднего сиденья и спросила:

– У тебя случайно в машине воды нет?

Я протянула ей бутылку.

– Светлана Иосифовна рассказала мне про свои сомнения по поводу картин.

Ребятова сделала несколько жадных глотков.

– Свекровь свалила все на свою плохую память, а я пошла по квартире и внимательно осмотрела интерьерные безделушки.

– Многого пропало? – с сочувствием поинтересовалась я.

Юлия нахохлилась.

– Беда в том, что я не помню, сколько чего было. Дом под завязку набит вещами. Встала перед сервантом и думаю: вон там статуэтки балерин, немецкая работа восемнадцатого века. Их у нас шесть или восемь? А сколько серебряных фруктов ваз? Двенадцать? Одиннадцать? Я уж не говорю про книги, библиотека огромная, в ней сплошь раритеты. Лев Яковлевич все собирался каталог сделать, да так у него руки и не дошли. Ну, допустим, не нашла я старинное издание «Домостроя». Помнила, где оно стояло, а теперь там другой том. Ну и гадай себе, то ли книгу украли, то ли свекровь ее почитать кому дала, а назад не получила и забыла.

Но вот когда я с Рудольфом пообщалась, тут уж у меня сомнения отпали! Мы со Светланой Иосифовной много не тратим, нам только на коммунальные расходы и скромную еду надо. Из роскоши у нас домработница, я бы обошлась без нее, но Светлане она необходима как показатель хорошей жизни. Зарплаты у педагогов крошечные, поэтому по мере необходимости свекровь обращается к Рудольфу Генриховичу, он антиквар. Рудик из числа почитателей Никиты, он всегда нам хорошие деньги дает.

Короче, некоторое время назад звонит их скупщик, мнется, что-то путано бубнит и, наконец, спрашивает:

– Юлечка, у вас не пропадали стаканы серебряные с чернью? Их, насколько я помню, Никите один из арабских принцев подарил.

Ребятова воскликнула:

– Рудик, я не помню. Знаешь, где они стоят?

– Были в кабинете Никиты Львовича, – ответил антиквар, – я видел их в горке между окнами, там еще фарфоровые часы и двенадцать рюмок из серии «Охота».

Дивясь памяти торговца старыми вещами, Ребятова сбегала в кабинет, нашла в указанном месте рюмки, часы, но стаканов не было, о чем она не преминула сообщить Рудиду.

– Юленька, – закудахтал тот, – уж и не знаю, как сказать. Вчера ко мне пришел человек. Я чуть не скончался, когда его увидел, вылитый Никита, только моложе. Я же знаю, что у Нелидова братьев нет, но, ей-богу, заподозрил Льва Яковлевича в измене Светлане Иосифовне. Две капли воды – скрипач и мой посетитель. Но, что самое странное, парень принес мне ваши стаканы и попросил их оценить. Я сглупил, начал расспрашивать, где он их взял, а затем не выдержал и воскликнул: «Простите, вы имеете какое-либо отношение к великому скрипачу Никите Нелидову?»

Сдатчик спокойно ответил:

– Вроде нет, а почему вы интересуетесь?

Рудольф честно ответил:

– Вы с ним просто одно лицо, я хорошо знал Никиту, до сих пор дружу с его матерью и женой. Мороз по коже пробрал, когда вы появились!

Незнакомец засмеялся.

– Интересно! Я бы с удовольствием познакомился со своим двойником, тем более что он, как вы говорите, талантливый музыкант.

Рудик хотел продолжить беседу, но тут в магазин вошла постоянная покупательница, весьма шумная дама, и с порога загремела:

– Умираю от жажды! Жара на улице! Духота! Дайте скорей воды со льдом.

Антиквар посмотрел на клон Никиты, а тот вежливо сказал:

– Я подожду, никуда не тороплюсь!

Когда Рудольф вернулся, ни мужчины, ни стаканов в магазинчике не было, незнакомец просто ушел.

Понимаете меру негодования Юли? Она сразу поняла, кто посетил Рудика!

Устраивать разбор полетов в присутствии Светланы Иосифовны она не хотела, ждать, пока мерзкий Сева снова появится, не могла, поэтому решила пойти к «милому мальчику» на работу. Сева не раз упоминал в разговорах клуб «Туннель», найти адрес злачного места оказалось элементарно. Юлия дождалась одиннадцати вечера, убедилась, что Светлана Иосифовна крепко заснула, и поспешила на проспект за такси.

Высокий мужчина в костюме, стоявший у входа, окинул Юлю оценивающим взглядом и спросил:

– Дама, вы куда? Не ошиблись адресом? У нас развлекаловка для молодежи.

– В клуб, – решительно ответила Юлия и храбро соврала: – У меня встреча назначена с Ковалевым, надеюсь, он тут!

Суровый фейс-контроль в секунду подобрел.

– Севка? Где ж ему быть? Как всегда, на посту у бара. Идите осторожно, там лестница крутая и свет в лицо бьет!

Когда Юлия очутилась в зале, увидела возле полукруглого сооружения с бутылками Севу. Вор ощущал себя прекрасно, на его коленях сидела девочка, одетая, как показалось Ребятовой, в рваную майку и колготки.

На секунду Юле стало грустно. Вот как современные девушки проводят свободное время. А у пианистки никогда не было в юности минут досуга, и вообще она всю жизнь отдала сначала фортепьяно, а потом Никите. Но ни в музыке, ни в семейной жизни успеха не достигла. Пианисткой Ребятова не стала, однако утешалась тем, что служит гению. А потом Нелидов бросил семью, Юлечка очутилась у разбитого, нет, взорванного корыта. И никогда, ни под каким видом она не стала бы наряжаться как девушки из клуба: микроюбочки, коротенькие, открывающие живот кофточки, и о пирсинге не помыслила бы, а здесь у каждой второй красавицы в пупке торчало кольцо.

Собираясь в клуб, Юлия оделась так, как, по ее мнению, следует наряжаться на вечеринку. Она вытащила из шкафа дорогой костюм от всемирно известного модельера. Вещь была куплена за границей во время очередных гастролей Нелидова. Юлия не шмотница, но спутница гения должна выглядеть пристойно. Она практичный человек, поэтому ее выбор пал на эту «двойку», а не на остроумную вещь. Тенденции изменятся, а классика вечна. Выходя

из дому, Ребятова ощущала себя очень элегантной дамой. В уши она вдела дорогие бриллиантовые серьги, пальцы ее украшали кольца с натуральными камнями. Сумка, обувь – все было недешевым. Скромный макияж дополнял картину, а с волосами Юлечке невероятно повезло, они вились от природы и не требовали похода в салон: достаточно вымыть голову, и локоны лягут роскошной волной.

Но сейчас, стоя в зале и рассматривая разноцветную, полуголую, слегка пьяную толпу молодежи, Ребятова с тоской поняла: она тут кажется всем динозавром. Юле несколько тысяч лет, она старше Тунгусского метеорита и вызывает у местных девиц ухмылки и перешептывание. Юность Ребятовой ушла безвозвратно, и хотя она была потрачена вроде бы правильно, но почему-то Юля сейчас завидует девчонкам, которые не сумеют сыграть на рояле даже гаммы и никогда не удастивались чести сварить Никите какао.

С большим трудом она справилась с эмоциями и твердым шагом двинулась к Севе. Она почти приблизилась к стойке, когда он ее заметил. Парень живо встал, успел подойти к Юле до того, как та села на высокий стул, и с плохо скрытым удивлением воскликнул:

– Юленька? Вот уж не ожидал вас увидеть, представить не мог, что вы заглянете в мой клуб. Почему не позвонили? Я бы вас лично встретил, провел, устроил. Вам не следует толкаться на танцполе, пойдемте в ложу.

Ребятова покорно двинулась за Севой, очутилась в небольшом, отгороженном от общего зала закутке, села на диван и выложила Ковалеву в лицо все, что о нем думает. Речь получилась страстной и обличительной:

– Я понимаю, по какой причине ты опутываешь Светлану Иосифовну заботой. Нелидова потеряла сына, ясное дело, внук ей дороже глаз. Она уже немолода, ты думаешь, что у нее нет родственников, поэтому рассчитываешь на наследство. Небось отлично знаешь, сколько стоит многокомнатная квартира на Бронной улице. И апартаменты до отказа набиты ценностями. Если сложить стоимость рояля Льва Яковлевича и скрипки Никиты, то уже получается несколько миллионов, и не рублей. Ты втираешься в доверие к Светлане, чтобы получить огромный куш, который не принадлежит тебе ни по каким меркам. И ты вор!

Сева с мягкой улыбкой выслушал Юлю, потом произнес:

– Хорошо, в ответ на вашу откровенность – моя. Но сначала задам простой вопрос: Светлана Иосифовна ощущала себя счастливой после отъезда Никиты Львовича в Индию?

Юле пришлось выдать «нет».

– И как изменилось душевное состояние Нелидовой, когда в ее жизни появился внук, так похожий на подло бросившего мать сына? – поинтересовался Сева.

Юле очень не хотелось отвечать честно, но, как известно, уговор дороже денег, поэтому она процедила сквозь зубы:

– Она повеселела, помолодела, перестала жаловаться на здоровье, словно сбросила с плеч десять лет.

– А вы любите Светлану? – не успокаивался Сева.

– Очень! – выпалила Юлия.

– Ну тогда должны, наоборот, всеми силами завлекать меня в дом, а не гнать оттуда, – засмеялся нахал. – Ведь именно я благотворно влияю на бабушку. Юля, может, вы просто увидели во мне конкурента? Сами ждете наследства? Но прав на жилплощадь и имущество Нелидовой у вас по закону нет!

Юля заморгала, а Сева, поняв, что противник растерян, с удовлетворением продолжал:

– Я родной внук, если надо, готов на анализ ДНК, сдадим с бабушкой кровь, и лаборатория установит родство. А вы кто?

– Жена Никиты, – ответила Юлия.

– Нет, – засмеялся Сева, – ваш брак никогда не оформлялся, вы чужой человек, а мы с бабулей единокровны. Если Светлана Иосифовна не оставит завещания, все достанется мне.

Юля разинула рот, а Сева говорил дальше:

– Но давайте посмотрим на это дело под иным углом. Я богат, вы не раз видели во дворе мои машины, сейчас находитесь в моем клубе, зачем мне наследство? Эх, Юля, Юля, не все такие жадные, как вам думается. Я просто очень одинок, нуждаюсь в близком человеке, а Светлана Иосифовна тоскует, потеряв сына. Мы нашли друг друга, что же тут плохого? Не мешайте нам жить, в конце концов, вас не касаются наши семейные дела.

– Я не посторонняя, – чуть не зарыдала Юлия.

– Нет, совершенно чужая, – заявил Сева. – Бабушка терпела вас исключительно ради сына!

– А ты вор! – закричала Ребятова. – Спер картины из кабинета отца! Думал, раз мы туда не ходим, то и не заметим. Украл фигурки! Стаканы! Не смотри так, не изображай удивление, мне звонил Рудольф, он тебя описал в подробностях! Мразь! Не смей более приближаться к нашей квартире!

Лицо Севы враз потеряло милую улыбку.

– Вы, Юлия, живете не в своем доме, а из милости находитесь в гостях у матери своего любовника. Лично вам принадлежит комнатенка в коммуналке с пятью соседями. И не вам решать, кому, когда и сколько времени проводить в доме Светланы Нелидовой. Зря вы затеяли этот разговор. Я не хотел вас травмировать, но раз дело приняло такой поворот, скажу правду. Юлия, подумайте, как я вынес вещи? Прихожу тогда, когда Светлана дома. И объясните, как я смог бы шарить в кабинете отца, когда она рядом, а?

Юля опешила.

– И с чего бы мне идти к Рудольфу? – не останавливался Сева. – Полно барыг, которые заплатят за краденое.

Ребятовой удалось победить свою растерянность.

– Верно, да только они дадут копейки, а Рудик никогда не обманывает людей, всегда выплачивает нормальную сумму, и он единственный в Москве, кто сразу дает деньги, а не ждет покупки сданной вещи. Все знают: если приспичило продать раритет, ступай к Рудольфу. Поэтому ты к нему и помчался, только не знал, что мы с ним в тесной дружбе.

Сева щелкнул языком.

– Все-то я у вас подлец, не работает у вас логическое мышление. Ну хорошо, я пытался не ранить вас, но ничего не получается, слушайте горькую правду. Вещи мне дает сама бабуля, она хочет от вас избавиться, вы ей до тошноты надоели.

Глава 32

– Надоела? – повторила Юля. – Я? Нелидовой?

Сева кивнул:

– Бабушка со мной откровенна. Она принимала вас потому, что Никита хорошо относился к любовнице. Светлане Иосифовне хотелось порой побыть с сыном вдвоем, вместе с ним отправиться на гастроли, самой заботиться о нем, но вы всегда перехватывали инициативу, выдирали из рук матери вожи, отесняли ее. Вы всех замучили своей заботой, задушили в объятиях. Никита не выдержал вашей давящей любви и сбежал.

– Он из-за меня уехал? – отшатнулась Юля.

– Конечно, – фыркнул Сева, – из липкой паутины освободилась, а вот бабушка, – она очень надеялась, что любовница сына ее покинет. Но нет, вы угнездились в квартире, теперь хлопчете вокруг Светланы Иосифовны. Она человек деликатный, не может жестко сказать: «Ребятова, оставь меня в покое, дай пожить в свое удовольствие».

И еще она в курсе, что у вас нет нормальной жилплощади. Вытурить вас в коммуналку пожилая дама не способна. Она задумала купить вам однушку, поэтому дает мне вещи, а я их сбываю. Почему бабушка сама не ездит к Рудольфу? Она понимает, что антиквар в хороших отношениях с вами, понимает: скупщик сразу сообщит вам, что вещи уходят из дома. Никого другого Светлана Иосифовна не знает, поэтому попросила о помощи меня. А я на днях совершил глупость. Вы правы, Рудик дает денег больше, чем его коллеги, вот я и решил: со мной он незнаком, оттащу мужику стаканы. И вот что вышло! Ну, как? Успокоились?

Юлия не понимала, как реагировать на услышанное. В ее голове, как назло, ожило неприятное воспоминание. Вот Светлана идет по коридору с мятой рубашкой сына в руках, а Юлия выхватывает у нее сорочку и сама берется за утюг. Вот Нелидова собирается сварить Никите супчик, Юлия же бодро говорит:

– Лучше отдохните, я у плиты постою.

В прошлую субботу Светлана Иосифовна неожиданно вошла в ванную, увидела под душем Юлю и воскликнула:

– Ой, прости, я хотела в пене полежать. Закончишь плескаться, проветри, мне не нравится, когда здесь влажно.

Похоже, хозяйка была недовольна фактом оккупации санузла.

А вчера Света сразу ушла из кухни, едва в нее вошла Юлия.

– Надеюсь, у вас хватит благородства не затевать выяснения отношений с моей бабушкой, – завершил рассказ Сева. – Она может после скандала с вами слечь с инфарктом. Мы оба любим ее, ради нее нам следует молчать о сегодняшней встрече.

Юлия снова открыла бутылку минералки и стала пить. Я терпеливо ждала. Ай да Сева! Мастер художественного вранья! Похоже, он никогда никому не говорил ни слова правды. И у него не отнять умения выкручиваться из любых ситуаций: Сева ловко выныривает сухим из трясины и обладает ярким артистическим талантом. Его бы дар, да в мирных целях! Ладно, с ним все ясно, конечно же, Юлия права: он надеется на бабушкино наследство. А я получила ответы на несколько вопросов. Поняла, что за женщина в драгоценностях и элегантной одежде заглянула в клуб к Севе. Арт-директор Павлик предположил, что дама – любовница Всеволода, а еще он говорил про наличие у мальчика-мажора шикарной квартиры в центре Москвы. Вот и сложилась картинка: Сева небось хвастался апартаментами на Бронной. А Виктор, которого он приводил к Светлане Иосифовне, вовсе не друг. Может, риелтор или барыга, у которого Сева просил денег в долг, продемонстрировав квартиру в качестве залога.

Юлия вертела в руках пустую бутылочку.

– Я уехала домой, пару дней пыталась осознать происходящее, не знала, как лучше поступить, а затем поймала Севу.

– Где? – заморгала я.

Юлия скривилась.

– Ну прямо дурное кино. Неделю назад мы со Светланой должны были ехать в Подмоскowie, в детский дом. Интернат устраивал фестиваль искусств, нас попросили быть членами жюри. Тащиться туда очень не хотелось, мы теряли целый день, выехать предстояло в семь утра, вернуться поздно вечером. Слушать плохо сыгранные пьески, которые детки разучивали с местным педагогом, мучительно, но отказаться невозможно. Мы дали согласие. В назначенный час прибыл микроавтобус, мы двинулись в область, и вдруг звонок от директора приюта. У двух воспитанников только что диагностировали корь, опасную для взрослого человека. Мероприятие в аварийном порядке отменили. Нехорошо признаваться, но мы обрадовались и попросили шофера отвезти нас в музыкальную школу. Светлана Иосифовна вошла в свой рабочий кабинет и вдруг сообразила: портфель, с которым она ходит на службу, остался в квартире. В поездку она прихватила другую сумку. Короче, я поспешила домой. Только завернула во двор, глядь, а из подъезда с большим свертком в руках вышмыгивает Сева. Меня он не заметил, сел в машину и дал газу. И автомобиль у него не роскошный, самый что ни на есть обыкновенный, марки не назову, я в них не разбираюсь. И я все поняла! Ну прямо в секунду озарило! Ковалев врун и вор! А я поверила его рассказам, он меня загипнотизировал. С какой радости Всеволоду в наше отсутствие приезжать? Да еще рано утром? А вот вам и ответ: подлец знал, что бабушка отправится надолго в интернат, апартаменты будут свободны, никто ему не помешает там пошарить. Что же до ключей...

Я прикрыла глаза, отлично зная, что сейчас услышу.

– Светлана Иосифовна держит в электрощитке на лестнице запасные, – чистила Юлия, – она несколько раз теряла связку, приходилось ломать дверь. Вот как Сева попадал в квартиру. Мы в школу, а он грабить!

Юлия задыхнулась от возмущения.

– Дай еще воды!

Я протянула ей новую бутылку.

– И как ты поступила?

Ребятова расслабила плечи.

– Первый порыв – побежать к свекрови и выложить ей правду – я подавила в зародыше. Не скрою, очень хотелось раскрыть Нелидовой глаза. Всеволод подлец, но он прав: Светлана Иосифовна не переживет второй потери. Сева заместитель Никиты, в некотором плане он для Нелидовой лучше сына. Чего греха таить, Никита гений, а как всякий талантливый сверх меры человек, он обладает сложным характером. Всеволод же мошенник, но он весьма мил. Отнять у Нелидовой «мальчика» невозможно, дать ей правдивую информацию – чревато инфарктом или инсультом, сделать вид, будто ничего не знаю, преступно. Как тебе такой расклад? Не смотри на меня так. Да, зову Светлану свекровью, я, по сути, ее невестка.

– Тебе пришлось нелегко, – с сочувствием констатировала я.

– И я нашла выход, – кивнула бывшая коллега. – Позвонила Женке Ковалевой. Мы хорошо знакомы, работали вместе, но мне на моральное состояние ее наплевать!

Я с укоризной посмотрела на Юлю.

– Зачем тебе понадобилась Жека?

В глазах Ребятовой промелькнула ревность.

– А пусть первая любовница Никиты узнает, на что способен ее сыночек! Ей полезно услышать про воровство и обхаживание наивной бабушки. Я подумала и сообразила: Сева наврал, небось не такие у него и жуткие родители.

– Ему достались уникально порядочные мать и отчим, который заботился о пасынке трепетнее, чем о родном сыне, – возмутилась я.

– И вырос в семье у них негодяй и подлец, – буркнула Юлия. – Евгения меня к себе пригласила, сказала, что будет одна дома. Лучше приехать к восьми вечера.

– Зря тебя к ней понесло! – сердито произнесла я. – У Жеки было непростое время.

– А у меня замечательное? – зашипела Ребятова. – Ну уж нет! Родила ребенка, отвечай за него! Не хочешь нести ответственность? Сделай аборт.

– Севе не десять и даже не двадцать лет, – устало возразила я. – Он не крошка из песочницы, мать уже не обязана платить за поломанные им чужие софочки.

– Плевать! – грубо ответила Юлия. – Я к ней приехала. Правда, потом пожалела, что явилась. Плохой разговор получился, тяжелей, с дракой! Я не поверила своим ушам.

– Две интеллигентные женщины, скрипачка и пианистка, вступили в рукопашный бой?

– Не я первой начала, – надулилась Ребятова, – слушай, как дело обстояло.

Юлия не собиралась разводить китайские церемонии. Едва Женя провела ее в комнату, как Ребятова выложила причину своего визита. Рассказала все в подробностях, в красках живописала общение Севы со Светланой Иосифовной и в категоричной форме потребовала:

– Евгения, вели сыну более никогда не тревожить Нелидову. Не знаю, как часто и долго ты его была в детстве, в каком подвале жил мерзавец, кто виноват, что из него вырос мошенник, но имей в виду: если он еще раз зайвится в дом к Светлане Иосифовне, будет худо!

Спроси Ковалева, что же сделает Юлия в случае продолжения встреч бабушки и внука, Ребятова растерялась бы. Но Женя посерела и забормотала:

– Юлия, ты не так поняла слова Севочки. Вот, смотри.

Ковалева провела гостью в спальню отпрыска и начала оправдываться.

– Конечно, тут скромно, но эта комната самая большая в квартире, есть ноутбук, музыкальный центр. Муж купил мальчику приличную иномарку, правда, экономкласса, я стараюсь баловать сына. У него трудная, нервная работа...

В процессе ее монолога Юлия узнала, что Сева не владелец клуба, не олигарх, не бизнесмен, а служащий на окладе, «Феррари», «Ламборджини» он не имеет, зато дома его обожают безмерно.

– Парень сволочь! – вскипела Юлия. – Он еще хуже, чем я думала!

Ковалева села на ковер, обхватила голову руками и начала раскачиваться из стороны в сторону, повторяя:

– Я! Я! Я виновата! Я! Одна я! Более никто! Я!

Ребятовой неожиданно стало жаль Женю. Она примостилась рядом на полу и попыталась найти слова утешения:

– Ты не учила Всеволода гадостям, дети – это лотерея. Как-то в студенческие годы бабушка у меня спросила: «Как ты думаешь, почему в прежние века женщины рожали по десять младенцев?» Я предположила, что у них не было хорошей контрацепции, а бабуля засмеялась: «Нет, внученька, просто они надеялись, что хоть один добрым человеком вырастет и в старости родителей не бросит». Ты вытянула не выигрышный билет! Следовало сделать аборт, даже в юности надо думать головой.

Ковалева резко выпрямилась.

– Ты ничего не знаешь! Я очень хотела пойти на операцию, но не нашла денег на врача, пропустила все сроки, пришлось открываться маме, становиться на учет в женской консультации. Я чуть со стыда не сгорела, когда впервые в эту поликлинику вошла, кругом беременные, все взрослые женщины, моего возраста никого нет. Уставились на меня, перешептываются, чуть ли не пальцами тычут. Хорошо хоть врачи нормальными оказались, не ругали глупую школьницу, наоборот, поддержали меня морально. Один раз сижу у кабинета, подходит нянечка и шепчет: «Жаль мне тебя, дурочку. Родишь, потом вся жизнь пойдет наперекосяк. Вот адресок, езжай скоренько, там бабушка Маланья живет, она плод изведет. Денег не потребует, малолеткам из сердобольности бесплатно помогает».

Жека опроретью кинулась по ее наводке. Старуха действительно не взяла с нее ни рубля, дала ей крохотный пузырек и велела:

– Каждое утро капай под язык. Младенец родится мертвым. Никто тебя не упрекнет, смерть плода не редкость. Поплачешь над ребенком, похоронишь его и живи счастливо, только больше не глупи, будь осторожна с мужчинами. Ни одному человеку о микстуре не рассказывай.

Женечка старательно исполняла инструкцию и очень обрадовалась, когда ей в родильной палате не показали новорожденного. Младенца юной матери не приносили три дня, доктор отводил в сторону глаза и ничего конкретного о малыше не говорил. Ковалева старалась изображать на лице печаль, но в душе у нее царил ликование. Слава богу, зелье сработало, она наконец-то избавилась от ребенка, девять месяцев кошмара закончились.

А потом врач приволок пищащий сверток и толкнул речь. Жека, оцепенев от ужаса, пропустила половину слов доктора, тот бубнил что-то про мозг, угнетенное дыхание, асфиксию у младенца. У нее в голове билась одна мысль: медики спасли ребенка! Зачем? Кто их просил? Что делать?

Когда Севе исполнилось два года, стало понятно, что у малыша проблемы в развитии. Он едва ходил, не пытался разговаривать, мог целый день сидеть в одной позе. Испуганная Таисия Ивановна принялась таскать внука, которого страстно полюбила, по врачам.

Доктора в один голос сетовали на чрезвычайно раннюю беременность матери, советовали развить мальчика. Но однажды пожилая врач, выгнав Таисию Ивановну из кабинета, приперла Женю к стене вопросом:

– Говори, что пила? Какую отраву использовала, когда плод выгоняла?

– Капельки, – дрожащим голосом сказала девочка. – А вы откуда знаете?

– Капельки! – зло передразнила педиатр. – Не одна ты дура, в этом кабинете много таких сидело и еще сидеть будет. Идиотки!

– Маме не говорите, – взмолилась Женя.

Врачиха закатила глаза.

– О боже! Детский сад! Ты изуродовала ребенка. Молись, чтобы он хоть как-то выправился. Знахарские снадобья сильные, они губительно действуют на мозг нерожденного человека.

Жека ойкнула.

– Паралич, отсутствие речи, слепота, – методично перечисляла педиатр, – рак, глухота, умственная отсталость. Вот какую судьбу ты выбрала малышу. В чем он виноват? А?

Ковалева зарыдала. Впервые до нее дошло: Сева не кукла, и с ней он теперь навсегда.

– Хлебнешь ты с ним беды, – жестоко вещала педиатр. – Но если даже несчастный выправится физически, с поведением жди проблем: воровство, вранье, асоциальные поступки, сексуальная распущенность, склонность к насилию.

– Ой, мама, – плакала Жека. – За что мне это?

– Отвратительная эгоистка! – припечатала ее педиатр. – Следует спросить: за что несчастному крохе досталась такая мать? На свет должен был появиться чудесный здоровенький малыш, а ты его отравила, сделала чудовищем. Еще вопросы есть?

Жека замотала головой, врач неожиданно смягчилась:

– Ладно, дам телефон профессора Звягина, он с такими случаями работает. Теперь попытайся исправить свое преступление, займись мальчиком. Ты мать! И помни, все гадкое, что он совершит, произойдет по твоей вине. Не вздумай бить несчастного ребенка за двойки или грубость. Всегда повторяй: моя вина, мне ее искупать, не пей я отраву, сыночек получился бы совсем другим.

Глава 33

Юлии не хотелось слушать откровения Жени, а та никак не могла остановиться: похоже, у нее началась натуральная истерика.

– Не понять тебе, что я переживаю. Отлично знаю правду про Севу, скрываю ее от всех, рассказываю, какой он хороший! Обманывала маму, теперь

дру тужу, подружки, знакомые, коллеги. Едва на горизонте возникла опасность, я ее затопила. Всеволд девочку понастроила. Возмите деньги и молчите. Несовершеннолетняя забеременела от сына? Вот вам откупные! Раньше я продавала драгоценности матери, теперь беру кредиты и затыкаю жадные пасти. Я боюсь, что кто-нибудь поймет: Сева психически ненормален, но еще сильнее опасаясь, что наружу выплывет информация о тех каплячках. Я люблю сына, да, да, да, я его люблю! Я обязана его защищать, я виновата в том, что он такой! Я ненавижу Всеволода! Я хочу его убить!

Ковалева зажала рукой рот, затем закричала:

– Вру! Ни слова правды не сказала! Убирайся прочь! Вон! Ты зря пришла! Сева давно знает, кто его отец, я ему открыла правду лет десять назад. Зачем ему сейчас ездить к Светлане, а? Почему он не направился к бабушке раньше? Ты врешь! Севочка к вам не ходит! Сама Нелидову обкрадываешь, а на моего мальчика сваливаешь! Дрянь!

Юле стало понятно, что Ковалева перестала владеть собой. Она от растерянности выдала Ребятовой самую темную тайну своей жизни, а теперь пытается исправить положение. Надо уходить. Юля оперлась рукой о ковер, приподнялась, но все же решила поставить последнюю точку:

– Почему Всеволод пришел сейчас? Потому что Никита нас бросил и у твоего монстра появилась возможность втереться к Светлане в доверие! При отце такого шанса он не имел!

– Я его убью! – заорала Жека, теряя человеческий облик. – Я его ненавижу с момента зачатия! Почему он не сдох? Зачем живет? Ни минуты покоя за всю жизнь! Ни секунды! Постоянное ожидание беды! Нет, нет, я вру, убирайся!

Юля не успела моргнуть, как Женя очутилась около нее и изо всей силы ударила Ребятову ногой по коленке. Юля никогда не решала проблемы в кулачном бою, она родилась, выросла и существовала в среде, где люди не применяют насилие. В тот момент Юлечка испугалась. Ковалева выглядела сумасшедшей. Ребятова впервые увидела, как у человека от ярости белеют глаза, а изо рта, как у бешеной собаки, начинает капать пена. В квартире больше никого нет, никто не может удержать обезумевшую скрипачку. Ребятова толкнула бывшую коллегу. Жека пошатнулась и шлепнулась на ковер. Юлия со скоростью испуганной белки убежала.

На секунду Ребятова прервала рассказ и спросила:

– Представляешь меру подлости Севы?

– Пытаюсь понять, как тяжело было Жене, – ответила я, – но, наверное, никогда не смогу оценить ее моральное состояние. Она не хотела ребенка, сделала все, чтобы тот не появился на свет, а он родился. Наверное, она, глядя на Севу, постоянно вспоминала, как травила нерожденного малыша, и всю жизнь мучилась совестью. Да еще, как на грех, Женечка встретила злого педиатра, та лишь усилила комплексы Ковалевой. Севе врач не помогла, а юную мать обозвала убийцей, накаркала ей много бед. Я и представить не могла, как в реальности обстояли дела в семье Ковалевой, хотя считала себя ее близкой подругой. Мне казалось, что Женя обожает Севу. А она наказывала себя за ошибки ранней молодости, всю дальнейшую жизнь пыталась продемонстрировать всем, и сыну в первую очередь, что является отличной матерью. Она боялась ругать сына, наказывать его, а Всеволода было необходимо держать в ежовых рукавицах, воспитывать строго. Из-за своего гипертрофированного чувства вины и стыда за те «капельки» Жека вырастила негодяя. Я не врач, но думаю, что зелье знахарки все-таки ни при чем. Да, оно притормозило развитие малыша, но все остальное случилось из-за неудачной комбинации хромосом. Жене не повезло, ей достался мальчик с кривой генетикой. Куда ты пошла после разговора с ней? Взбаламутила Евгению и отправилась открывать Светлане Иосифовне глаза на внука?

– Нет, – сердито буркнула Юля, – ты считаешь меня сволочью? Зря. С Ковалевой я не дружила, ее душевное состояние не особо-то меня и волновало. Да, я не стесняюсь в этом признаться. С какой стати мне беречь Женю, если ее выкормыш вор и он грабит нас с Нелидовой? Светлане я ничего не сообщила, понадеялась, что Ковалева сможет прекратить визиты «мальчика» к бабушке. В тот день я после разговора побежала в аптеку за таблетками. Мой нос, к сожалению, плохо реагирует на запах сандала. Я выскочила из гостиной Жени в прихожую, и у меня сразу начался аллергический насморк.

– Там так сильно пахло сандалом? – спросила я.

– Ага, – по-детски ответила Ребятова. – Пока я домчалась до аптеки, превратилась в хрюшку. Глаза красные, из носа течет, кашель душит.

Я потеряла виски. Странно, что реакция на запах произошла у Юлии лишь на выходе из квартиры. Если Жека жгла ароматические палочки или использовала пахучее масло в лампе, Ребятова должна была начать чихать, едва переступив порог.

– Просто удивительно, до чего некоторым людям нравятся резкие запахи! Эгоистично устраивать в помещении филиал завода по производству духов, – злилась Ребятова. – Неужели нельзя подумать об окружающих? Я чуть не умерла от сандаловой вони! Пришлось наутро, перед тем как снова идти к Евгении, заранее пилюли глотать, а они вредны для печени. Но я испугалась, что снова у нее понесет...

Я подпрыгнула и больно ударила рукой о руль.

– Стоп! Ты ходила к Ковалевой дважды? Решила повторить беседу? Одного раза тебе показалось мало? Захотелось снова сделать ей больно?

Юлия хлопнула себя ладонью по коленке.

– Да нет же! Наш разговор состоялся во вторник, я удрала, забыв у Ковалевой на вешалке свою сумку. То, что ее нет, я обнаружила в аптеке, когда попросила лекарство. Расплатиться оказалось нечем. Спасибо, провизор поняла мое состояние и дала таблетки бесплатно, я пообещала завтра принести долг. Надо было вернуться к Ковалевой за сумочкой, но сил не хватило. Я пошла к ней на следующий день. Заехала в аптеку, отдала деньги фармацевту, затем позвонила Ковалевой на домашний телефон, услышала ее голос, отсоединилась и побежала. Дом Жеки находится через одно здание от аптеки, разговаривать с ней лишний раз – себе дороже. Я решила так: поднимусь, звякну в дверь, она откроет, я скажу: «У тебя осталась моя сумка, висит на вешалке».

Возьму планшетку и смоюсь.

Но я к ней не попала.

– В среду? – переспросила я и вцепилась в руль «букашки». Женя покончила с собой именно в тот день. Отлично помню, что видела на вешалке планшетку. Зашла в прихожую к Ковалевой и подумала: «Откуда у Жеки эта сумка?»

– У них лифт не работал, – говорила тем временем Ребятова. – Вошла я в подъезд, а в кабине мастер ковыряется, пришлось подниматься по лестнице.

Ребятова неспортивный человек, она шла медленно, часто останавливалась. Миновав шестой этаж, Юлия притормозила. Ей осталось полпролета до квартиры Ковалевой. Пианистке не хотелось предстать перед Жекой красной и запыхавшейся. Она прислонилась спиной к подоконнику, вынула из кармана плаща сигареты и решила покурить. На лестнице послышался шорох, мимо Юли пробежала женщина в синем льняном костюме. Дама поднялась на седьмой этаж и позвонила в квартиру Ковалевой. Юлии, по-прежнему стоявшей у подоконника, было хорошо видно, как дверь распахнулась. Она открывалась наружу и лишила Ребятову обзора. Юля не видела незнакомку и Женю. А Ковалева не знала, что несколькими ступенями ниже стоит пианистка. Зато Юлечка великолепно слышала диалог, который вели женщины.

– Алина Викентьевна? – воскликнула Женя. – Вы? Вот уж неожиданность! Что-то стряслось? В школе беда? Говорите скорей! Почему вы приехали, не позвонив?

– Нам надо побеседовать, – звонким голосом заявила гостья. – Немедленно! Я больше так не могу!

– Да что произошло? – испугалась Евгения. – Не молчите!

Ваше поведение? Какие вопросы постави...

– Вои́ти разреши́те! – сухо спросила гостья.

– Конечно, прошу вас! – опомнилась Ковалева.

Дверь закрылась. Юлия досадливо поморщилась: ну вот, ее опередили! Она осталась сидеть на подоконнике, глядя в окно, потом неожиданно ожил лифт, вероятно, мастер закончил ремонт, и кабина беспрепятственно взлетела на седьмой этаж. Из подъемника вышел мужчина, открыл дверь квартиры Ковалевой ключом и исчез внутри.

Юля вздохнула и решила, что ей плевать, кто находится в доме скрипачки, надо вызволить свою сумку. Она поднялась на лестничную клетку и замерла. До ее слуха долетели звуки скандала. Громко кричали женщины, их пытался переорать мужской бас. У двери в апартаменты Жени буквально воняло сандалом. У Юлии снова защипало в носу и горле. Она вошла в лифт и уехала прочь.

– Не хотелось оказаться в центре свары, – объяснила она свое поведение. – Аллергия снова ко мне подступила, правда, благодаря принятому лекарству я уже менее резко отреагировала на сандал. Подумала, завтра за сумкой приеду. Но Евгения трубку не снимала, и, главное, Сева пропал. Раньше он по пять-десять раз в день звонил Светлане Иосифовне, прибегал к ней, чай пил, беседы вел. А со среды исчез! Я подумала, что Женька вломила сыночку, запретила ему шляться к бабке, устроила поганцу аутодафе, и махнула рукой на свою сумку. Незачем мне снова показываться у Ковалевой, хватит стрессов, с прошлого раза до сих пор руки трясутся. Планшетка недорогая, в ней больших денег и документов нет. Выкинет Жека ее на помойку, плакать не стану. Понимаешь, я решила, что избавилась от Севки, но вместо одной проблемы появилась другая. Нелидова стала нервничать, повторять: «Где же Севочка? Что с мальчиком?»

Я задумалась, как поаккуратнее донести до Светланы Иосифовны правду, сообщить, что она лишилась общения с внуком. Что ты на меня уставилась, как сова! По-твоему, мне следовало просто наблюдать за тем, как в семью втирается вор, негодяй, врун?

– Женщина, которую Евгения назвала Алиной Викентьевной, была одета в синий льняной костюм? – перебила я Юлию. – Ты в этом уверена?

Ребятова дернула плечом.

– Какая разница, в чем она была? Не спрашивай ерунду.

– Иногда самая мелкая, незначительная деталь помогает разобраться в сложном деле, – пробормотала я. – Будь добра, ответь!

Юлия закатила глаза.

– Я хорошо помню ее наряд. Сама хотела нечто подобное приобрести, но жаба душила. Прошли те времена, когда лен считался дешевым материалом, теперь за него о-го-го сколько хотят! Пока тетка по лестнице поднималась, я ее со спины оценила и решила: не буду покупать летнее платье из натуральной ткани. Наверное, в нем не жарко, комфортно, тело дышит, но мнется-то как! Проедешь в таком до работы на метро, и словно тебя корова жевала. Ну уж нет! Говоришь, Сева в больнице, да? А Женька с собой покончила? Ну, так это она сыночка убила, у нее крышу снесло, Ковалева под конец нашего разговора совсем сумасшедшей выглядела. Избавилась она наконец от сына, исполнила мечту своей жизни!

* * *

Утром меня разбудил телефонный звонок.

– Спишь? – деловито осведомился Костин.

Я зевнула.

– Уже нет!

– Полдесятого на часах, – возмутился Вовка. – Все давно на работе. Чем ты ночью занималась?

Я почему-то стала оправдываться:

– Вечер получился длинным. Сначала побеседовала со Светланой Иосифовной, затем с Юлей, а потом приехала домой и трепалась с Максом.

– Он уже вернулся из Питера? – обрадовался Вовка. – Привез мне сушеного кальмара?

– Зачем он тебе? – удивилась я.

– Съесть! – воскликнул Костин. – Под пиво милое дело.

– Полная глупость тащить из другого города то, что продается в Москве почти на каждом шагу, – укорила я приятеля.

– А вот и нет! – заспорил он. – Между питерским и московским кальмаром такая же разница, как между тобой и мной.

– В обеих столицах не водятся головоногие, твою любимую закуску поставляют из-за границы, – остановила я гурмана. – Макс пока не вернулся, мы общались по скайпу.

– А-а, – поскущел Костин. – Понятненько. Рассказывай, что разузнала у Нелидовой.

Я в сжатом виде изложила приятелю суть бесед с матерью и гражданской женой скрипача, затем велела:

– Найди среди знакомых Евгении эту Алину Викентьевну. Учитывая вопрос Ковалевой: «В школе беда?», я предполагаю, что она – преподавательница гимназии.

– Интересное кино, – протянул Вовка. – Сначала Алина Викентьевна приходит к Жеке, причем, если верить Юлии, незадолго до трагедии. Потом она возвращается в квартиру Ковалевой, ты стала свидетельницей, как дама вошла в подъезд в розовых босоножках и ушла из него в туфлях, которые стояли в прихожей у Жеки.

– Думаю, обувь «Яковини», волшебным образом появившаяся на подставке, была принесена Алиной Викентьевной в пакете! – воскликнула я. – Дамочка знает, где Жека хранила запасные ключи, она отпирает дверь, снимает розовые босоножки, достает из полиэтиленового пакета серо-голубые «Яковини», ставит их на решеточку, надевает очень похожие по цвету и форме синие туфли с кожаным бантом, те самые, что я видела, босоножки запикивает в пакет и уходит, не забыв тщательно запереть дверь и вернуть связку в щиток.

– Похоже на бред, – оценил мои слова Владимир. – За фигом такой ерундой заниматься?

Я накинула на голые плечи халат.

– Сергей – медвежья голова рассказал мне...

– Кто рассказал? – изумился Костин.

– Прости, – засмеялась я. – Сергей Неписайло, муж писательницы Нечитайло, жалуясь на свою тяжелую судьбу, выдал историю про журналиста, который, уходя, надел новые ботинки хозяина, а свои старые оставил. Сорок второй размер не редкость. То ли папарацци спутал штиблеты, то ли решил поживиться.

– Лампудель, – нежно произнес Вовка, – ты переутомилась, извини, что тебя разбудил. Ложись, покомарь еще часок-другой. А то ты несешь чушь! Писайло, читайло, голова с ушами!

Я разозлилась:

– Слушай внимательно! Я в полном порядке. Думаю, Алина Викентьевна в среду затеяла в доме Ковалевой скандал. Страсти накалились до предела, по какой-то причине женщины здорово поругались. Алина бросилась в прихожую, впопыхах сунула ноги в серо-голубые туфли и убежала. Взяла и унесла дома и вещи и одежду снисконной, цвет обуви похож, форма тоже, и красочная логотип на боковой каблучке, вот ладок розный

газмер у хозяек дома и гости оказались одинаковы, цвет обуви полож, форма тоже – классические лодочки на небольшом каблуке, вот декор разные, но Алина так разнервничалась, что не обратила на это внимания.

Слегка остыв, она осознала ошибку и решила совершить обратный обмен. В пользу моей версии говорят и показания старушки Людмилы Алексеевны. Она спросила у Алины: «К кому вы идете?»

А та, вместо того чтобы спокойно назвать номер квартиры, нахамила чрезмерно бдительной пенсионерке. Почему? Не хотела называть фамилию Ковалевой? Вероятно, и это тоже, но давай вспомним про токсин, которым пропитаны «Яковини». Думаю, гостя находилась на грани истерики, с трудом владела собой. Во второй раз Алина встретила старуху в подъезде, уже спустившись из квартиры Жеки. Людмила Алексеевна не удержалась и пробурчала вслед незнакомке: «Вот, ходят, грязь таскают».

Обычное стариковское брюзжание, на которое нормальный человек не реагирует. Но Алина бросается на старуху и пытается ее задушить. Я сидела на детской площадке и видела, как она с багровым потным лицом вылетела во двор. Думаю, она стала жертвой яда, который вызывает припадки немотивированной ярости. Вспомним Жанну, которую отравы толкнула на самоубийство, Женю, почти потерявшую при встрече со мной человеческий облик, и станет понятно: моя версия о нечаянном обмене лодочек правильна.

– Жанна пользовалась туфлями около месяца, Евгения их носила в течение двух недель, – возразил Вовка, – а Алину яд сразу подкосил?

– Варвара Павловна Пискунова, кандидат наук из лаборатории, где изобрели «Кобратин», рассказывая о яде медуз, уточнила: «Он на всех действует с разной скоростью. У людей разная иммунная система, вес, заболевания, если на коже есть язвочки, ссадины, царапины, токсин очень быстро проникает в кровь», – напомнила я. – Вероятно, Алине хватило часа, чтобы подорвать здоровье. Мы обязаны как можно скорее найти ее и рассказать о яде. К сожалению, вылечить Алину нельзя, но она будет принимать успокаивающие средства. И еще! Людмила Алексеевна видела на указательном пальце грубиянки черное пятно и уверена: та бухгалтер, а отметина на руке возникла из-за пересчитывания большого количества купюр. А школьница Лиза, мать которой пыталась вымогать у Евгении миллион за мифическое изнасилование дочери, рассказала мне о тетке, которая устроила Севе в клубе скандал. По словам Елизаветы, незнакомка была «старухой сорока лет, одетой, как тупая училка». Так вот, по свидетельству девочки, скандалистка была грязнуля, у нее на указательном пальце темнело пятно.

– Это была Алина Викентьевна, – сделал вывод Костин.

Я вскочила с кровати.

– Молодец. Давай найди список сотрудников гимназии Ковалевой, я абсолютно уверена, что нужная нам особа окажется там.

– Полагаю, Михаил хорошо знаком с Алиной, – предположил Костин, – лучше спросить у него.

– Замечательное предложение! – воскликнула я. – Ты забыл, что Миша пребывает в состоянии шока? Он отказывается с кем-либо общаться.

– Уже нет, – возразил Костин, – поэтому я и позвонил тебе. Из больницы сообщили: муж Жеки хочет побеседовать с тобой. Ни с кем другим, исключительно с Лампой.

– И ты молчал? – закричала я, кидаясь к шкафу.

– Выслушал сначала твой рассказ, – обиделся Вовка, – ты ведь страшно злишься, если тебя прерывают. И еще новость. Мне сообщили, что Сева ненадолго пришел в себя, говорить он пока не может, но, вероятно, выкарабкается.

Я швырнула телефон в кресло и со скоростью молодой лани понеслась в ванную. Людям свойственно приписывать свои собственные эмоции окружающим. Это Костин возмущается, если кто-то пытается вставить словечко в его излишне затянувшийся монолог. Я же кротка аки агнец, мне и в голову не придет метать молнии.

Глава 34

– Вы к Михаилу? – спросила медсестра, сидевшая на посту. – Помню вас, вы заглядывали недавно. Поосторожней с ним, не нервнируйте его.

– Мише стало хуже? – испугалась я. – Утром от вас звонили и обрадовали, что он в норме.

Медсестра кивнула:

– Правильно. Его реабилитировала хорошая новость. Сегодня утром Михаилу сообщили, что сын очнулся, был в сознании некоторое время. Отец вроде сначала ничего не понял, но через час позвал меня. Я вошла в палату, и больной вполне разумно стал общаться. Положительные эмоции исцеляют.

– Побеседую с Мишей и пойду к Севе, – обрадовалась я.

– Вас к Ковалеву пока не пустят, – остудила мой пыл медсестра, – он в реанимации. И парень ничего не расскажет.

– Только что вы сказали: Всеволод в сознании, – напомнила я.

Собеседница кивнула:

– Сейчас его погрузили в сон. У парня перерезаны голосовые связки, речь отсутствует.

– Она восстановится? – с надеждой спросила я.

– Никто ничего не обещает, – с неохотой ответила женщина, – я не врач. Авось все обойдется, но может, и нет. Долгое это дело, восстанавливаться после такой травмы.

Когда я вошла в палату, Миша полулежал на кровати с книжкой Милады Смоляковой в руках.

– Тебе лучше? – забыв поздороваться, воскликнула я.

– Физически да, – протянул Михаил, – а так нет. Сделай одолжение, налей мне воды. Медсестра поставила бутылку на подоконник, а не на тумбочку.

Я плеснула минералки в стакан и подала ему. И тут же ощутила резкий запах одеколона с сандаловыми нотами, на мой взгляд, слишком тяжелого.

– Ты должна меня понять, – мрачно сказал Миша, – и не осуждать. Я видел, как Женя выпрыгнула. Вбежал в комнату, а она уже стояла на подоконнике. Надо было броситься к ней, но я растерялся. На полу в луже крови лежал Сева, я подумал, что он умер.

– Он жив, – быстро сказала я, – ему лучше, он пришел в себя.

– Мне уже сообщили, – кивнул Миша. – Но в тот момент я решил, что сын мертв, на горле ведь была открытая рана. Я закричал, а Женя рухнула вниз. Наверное, я сумбурно говорю.

– Все нормально, – сказала я. – Жека сама прыгнула?

– Да, – подтвердил Миша, – а я... не помню, что делал... вроде кинулся к Севе, а может, нет. Помчался вниз, попытался поднять Женю...

Михаил замер.

– Говори, говори, – попросила я.

Он отбросил книгу.

– Какая разница, что я делал тогда. И я там был не один, в квартире присутствовала учительница химии из нашей гимназии! Алина Викентьевна Буронская.

– Очень интересно, – сказала я. – А почему она?

Михаил опустил голову.

– Скажу только тебе! У нас с ней был роман.

Если бы сейчас белый больничный потолок рухнул, я бы удивилась меньше. У Михаила любовница?

– Не может того быть, – вырвалось у меня, – вы с Жекой обожали друг друга!

Миша откинулся на подушку.

– Она любила исключительно Севу, остальных терпела, меня в том числе.

Я уставилась на Михаила. Вероятно, в голове у него до сих пор каша. Выглядит он нормально, а несет чушь. У них с Жекой была идеальная семья!

Лебедев криво усмехнулся.

– Чужая жизнь потемки, за ярким фасадом могут скрываться грязь и плесень. Знаешь, что мне на пятую годовщину свадьбы сказала жена? Она не пила крепкий алкоголь, а тут я ее в ресторан повел, заказал коктейлей, они супруге язык и развязали. Взяла она очередной бокал и говорит:

– Мишаня, спасибо тебе за хорошее отношение к Севе. У меня было несколько претендентов на руку, все более богаты и чиновны, чем ты. Но лишь один не возражал, когда мы шли в кино вместе с мальчиком. Я поняла, ты будешь хорошим отцом, и отказала другим.

Отличная речь! Со мной отправилась в загс не потому, что меня любили, а из голого расчета. Мне предназначалась роль заботливого папули.

Вдовец закрыл глаза и замолчал.

– Тебе плохо? – испугалась я.

– Нормально, – с трудом произнес он.

В то же мгновение дверь палаты открылась, в комнату вошла женщина в синем льняном костюме. Увидев меня, она замерла, потом попятилась.

Михаил быстро сел, у него сразу появились силы.

– Входи, Алина, знакомься, это Лампа Романова.

Буронская продолжала стоять и молча смотреть на нас. Миша легко встал с кровати, приблизился к Алине Викентьевне, обнял ее за плечи и произнес:

– Мы же договорились! Надо рассказать правду. Если будем откровенны, нас поймут! Долго таиться не сможем, идет следствие. Очень скоро специалисты докопаются до правды. Ни я, ни ты ничего ужасного не сделали. Лучше объясним, как обстояло дело! Сядь!

Михаил подтолкнул женщину к свободному стулу, Алина села и откинула с лица прядь вьющихся волос.

– Вы испачкали палец, – сказала я. – Дать влажную салфетку?

Алина хриплым голосом ответила:

– Нет, я показывала детям опыты, случайно капнула на кожу реактивом, остался некрасивый черный след.

– Ты лучше расскажи про события последних дней, – велел Миша и лег на койку.

Алина беспомощно посмотрела на меня.

– Не знаю, что на меня накатило! Я не хотела! Она закричала, я испугалась... мне стало плохо... затоснило... в туалет... Миша... Сева... ну, как вам рассказать, помогите, пожалуйста! Вы мне не поверите! Я Женю не трогала.

Поскольку Михаил лежал молча, я решила прийти на помощь учительнице химии:

– Алина Викентьевна, я вам верю. Эксперт установил, что Евгения выбросилась из окна сама, но нам необходимо знать, что произошло в квартире в день трагедии. Давайте начнем издали. Давно у вас роман с Михаилом?

Буронская прижала к груди кулачки.

– Уже три года. Не осуждайте нас, мы не сделали ничего ужасного. Мы любим друг друга, хотим быть вместе, но судьба так сложилась, что пришлось таиться. Миша хороший муж, он жалел жену.

– Господи! Лампа! – вскипел Михаил. – Если б ты только знала! А вот я все расскажу!

Когда Михаил женился на Евгении, он совершенно искренне желал стать Севе хорошим отцом и, конечно, хотел собственных детей. Но Жека все не беременела, и в конце концов Миша тайком отправился к доктору сдавать анализы. Почему он не обвинил в бездетности супругу? У Жени уже был сын, Миша и подумал, что сбой случился в его организме. Но все результаты оказались в норме. После некоторого колебания он показал жене анализы и сказал:

– Сходи к гинекологу, вдруг небольшое воспаление мешает тебе забеременеть?

Она послушно отправилась на прием, и предположение Михаила подтвердилось. У жены нашли какую-то аномалию. Пару лет Жека исправно лечилась, а потом выяснилась правда. Михаил собрался в командировку в Тверь. Он поспешил домой, полез в чулан за дорожной сумкой, начал складывать пожитки и в боковом кармане нашел... противозачаточные таблетки. В поездку Михаил так и не отправился, сказался больным. Когда Евгения вечером вернулась с работы, супруг продемонстрировал ей упаковку. Ковалева разрыдалась и призналась:

– Я совершенно здорова. Но, прости, больше не хочу детей. Не переживу еще одну беременность, я умру. Поэтому купила лекарства и спрятала от тебя, принимаю их тайком.

Похоже, Миша сильно любил супругу. Он простил ей ложь, понял Жеку и более о детях не заговаривал, попытался стать отцом для Севы. Вот только мальчик совсем не был замечательным сыном. Михаил постоянно ловил пасынка на лжи. Севочка врал как дышал, отвратительно учился, хамил родителям, бабушке, педагогам. Сколько раз Михаил пытался взять ремень и выдрать безобразника, но Евгения всегда повисала на муже и говорила:

– Не смей трогать мальчика! В его поведении виновата я, если ребенок совершает ошибки, за них отвечают родители, которые не сумели его правильно воспитать. Бей меня, я причина того, что Сева двоечник и хулиган.

Алина вскочила со стула и пересела на кровать к Мише. Я молча смотрела на них. Людям, а врачам в особенности, надо помнить, что злыми словами можно ранить человека на всю жизнь. Уж не знаю, могли ли капли знахарки столь радикально повлиять на мозг Севы, виновато ли зелье в том, что он вырос настоящим мерзавцем, но вот Жеке педиатр внушила мысль о вине, и с той поры мать тщетно пыталась ее искупить, боялась, что правда о ее желании убить ребенка до его рождения вылезет наружу. Конечно, мне она ничего не сообщила, да и Юлии Ребятовой никогда бы не рассказала о каплях. Из-за токсина Женька впала в ярость и проболталась.

Миша тем временем перевел дух и продолжил.

В подростковом возрасте Сева неожиданно изменился. Он, правда, продолжал плохо учиться, но перестал грубить. Наоборот, в тот период, когда другие тинейджеры делаются невыносимы, Сева превратился в медовый пряник. Жека не могла нахвалиться на мальчика, педагоги в новой школе, куда перевели Севу, были от него в восторге, двойки в дневнике сменились незаслуженными тройками и даже четверками, но отчим знал: парень хитер, он лишь надел маску, понял, что поговорка про ласкового телятчика абсолютно справедлива.

– Помнишь новый год, которые мы встречали вместе! – продолжал миша. – Еще все тогда в снегу вещи потеряли! Костин часы посеял, кто-то кошелек.

– Конечно, – кивнула я, – выпили как следует и пошли на двор снежками швыряться! Идиоты! Так нам и надо!

– Нет, Лампа, – печально произнес Миша. – Ваши вещи украл Севка. Жека его разоблачила, у них состоялся разговор, мне жена ничего не сказала, я случайно их беседу подслушал. Мальчишка матери поклялся, что первый и последний раз на чужое позарился, она его простила и предложила: «Папе мы ничего не скажем, это наше с тобой личное дело, я виновата, что ты собой не владеешь. Это я тебя таким родила».

Отличное заявление! Оно снимало с парня всю ответственность. И я тогда понял: жена – худший образец матери, сумасшедшая клуша, обожающая отпрыска. Ничего хорошего из Севки не получится. И как в воду глядел!

Миша стал перечислять «подвиги» пасынка. На пятой минуте его обличительной речи я не выдержала и спросила:

– Если ты понимал, что представляет собой юноша, почему поддерживал с ним хорошие отношения?

Михаил заморгал.

– Неужели непонятно? Из-за Женьки! Я не хотел рушить семью.

– И завел любовницу! – буркнула я.

Миша с укоризной посмотрел на меня.

– Я не надеялся, что ты поймешь. Однако попробую объяснить. Наша с Жекой история длинная, в процессе жизни мы стали родными, но страсть ушла, остались привязанность, дружба и жалость. Я понимал: если оформлю развод, она долго не проживет. Я продолжал ее любить, но скорее как брат, интим у нас сошел на нет. А вот к Алине у меня иные чувства. Я метался между двумя женщинами. С Евгенией никакой радости нет, дома я постоянно наткался на Севу, от его вида блевать тянуло. Но бросить Жеку – значит предать ее, а я ощущал ответственность за жену. С Алиной мне спокойно, тихо, уютно, но жениться на ней я не мог, потому что боялся разбить семью.

Буронская подняла голову.

– И гимназия! Миша и Евгения совладельцы, после развода мало кому удастся сохранить хорошие отношения. Значит, бывшие муж с женой поругаются, учебное заведение развалится, Михаил потеряет источник дохода, лишится любимого дела.

На секунду лицо Лебедева приобрело злое выражение, и мне стало ясно: слова об ответственности за Женю – это ничего не значащие фразы, все вульгарно упирается в деньги. Развод означал потерю школы. Из обеспеченного человека Михаил превращался в мужика не у дел, доли, которую он получил бы при разделе капитала, не хватало на новый бизнес.

– И кредиты, – разоткровенничалась Алина. – Евгения поступила некрасиво, обманув мужа, но банку на это плевать. Плати, Мишенька!

– Кредиты? – не поняла я.

Вдовец постарался скрыть недовольство. Наверное, он уже пожалел, что просил Алину быть откровенной. Любовница перестаралась, выболтала то, о чем следовало молчать. Но делать нечего, пришлось Мише объяснить ее слова:

– У нас был трудный финансовый период, я поехал в банк, чтобы узнать насчет кредита, а меня там огорошили: у вас с женой уже оформлена ссуда.

Я помчался домой, поговорил с Евгенией, ну и выяснилось: она и раньше, оказывается, брала займы, но погасила долг, а сейчас супруга без моего ведома взяла большие деньги, отдала их Севе на открытие дела. Этот чертов «мальчик» решил основать свой клуб!

– Нельзя получить кредит без согласия супруга, – остановила я Михаила.

– Верно! – заорал тот. – Женька взяла мой паспорт, подделала мою подпись в анкете и представила доверенность от меня. Не спрашивай, как она оформила ее, я не знаю, не интересовался. Разозлился до остервенения и предложил: «Продавай драгоценности Таисии и покрывай долг». Ну и выяснилось, что жена давно спустила украшения матери! Опять на какие-то нужды Севочки!

– Мальчик-мажор! – зло сказала Алина.

– Мальчик – форс-мажор! – взвизнул Миша. – Мажор просто веселится за родительский счет. Мажора я бы пережил. А у нас форс-мажор! Вечно с Севой проблемы, и требуется его вызволять!

Про кредит Миша узнал в понедельник вечером. Скандал с Женькой случился в ночь на вторник. Михаил в процессе выяснения отношений хотел сложить вещи и, проорав: «Попадаю на развод», уехать к Алине. Но его остановила простая мысль: огромный кредит оформлен на обоих супругов. Банк потребует бабки назад, где Жене их взять? Только из общих семейных средств. Ну, разведется Михаил, потратится на юриста, докажет, что ничего не подписывал, и все равно лишится своих кровных. Может, лучше сделать вид, что ничего не случилось? Поразмыслить над ситуацией? Простить в очередной раз жену? Найти какой-то выход?

В среду обстановку в семье стала почти невыносимой. Супруги провели ночь в разных комнатах, они вежливо разговаривали друг с другом, но Миша знал: еще чуть-чуть, и он взорвется. Он спешно собрался и уехал из дома. На работу не пошел, просто долго катался по городу и в конце концов принял решение. Он даст Жеке последний шанс, вернется домой и спокойно обсудит с ней денежные дела. Но когда Михаил вошел в квартиру, он услышал из гостиной голос... Алины. Любовница рассказывала свою историю, весьма неприятную.

Некоторое время назад Буронская поняла, что в ее отсутствие кто-то шарит в ее квартире. Из коробочки, где она держала деньги на хозяйственные расходы, стали пропадать деньги. Утром Алина, уходя в гимназию, взяла две тысячи и отлично помнила, что в «банке» осталось семь штук. А вернувшись вечером, нашла пять. Затем она обнаружила пропажу дорогого, подаренного матерью колечка. Учительница не носит каждый день украшения, хранит их в ящике комода. Когда испарился перстень, она точно сказать не могла. Дверь в квартиру выглядела нетронутой, порядок в комнатах не нарушали, но кто-то определенно лазил по семейным захоронкам.

– Где вы храните запасные ключи? – не утерпела я. – В электрощитке?

Алина кивнула.

– Да, и я не сразу о нем вспомнила. А потом подумала: наверное, кто-то из соседей безобразничает, и убрала ключи из щитка. Хотя у нас дом ведомственный, жильцы все старые, новых не появлялось, никогда у нас ранее неприятностей не случалось. Спустя месяц я затеяла генеральную уборку, отодвинула в прихожей комод, а за ним визитка валяется: «Всеволод Ковалев. Клуб «Туннель», организация праздников». Тут же мне все ясно стало. Сева нас с Мишей выследил, узнал мой адрес, нашел запасные ключи и пошарил в квартире. Небось хотел посмотреть, как живет любовница отца, может, решил нас шантажировать, не знаю, что в его гадкой голове бродило. Приезжал ко мне и таскал по мелочи. Хотя крупных ценностей у меня нет! Но бог шельму метит! Наверное, гаденыш швырнул на комод свою куртку, а из кармана карточка вывалилась и спланировала на пол.

– Вы поехали в «Туннель», – сказала я, – увидели на руке Гали свой перстень, отняли его, и что дальше?

Алина всхлипнула.

– Ничего. Поменяла замки, Мише ничего не сказала.

– Почему? – удивилась я.

Буронская сгорбилась.

– Не знаю! Растерялась! Расстроилась! Решила, что Сева мстит мне за роман с отчимом. Испугалась! Не хотела травмировать Михаила. Не спрашивайте! Нет ответа! Мне было очень плохо! Я подумала, что потеряю любимого, если сообщу ему о происшествии. Я бы и дальше молчала, но в

среди Миша не пришел на работу. Я позвонила ему на мобильный, стала расспрашивать, а он возьми да скажи: «Не сейчас, Алина, у нас с Женей возникла огромная проблема. На этой неделе нам не удастся встретиться, я должен помочь жене преодолеть непростой период в жизни».

И рассказал про кредит. Назвал такую сумму! Заоблачную!

Буронская заколотила кулачками по постели.

– У них с Женей! Он должен ей помочь! А я, значит, сиди молча в сторонке и жди, пока Миша женушку утешает? Мне так надоело быть запасным аэродромом! Женечку надо беречь, холить, лелеять! Севе машину покупать, вещи шикарные, а мне что? Женька кредит взяла, Мишу обманула, а он ее по головке за это гладит?!

– Я ему ничего не покупал, – отмахнулся Миша, – все Жека в клювике несла. Автомобиль ее идея была, не моя!

– Плевать, кто из вас решил Севке колеса дарить, – зашипела Алина, – ты все вкладывал в семью, а мне доставались одни слова!

– И вы помчались к Жене, чтобы открыть ей правду? – спросила я.

– Да, – кивнула Алина, – ревность ум затмила! Твердо решила с ней поговорить. Думала, если она не откроет дверь, сделаю как Сева. Возьму из щитка ключи, войду в квартиру без спроса и дождусь хозяйку. Ковалева, как и я, ключи запасные в щитке держала. Я Мише свое тайное место показала, а он захихикал: «Вы с Женькой кое в чем похожи!» Но она дверь открыла, удивилась, когда меня увидела, впустила, я ей все и выложила. И тут началось такое! Не успела я про перстень рассказать, как она побагровела и бегом в другую комнату. Я за ней! Вношусь в спальню, а там Сева. Я предположить не могла, что парень дома. Сидел у стола, скреб кухонным ножом какую-то железку. Женя к нему подбежала невменяемая и кричит:

– Убью! Уничтожу! Давно пора!

Я оцепенела, Сева тоже, но он быстро в себя пришел, толкнул мать на диван, она упала и замолчала. А Севка на меня пошел, нож в руке держит и тихо говорит:

– Довольна? И как теперь с тобой поступить?

Я поняла, что сейчас он лезвием меня пырнет, вперед прыгнула, выдернула у него нож и в него ткнула. Не знаю, куда попала, кровь потекла, по рубашке пятно расплылось. Сева упал на ковер, я тесак выронила. Женя заорала, кинулась к сыну. Кровь льется! Миша прибежал в такой ярко-зеленой рубашке, что меня затоснило, закричал: «Он убит!» Получается, он тоже дома был. Я все словно в тумане видела, мне было очень плохо, уши будто ватой заложено, тошнило, голова кружилась... нет слов. Мне тот день вспоминать тяжело. Я его хочу забыть, но сегодня утром Миша позвонил, попросил прийти, рассказать правду. Я же свидетель! Хотя и участник тоже, ударила Севу ножом. А Женя ему перерезала горло и спрыгнула вниз.

– Вы это видели? – переспросила я.

– Ну... вроде, – поморщилась Алина.

– Она присутствовала, – кивнул Миша, – готова подтвердить: Жека напала на сына и потом совершила суицид. Дорогая, соберись и скажи четко: да!

– Да, – эхом повторила Буронская, – ну... да! Понимаете, я так испугалась! Умчалась из комнаты, хотела кинуться в прихожую, но попала к ним в спальню, залезла в шкаф, сижу там почти в обмороке. Потом появился Миша – весь в крови, сказал мне: «Успокойся, понимаю, ты увидела, как Женя перерезала Севе горло и выпрыгнула из окна, но приди в себя. Я иду вниз к трупам, а ты уходи из квартиры, поднимайся на чердак, пройди через него в другой подъезд, он выходит не во двор, а на улицу. Давай торопись, тебе не следует здесь оставаться».

Алина замолчала.

– Жека убила Севу? – переспросила я.

Миша кивнул.

– Она в последние дни вела себя как безумная, впадала в ярость, могла заорать безо всякого повода. Когда я вошел в спальню Севы, тот лежал на полу, горло перерезано, жена с ножом в руке. Я пошевелиться не мог, а она засмеялась, пошла к окну и выпрыгнула.

Миша страдальчески поморщился.

– Я подумал, что Сева умер, ему уже не помочь, и побежал вниз.

– Но сначала велел уйти Алине, – напомнила я.

Вдовец потер рукой лоб.

– Не захотел ее впутывать, испугался, она же все видела, Жека на ее глазах напала на сына.

– Но сегодня ты попросил любовницу, чтобы та рассказала мне правду? – продолжала я. – Ты меня позвал, чтобы я выслушала эту историю из уст Алины Викентьевны.

– У меня был шок, – жалобно произнес Миша, – сейчас я отошел, все вспомнил и понял: необходимо в деталях сообщить о случившемся.

Алина вдруг затряслась.

– Можно ли заразиться чужим безумием? Я поговорила с Евгенией, и у меня тоже припадки ярости начались. Несколько раз в последние дни в глазах от злости темнело!

– Вы в спешке перепутали туфли, – вздохнула я. – Надели лодочки Жени, потом приехали их поменять!

– Откуда вы знаете? – подскочила Буронская.

– Это праздный вопрос, – отмахнулась я и вынула из кармана небольшую рацию. – Вовка, ты все слышал?

– Да, – ответил Костин, – уже дверь палаты открываю. Всем здравствуйте.

– Это кто? – перепугалась Алина.

– Владимир Костин, – представила я приятеля, – он незримо присутствовал при нашей беседе, находился неподалеку, в холле.

– У меня назрели вопросы, – деловито произнес Вовка. – Алина Викентьевна, вы точно видели, как Женя перерезает горло Севе?

– Она уже сказала, что была свидетельницей страшного поступка моей несчастной жены, – быстро вмешался Миша. – Зачем мучить Алю?

– Кое-что не сходится, – нахмурился Костин. – Алина Викентьевна сейчас описала рану, которую нанесла Всеволоду. Кровь медленно растекалась по рубашке. Буронская несильно травмировала парня, ей показалось, что крови море, но это от страха. Порез был неопасным, но болезненным. Сева просто упал в обморок.

– Ну да, – снова подтвердил Михаил, – он лежал тихо. Я посчитал его мертвым, и он не сопротивлялся, когда мать зарезала его. Все именно так и было.

– Если человеку вспороть горло, то кровь зальет все вокруг и непременно попадет на убийцу, – жестко сказал Вовка. – Севе повезло, нож не поранил крупные сосуды, артериального кровотечения не было. Но у преступника, который перерезает кому-то горло, всегда пачкается рукав одежды, брызги попадают на переднюю часть рубашки. А платье Жени было чистым, на нем ни пятнышка не нашли. Вернее, под спиной и головой бедняги, рухнувшей с высоты, разлилась кровавая лужа, но спереди одежда чистая и манжеты не замараны. Расположение пятен соответствует падению из окна, но они никак не от убийства Севы. Криминалистика очень точная наука, люди врут, улики – никогда. Ковалева не трогала сына. Она услышала ваш вопль: «Сева убит» – и прыгнула из окна.

– Одурманенную токсином Жеку нельзя считать нормальной, – подхватила я, – яд медузы не только вызывает припадки гнева и лишает человека способности логически мыслить, он еще подталкивает его к суициду. Если б не токсин, Женя могла бы остаться в живых.

– О каком яде вы говорите? – с искренним изумлением спросил Миша.

– Женьку отравили? – закричала Алина. – Кто?

– Жадность Севы, который преподнес матери туфли Жанны, несчастной жены Андрея Яковлевича Воронкова, – ответила я.

– Вернемся к попытке убить Всеволода, – сказал Костин. – Кто перерезал ему горло?

– Женя, Алина это видела! – опять вмешался Миша. – Скажи, дорогая!

– Ну да, – без особой уверенности подтвердила Буронская. – Я плохо помню... кровь... нож... Жека...

– Лучше остановитесь, Але может стать плохо, – заботливо сказал Михаил.

– Ну тогда я сама расскажу, как обстояло дело, – мрачно произнесла я. – Мальчик – форс-мажор достал отчима. Миша не пожелал поделиться с нами одной подробностью. Вторник у него выдался очень нервным. Позвонили из банка, Михаил бросился туда, узнал про гигантский кредит, вернулся домой, а там Юлия Ребятова. Она вываливала Жеке правду о том, как Сева обхаживает Светлану Иосифовну Нелидову. Бедная Ковалева сорвалась, выболтала тщательно хранимые тайны, женщины подрались. Юлия убежала, она не видела Михаила.

– Правильно, потому что меня в квартире не было, – огрызнулся вдовец.

– У Ребятовой аллергия на сандал, – произнесла я, – а ты всегда пользуешься одним и тем же одеколоном с этими нотами. Как большинство мужчин, ты не знаешь меры, выливаешь на себя пригоршню парфюма. Даже сейчас, когда ты лежишь в больнице, от тебя пахнет сандалом. Юля начала чихать, выйдя в коридор. Ты был дома и все слышал.

Поставьте себя на место отчима Севы. Он видел от парня одни неприятности. Пасынок растет, беды вместе с ним. Кредит, визит Юлии, тягостное выяснение отношений с Женей – это вторник. А в среду прикатывает Алина и происходит трагедия. Могу предположить, как развивались события.

Буронская ранит Севу, тот, изнеженный, никогда ни от кого не получавший даже тумака, падает от боли в обморок. Евгения в ужасе замирает у раскрытого окна. Она только что орала на сына, ей очень плохо. В эту секунду в спальню входит Миша и вопит: «Севу убили!» Алина в панике бросается в глубь квартиры, она в шоке, не владеет собой и, если честно, плохо помнит, что произошло. Муж с женой остаются одни. Сева лежит в обмороке на ковре. Жека кричит в отчаянии: «Мальчик умер!»

Я посмотрела прямо в глаза Мише.

– Ты-то сразу понял, что гаденыш попросту лишился чувств. А еще сообразил: вот он, шанс одним махом решить все проблемы, избавиться от пасынка. Что ты сказал Жеке? Наверное, памятуя ее беседу с Ребятовой, укорил жену: «Да, Сева погиб! И в его смерти виновата ты! Хотела избавиться от мальчика, травила его! Теперь радуйся!»

Думаю, ты все же не хотел смерти Жени, не предполагал, что она выкинется из окна, рассчитывал, что она лишится чувств, а ты добьешь парня и вложишь нож в руку жены. Но она вскочила на подоконник.

– Это вранье, – прошептал Миша, – наглая ложь!

– Нет, – твердо сказала я, – тебе пришлось на ходу придумывать план. Сначала ты полоснул лезвием по шее Севы. В кино показывают, как легко убийца вспарывает человеку горло, – одно движение, и все. На самом деле это совсем нелегко, ты сильно нервничал и не довел дело до конца. Увидев море крови, решил, что убил пасынка, поспешил найти Алину, велел ей уходить через чердак. Буронской не должно быть в квартире, когда прибудет полиция. Затем ты схватил нож. Внимание! Алевтина Меркулова упомянула, что Михаил выбежал из подъезда во двор, где лежало тело Жеки, держа в одной руке свернутое полотенце. На этот незначительный факт никто не обратил внимания, никто не спросил: «Миша, зачем оно тебе?» Любящий муж спрятал в нем кухонный тесак. Вот почему отпечатки пальцев на орудии нападения оказались смазаны. Повторяю еще раз. Михаил хватает нож, заворачивает его в полотенце, бежит вниз и начинает рыдать над телом жены. Но около Жени уже стоит соседка, медсестра Меркулова, в ее присутствии трудно осуществить задуманное. И Миша кричит: «В квартире Сева! Он тяжело ранен! Помогите ему!»

На самом деле Михаил был уверен, что ненавистный пасынок мертв, ему просто хотелось удалить Алевтину. Та бежит в подъезд. Не отошли отчим медсестру, Сева бы точно умер, но Алевтина работает на «Скорой», она оказала парню первую помощь. Получился парадокс: Миша покушался на жизнь Севы, но он же и спас его.

Муж быстро подсовывает под тело Евгении нож. Вот почему он не разбился: не падал с высоты. И понятно, как клинок оказался слева от трупа, Михаил в спешке совершил ошибку. Наклонился над женой, держа нож в правой руке, и положил его на землю, под левую ее руку. Я понятно объяснила?

– Более чем, продолжай, – велел Вовка.

Я откашлялась.

– Начинается суматоха, прибывают врачи, убийца узнает: жертва жива. Сева в тяжелом состоянии, но может выжить. Миша пугается и не находит ничего лучше, чем изобразить шок. Опыт у него есть. Я имею в виду давнюю аварию, когда отчим и пасынок попали в больницу. Зачем Михаилу изображать временное помешательство? Ну, во-первых, это яркое свидетельство горя. А во-вторых, и это главное, вдовцу необходимо решить, как действовать, он боится беседовать со следователем, не зная, в каком состоянии Всеволод. Да, пасынок вроде был без сознания, когда отчим занес над ним нож, но вдруг он все же видел, кто хотел лишить его жизни? Михаил надеется на смерть Севы, боится, что тот заговорит. И сегодня утром медсестра, полагая, что приносит больному счастливую весть, сообщает: «Ковалев пришел в сознание, вот только говорить не способен. Крепитесь, к нему вообще может не вернуться голос».

Миша понимает: пройдет не один месяц, пока Сева очухается и сможет описать на бумаге то, что случилось. Вероятно, он и впрямь не видел, кто хотел его убить, надо убедить следствие закрыть дело. Как? Подсунуть им преступницу, Евгению. Вот почему Миша просит меня приехать, вот почему зовет Алину, которая плохо помнит происходящее и готова подтвердить любые слова любовника, вот почему откровенно рассказывает о семейных проблемах. Он выгораживает себя, хочет поставить на покойную жену двойное клеймо «убийцы-самоубийцы» и спокойно жить дальше.

– Красивая история, – взвизгнул Михаил. – Фантазия у тебя буйная, где доказательства?

Я сказала:

– На месте. Алина, рассказывая о событиях, воскликнула: «Миша прибежал в такой ярко-зеленой рубашке, что меня затошнило от ее цвета».

– Ну и что? – взвизгнул вдовец.

Костин исподлобья посмотрел на него.

– Да просто и у Лампы, и у меня отличная память. Медсестра Меркулова, давая показания, сообщила: «Я поняла, что Евгении уже не помочь. Стою у ее трупа, хочу вызвать полицию, и тут прибегает Миша, кидается к жене, плачет. Такие глупости иногда память удерживает, на муже Ковалева была футболка с принтом, смайлик с улыбкой. В той ситуации майка произвела на меня жуткое впечатление. Смерть – и эта улыбка».

Ты, Михаил, совершив покушение на Севу, измазал кровью рукав, да и всю рубашку в придачу, поэтому живо поменял ее, поостерегся выбежать на улицу в таком виде. Эксперты исследовали только спальню, тебя сразу увезли в клинику. Думаю, мы найдем сорочку. А тебе будет трудно объяснить, откуда на ней следы крови Севы.

Я закрыла глаза и ни к селу ни к городу вспомнила вдруг домашнюю кличку Михаила. Жека называла иногда мужа «дед Мазай», шутила, что она и Севочка зайцы, которых Михаил вытащил за уши из реки больших материальных и бытовых проблем. Моя подруга считала супруга своим защитником

и, несмотря на семейные разногласия, верила ему, но у деда Мазая, оказывается, был черный список тех, кого он ненавидел. Как же так получилось, что Женечка числилась там под первым номером? Куда уходит любовь? И почему она часто трансформируется в ненависть?

Эпилог

Зеленую сорочку обнаружили в бачке для грязного белья. Эксперт Роман подтвердил: разбрызг капель на манжетах и передней части рубашки соответствует ранению Севы. То есть именно Михаил перерезал горло пасынку. Сейчас Миша находится в следственном изоляторе, его судьбу решит суд.

Узнав, что Юлия ходила к Жеке и просила ее запретить Севе посещать бабушку, Светлана Иосифовна впала в гнев и выгнала вон гражданскую жену Никиты. Я не переживала за судьбу Ребятовой. Нелидов оставил ей много денег, Юле не придется коротать век в коммуналке, она спокойно купит себе квартиру.

Тамара Михайловна Кислова, отравившая туфли, осуждена на большой срок. Обувь уничтожена. Ее из-за высокой опасности не оставили на складе улик.

Что произошло со Всеволодом? Он после выхода из больницы поселился у бабушки. Никита исчез из жизни матери навсегда, и Светлана Иосифовна самоотверженно заботится о внуке. Пожилая дама написала завещание, в котором назвала Севочку своим единственным наследником.

После того как Михаил получит срок, Сева будет единолично распоряжаться гимназией, ему достанется бизнес матери и отчима, ведь других родственников нет. Похоже, мечта Севочки безо всяких усилий стать обеспеченным человеком может осуществиться. Голос у мошенника пока не восстановился, но врачи не теряют надежды на его успешную реабилитацию. Я с Всеволодом не общаюсь, если честно, мне просто противно встречаться с ним.

В начале сентября мы с Максом отправились на ВВЦ, где открылась Московская международная книжная выставка-ярмарка. Макс сразу ринулся к энциклопедиям, я пошла смотреть детективы, задержалась у одного стенда, начала перелистывать книги и вдруг услышала знакомый голос, гремевший через усилитель:

– Прекрасно! Есть еще вопросы к писателю Нечитайло?

Мой нос неожиданно ощутил удушающий запах кокоса и ванили. Я чихнула, подняла голову и поняла, что аромат мне почудился. Рядом никого не было, все люди толпились чуть поодаль возле небольшой круглой сцены, на которой стоял Адам Корсунский.

– Ну, жду вопросов! – повторил издатель.

Над толпой взметнулась тонкая рука.

– Скажите, разве Валентина Нечитайло мужчина? Извините, конечно, но я всегда считала ее женщиной.

– Это из-за имени, – застрекотал Адам, – родители нарекли будущего автора бестселлеров Валентина, ударение на первый слог. Понимаете? Валентина – мужчина, Валентина – женщина.

– Ага, – растерянно ответила читательница, – ну тогда ясно.

Я приблизилась к группе фанатов, прошла в первый ряд и увидела на сцене кресло, в котором сидел тощий, хрупкий человечек в темном костюме и белой рубашке. Шею литератора обвивал узкий черный галстук. Единственным ярким пятном в наряде Сергея, законного супруга Валентины, являлись носки цвета пожарной машины. Ох, не зря в народе говорят, что муж и жена одна сатана. Хоть Неписайло и жаловался на ужасные притеснения, но кое в чем Сергей и Валя оказались схожи. Хорошо хоть он не носит бюстгальтеры с золотой бахромой и не увлекается кокосово-ванильным парфюмом. А еще он послушен и находится полностью под властью Адама Корсунского. Издатель горит желанием использовать бренд «Валентина Нечитайло» и сейчас рассказывает сказку про имена-унисекс с разным ударением. Сергей согласился перекрасить волосы, он теперь блондин, а вот брови у него остались черными. Корсунскому надо только натянуть на него леопардовый комбинезон, и сходство Сергея с женой станет почти абсолютным.

– Чем ты заинтересовалась? – спросил Макс, подходя ко мне.

Я повернулась к супругу.

– Думаю, на что способны мужчины ради славы и денег.

– Женщины тоже никогда не откажутся от миллионов, – вздохнул Макс.

– И все-таки у нас разное отношение к деньгам, – улыбнулась я. – Мужчина привык решать проблемы при помощи купюр, а женщина очень часто при схожей ситуации забывает о финансах.

– Да ну? – улыбнулся муж. – И когда же, например?

– Очень часто, – повторила я. – Возьмем хотя бы простое дорожное происшествие. Ты не успел затормозить и вломился в багажник черного джипа. Как поступишь? Первое твое побуждение?

– Посмотрю, сколько купюр в портмоне, – оживленно ответил Макс.

Я засмеялась.

– Сто женщин из ста в этом случае сразу посмотрят в зеркальце.

notes

Примечания

1

Биография Евлампии Романовой подробно описана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

2

Название всемирно известного частного детективного агентства.

3

История знакомства с Катей рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

4

История знакомства и дружбы Лампы с Костиным описана в книгах Дарьи Донцовой из серии «Следствие ведет дилетант»: «Маникюр для покойника», «Покер с акулой» и др., издательство «Эксмо».

5

Поцелуй меня в зад (*неправильный английский*).

6

История женитьбы Костина рассказана в книге Дарьи Донцовой «Камасутра для Микки-Мауса», издательство «Эксмо».

7

Почему Ефросинья Романова сменила имя, как она стала Евлампией (Лампой), рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».